

ИСТОРИЯ HISTORY

Абабкова Н. Н.
N. N. Ababkova

ТЕАТРЫ ЮГА ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

THEATER OF THE RUSSIAN FAR EAST SOUTH AT THE TURN OF XX – XXI CENTURIES: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Абабкова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 89141690995. E-mail: Ababkova70@mail.ru.
Ms. Nalalia N. Ababkova – PhD in History, Associate Professor, Department of State and Law History, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Str.; tel. 89141690995. E-mail: Ababkova70@mail.ru.

Аннотация. В последние годы XX и начале XXI в. в связи с радикальными общественными изменениями исследователями предпринимались попытки проанализировать современные преобразования и показать их влияние на политическое, экономическое, социальное и культурное развитие страны. Важнейший институт культуры – театр – проделал значительный путь реформирования, при этом цели и задачи всегда отражали потребности общества, уровень его культурного развития, глубокие нравственные потребности различных социальных групп населения, а также политику государства в отношении культуры. Модернизация российского театра происходила в сложных исторических условиях. Историческая ретроспектива позволяет рассмотреть развитие театрального дела в России на рубеже XX – начале XXI вв. в динамике, выявить положительные аспекты и недостатки в работе театров в новых реалиях, определить тенденции дальнейшего развития. Особое значение для исследования российского театра периода радикальных преобразований имеет изучение театрального дела на юге Дальнего Востока. Приграничное положение региона, особый состав населения, отдаленность от центра страны определили специфику его развития. В настоящее время, несмотря на повышенное внимание российского правительства к развитию Дальнего Востока, этот регион по-прежнему остается территорией с отсутствием необходимой инфраструктуры. Намного острее, чем в центральных районах Российской Федерации, стоит проблема трудовых ресурсов и текучести кадров. Поэтому изучение и обобщение исторического опыта, накопленного исследователями Дальнего Востока, является актуальным.

Summary. In XX and XXI centuries in connection with the radical social changes researchers have attempted to analyze the current transformation and to show their influence on the political, economic, social and cultural development of the country. The most important institutions of culture, i.e. theater, has passed a long way of reforming. The goals and objectives have always reflected the needs of society, the level of cultural development, profound moral needs of different social groups, as well as state policy concerning culture. Modernization of Russian theater took place in difficult historical conditions. Historical retrospective allows us to consider the development of theatrical business in Russia at the turn of XX – XXI centuries, to identify the positive aspects and shortcomings in the work of theaters in the new reality, to identify trends in the further development. Of particular importance for the study of Russian theater period of radical change is the study of theatrical business in the south of the Far East. The border location of the region, the special composition of the population, remoteness from the center of the country determined its specific development. At present, despite the attention of the Russian government paid at the development of the Far East, the region remains being the area with the lack of the necessary infrastructure. The problem of human resources and staff turnover is much sharper than in the central regions of the Russian Federation. Therefore, the study and compilation of the historical experience gained by researchers of the Far East, is important.

Ключевые слова: театр, исследователи, исторический процесс, театральная культура, Дальний Восток, исторические работы, отечественная историография, радикальные изменения.

Key words: the theater, the researchers, the historical process, theatrical culture, the Far East, historical works, domestic historiography, radical changes.

УДК 94(470)(571.6)

Для исследования основных тенденций развития дальневосточного театрального искусства на рубеже XX – начале XXI вв. важно иметь общее представление об общественно-политической ситуации в стране в указанный период. Важную информацию о состоянии российского общества, переживающего глубокую трансформацию, содержат работы российского социолога Н. Е. Тихоновой [31], экономиста Н. М. Римашевской [25], известных отечественных историков Р. А. Медведева [15], В. В. Согрина [28].

Теоретической основой изучения российского театрального искусства стали труды В. Э. Мейерхольда [17], К. С. Станиславского [29] и В. И. Немировича-Данченко [19]. Ключевые вопросы авангардного направления в русском театре исследованы работами И. А. Вакар [3]. Эстетические и театроведческие аспекты изучаемой проблемы раскрыты в трудах С. И. Овчинниковой [20] и С. А. Изволиной [9].

Значимую роль в изучении развития современной культуры внесли многочисленные исследования по истории, философии, социологии и истории культуры.

Культурная политика России в советский и постсоветский период, этапы ее становления, основные приоритеты и особенности реализации рассмотрены в трудах В. С. Жидкова [8].

Вопросы реформирования культуры во второй половине 1980-х гг. проанализированы в трудах В. Н. Пименовой [23]. Современное состояние отечественной культуры в эпоху кардинальных изменений представлено исследованиями В. Н. Орлова [21], В. Ф. Рябова [26], В. Н. Сагатовского [27]. А. А. Московская рассматривает культуру в контексте общественно-экономического процесса, тем самым определяя ее место и значимость в развитии общества [18].

Особенности работы провинциального театра исследованы российским театроведом В. Я. Калиш [11].

В постсоветский период появляются исследования, в которых театр представлен важнейшим средством межкультурной коммуникации. Глубокое исследование российского театра как одного из видов искусства и как значимого социокультурного института провел известный российский искусствовед В. Н. Дмитриевский [7].

Более объективное изучение истории театрального искусства в нашей стране в период общественных трансформаций представляется возможным, если рассматривать этот аспект в контексте развития регионального театра.

По сравнению с общероссийской региональная историография театральной культуры очень невелика по объёму. В советское время, вопросы, связанные с функционированием дальневосточных театров, были представлены в немногочисленных заметках и статьях. Специфика процесса становления и развития театра на Дальнем Востоке была освещена в работах Н. И. Вайсман [4], А. С. Иванова [10], С. З. Гришко [6]. После распада СССР региональная историография значительно увеличилась. Глубокие изменения социально-экономической и политической ситуации в России позволили ученым с иного ракурса оценить деятельность театров на Дальнем Востоке. Были созданы работы, направленные на изучение ранее замалчиваемых сюжетов действующего режима. Это исследования историков М. А. Кузьминой [14] и А. Г. Козлова [12], рассматривавших деятельность театров Дальнего Востока в системе ГУЛАГ.

Особо ценными работами для исследования театральной культуры на Дальнем Востоке являются работы дальневосточного ученого И. Г. Стрюченко, в которых автор анализирует российскую культуру через призму исторического процесса, тем самым доказывая, что каждой эпохе соответствует собственная система ценностей [30]. Помимо этого, исследователь предпринимает попытки создания методологического подхода в изучении вопросов культуры в дальневосточной историографии.

Исследование дальневосточного театрального искусства в новом тысячелетии качественно изменилось и вышло на новый уровень. Актуальность приобретают проблемы национальной театральной культуры. Т. Мельникова – главный хранитель Хабаровского краеведческого музея – в своей работе обратилась к вопросам возникновения нанайского национального театра и специфи-

ки его функционирования в наши дни. Автор восстановила историю первого нанайского национального театра, указав особое внимание на важнейшую задачу по сохранению нанайского театрального наследия [16].

Деятельность Камерного еврейского музыкального театра (КЕМТа) получила научное осмысление в различных советских исследованиях. Однако в период радикальных общественных перемен 1985 – 1990-х гг. творчество КЕМТа остается слабо изученным в отечественной историографии. Следует отметить работу Е. И. Кудиш [13]. Проблема национальных театров рассматривается и в статье И. С. Бренера, где ученый определил специфику развития еврейской национальной театральной культуры [2].

Значительный вклад в изучение истории досоветской театральной культуры на Дальнем Востоке внесла дальневосточный театровед А. В. Шавгарова [32], которой были определены особенности становления театрального дела в Дальневосточном регионе России.

История развития дальневосточного театра была расширена С. Ю. Гамалей [5], которая посвятила свое исследование формированию государственной политики в области театрального искусства на Дальнем Востоке СССР в период становления советской власти.

Становление театрального дела в Приморье получило освещение в трудах Н. Б. Поповой [24].

И. И. Шибико в своей работе рассмотрела специфику развития художественной культуры провинциального города на примере г. Комсомольска-на-Амуре [33].

В настоящее время наиболее значительное исследование по истории дальневосточных театров в условиях общественных трансформаций второй половины 1980-х – начало 2000-х гг. проведено Э. В. Осиповой – научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН [22]. В новейшей региональной истории это один из самых глубоких научных трудов по развитию дальневосточных театров в постсоветский период. Монография А. В. Ахметовой посвящена актуальной на сегодняшний день национальной проблеме. В ней исследователь уделяет особое внимание сохранению национального культурного наследия коренных малочисленных народов Дальнего Востока в условиях коренных общественных изменений [1].

Таким образом, историографический обзор проблемы развития театра на российском Дальнем Востоке позволяет сделать вывод, что исследуемая тема нашла определенное отражение в исторической науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметова, А. В. Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1925-1985 гг.): моногр. / А. В. Ахметова. – Владивосток: Дальнаука, 2013. – 169 с.
2. Бренер, И. С. Роль и влияние Шолом-Алейхема в развитии культуры и искусства в Биробиджане / И. С. Бренер // Вестник ТОГУ. – 2010. – № 1(16). – С. 245-252.
3. Велиев, А. Роль театральных исследований 90-х годов XX века / А. Велиев // Современные гуманитарные исследования. – 2012. – №1. – С. 88-94.
4. Вайсман, Н. И. Шекспир на Амурской сцене / Н. И. Вайсман // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. – 1992. – № 7.
5. Гамалей, С. Ю. Еврейский театр Биробиджана: история становления / С. Ю. Гамалей // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: материалы IV региональной науч-практ. конф. – Красноярск-Биробиджан: «Кларнтианум», 2003. – С. 170-175.
6. Гришко, С. З. Воспитание навыков сценического действия в театральной школе: учеб. пособие / С. З. Гришко. – Владивосток: Дальневосточный университет, 1983. – 72 с.
7. Дмитриевский, В. Н. Социальное функционирование театра и проблемы современной культурной политики / В. Н. Дмитриевский. – М.: ГИИ, 2000. – 351 с.
8. Жидков, В. С. Культурная политика и театр: моногр. / В. С. Жидков. – М.: Изд-во лит. по атом. технике, 1995. – 320 с.
9. Изволина, С. А. Театр и философия / С. А. Изволина. – М.: Знание, 1988. – 64 с.
10. Иванов, А. С. Дорога длиною в век: 100 лет театру драмы Хабаровска / А. С. Иванов. – Хабаровск: ТОО «Восток Пресс», 1994. – 288 с.
11. Калиш, В. Театральная вертикаль / В. Калиш. – М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1991. – 272 с.

12. Козлов, А. Г. Огни лагерной рампы. Из истории Магаданского театра 1930-1950-х гг. / А. Г. Козлов. – Магадан: Раритет, 1992. – 143 с.
13. Кудиш, Е. И. Театральный Биробиджан. Историко-документальный очерк / Е. И. Кудиш. – Биробиджан: Биробиджанское изд-во, 1996. – 87 с.
14. Кузьмина, М. А. Это нашей истории строки / М. А. Кузьмина. – Комсомольск-на-Амуре, 1992. – 69 с.
15. Медведев, Р. Медведев о Путине: двенадцать откровенных интервью о самом популярном российском политике XXI века / Р. Медведев, Р. Гусейнов. – М.: Трибуна, 2011. – 154 с.
16. Мельникова, Т. В. О нанайском национальном театре / Т. В. Мельникова // Словесница искусств. – 2001. – № 9. – С. 11-13.
17. Мейерхольд, В. С. О драматургии и культуре театра / В. С. Мейерхольд // Эстетическое самосознание русской культуры: 20-е годы XX века: антология / Рос. гос. гуманитар. ун-т; сост. Г. А. Белая; вступ. ст. Е. Трубецкова [и др.]. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. – С. 402-408.
18. Московская, А. А. Место культуры в общественно-экономическом процессе / А. А. Московская // Социальные аспекты экономических преобразований в России. – М., 1993. – С. 21-45.
19. Немирович-Данченко, В. И. Рождение театра [воспоминания, статьи, заметки, письма] / В. И. Немирович-Данченко. – М.: АСТ: Зебра Е; Владимир: ВКТ, 2009. – 654 с.
20. Овчинникова, С. И. О непреходящем / С. И. Овчинникова, И. А. Овчинников. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
21. Орлов, В. Н. Культурологический компонент современного образования / В. Н. Орлов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 288 с.
22. Осипова, Э. В. Европейское и восточное театральные искусства в метакультурном пространстве / Э. В. Осипова // Ойкумена. – 2010. – № 1. – С. 44-52.
23. Пименова, В. Н. Проблемы перестройки партийного руководства культурой / В. Н. Пименова // Управление и бюрократизм. – М., 1989. – С. 82-104.
24. Попова, Н. Б. Театры Приморья (ТЮЗ, КТОФ): История и судьба / Н. Б. Попова // Векторы культуры Тихоокеанской России: история и современность: сб. науч. тр. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – С. 325-364.
25. Римащевская, Н. М. Социальные последствия экономических трансформаций в России / Н. М. Римащевская // Социологические исследования. – 1997. – № 6. – С. 55-65.
26. Рябов, В. Ф. Современная художественная культура – пути выхода из кризиса / В. Ф. Рябов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 288 с.
27. Сагатовский, В. Н. Эстетический аспект формирования культуры личности: концептуально-мировоззренческие основы / В. Н. Сагатовский. – Томск: Томский государственный университет, 2006. – С. 38-40.
28. Согрин, В. В. Политическая история современной России 1985 – 2001 гг.: от Горбачева до Путина / В. В. Согрин. – М.: Весь Мир, 2001. – 272 с.
29. Станиславский, К. С. О различных направлениях в театральном искусстве / К. С. Станиславский. – М.: ЛКИ, 2010. – 134 с.
30. Стрюченко, И. Г. Культура и исторический процесс. Этюды теории / И. Г. Стрюченко. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. – 112 с.
31. Тихонова, Н. Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995 – 2010 гг.) / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 5-19.
32. Шавгарова, Л. В. Зарождение театральной культуры на Дальнем Востоке (1860-1890 гг.) / Л. В. Шавгарова // История культуры Дальнего Востока России XIV – начала XX века. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 183-202.
33. Шибико, И. И. Комсомольск художественный / И. И. Шибико. – Комсомольск-на-Амуре: ЖУК, 2007.

Кузина И. Л.

I. L. Kuzina

**ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
В КОМСОМОЛЬСКЕ-НА-АМУРЕ В 50 – 60-Е ГГ. XX В.**

**URBAN SPACE ORGANIZATION AND HOUSING CONSTRUCTION
IN KOMSOMOLSK-ON-AMUR IN THE 50-60 S OF THE XX TH CENTURY**

Кузина Ирина Львовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История государства и права» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, Ленина, 27; 8-914-179-6393. E-mail: kuzina_irina@inbox.ru.

Ms. Irina L. Kuzina – PhD in History, Associate Professor, History of State and Law Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St.; 8-914-179-6393. E-mail: kuzina_irina@inbox.ru.

Аннотация. В статье анализируются особенности развития городского пространства и жилищного строительства в 1950 – 1960-е гг. на примере г. Комсомольска-на-Амуре. Этот период захватил три этапа советского жилищного строительства: конец сталинских построек в первой половине 1950-х, развитие «хрущевского» массового строительства до середины 1960-х и начало строительства жилья улучшенной планировки в конце 1960-х гг. Особое внимание уделено развитию массового жилищного строительства, развернувшегося со второй половины 1950-х и до конца 1960-х гг. Выявляются особенности этих трех периодов, анализируются причины перехода от советского неоклассицизма в архитектуре к строительству типового жилья и далее от малогабаритных «хрущевок» до улучшенных планировок брежневского времени. Рассмотрен генеральный план застройки г. Комсомольска-на-Амуре во второй половине 1960-х гг., определивший архитектурно-пространственный облик города. Уделено внимание вопросам развития инфраструктуры, строительства магазинов, больниц, детских садов, школ, столовых и других предприятий и учреждений культурно-бытового назначения.

Summary. The article analyzes the features of the development of urban space and housing construction in the 1950-1960s in the case of Komsomolsk-on-Amur. This period embraced three phases of Soviet housing construction, the end of Stalinesque buildings constructing in the first half of 1950, development of the «Khrushchev-era» mass construction to the mid-1960s, and the beginning of housing construction with the improved design in the late 1960s. Particular attention is paid to the development of mass housing construction, ensuing from the second half of 1950 and the end of the 1960s. The author points to peculiarities of these three periods, analyzes the causes of the transition from the Soviet neoclassical architecture in constructing standardized buildings, and further from the small size “Khrushchev-era” apartment to improved planning of Brezhnev's time. The article considers a development master plan in Komsomolsk-on-Amur in the second half of the 1960s., that predetermined the architectural and space city image. The attention is paid to the development of infrastructure, construction of shops, hospitals, kindergartens, schools, canteens and other enterprises and institutions for cultural and household use.

Ключевые слова: жилищное строительство, хрущевки, городское пространство, типовые постройки, архитектурно-планировочная структура города.

Key words: housing, «Khrushchev-era» apartment, urban space, standardized buildings, architectural and city planning pattern.

УДК 94(571.62)

Обеспеченность жильем и жилищные условия являются одними из важнейших характеристик жизненного уровня населения. Инфраструктура городского пространства должна создавать комфортные условия для организации жизни людей. Вопросы обеспечения доступным жильем, развития городского пространства для создания качественного уровня жизни остаются актуальными и в современной России.

Начало 1950-х гг. – это время так называемой «сталинской» застройки. Архитектуру периода «сталинского» ампира отличали рельефные фасады, башни, фронтоны и богатая лепнина. В г. Комсомольске-на-Амуре подобные дома стали возводиться еще до войны, строительство было возобновлено после ее окончания. Это дома по ул. Ленина, Сталинскому проспекту (сегодня это пр. Мира) и дома в Ленинском округе по ул. Калинина. В Комсомольске нашли отклик московские архитектурные тенденции строительства домов с башнями, шпилями, напоминающие дворцы. Генеральным планом города было предусмотрено строительство 8 – 10 таких зданий, но реализовано было только три (Ленина, 21; Мира, 12; Мира, 43). Следует отметить дом № 21 по ул. Ленина, названный в народе «дом со шпилем». Дом строился для работников завода «Амурсталь» и был сдан в ноябре 1956 г. Этот дом стал своеобразным неофициальным символом города. На фасаде дома со стороны проспекта Ленина разместилась надпись «Труд в СССР – дело чести, доблести и геройства». Это был последний дом в городе с так называемыми «архитектурными излишествами», как их стали называть позднее.

Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» [1] стало переломным моментом в советском градостроительстве. Время второй половины 1950 – 1960-х гг. вошло в советскую историю как эпоха массового жилищного строительства. Кварталы пятиэтажек по всей стране, куда переселялись люди из коммуналок и бараков, стали называть «хрущобами». На современном рынке так называемые «хрущевки» относятся к наиболее дешевому и непрестижному жилью. Однако в 1950 – 60-е гг. они сыграли решающую роль в обеспечении населения квадратными метрами. Люди перебирались в «хрущевки» из ветхих бараков и коммуналок. Хрущевки меняли уклад жизни и поднимали значение личной жизни. Острота социальных проблем требовала быстрого решения жилищной проблемы.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. [2] обязывало строителей возводить жилые дома исключительно до пяти этажей и по типовым проектам.

Ведущим фактором в выборе основного и практически единственного типа жилого дома – пятиэтажного дома без лифта – стал экономический фактор. Задача состояла в снижении стоимости жилищного строительства более чем на 10 %. Уменьшались нормативы по жилой площади квартир и высоте потолков с 3,0 – 3,5 до 2,7, а затем и до 2,5 м. Снижение комфортабельности жилья признавалось временной, но необходимой мерой для решения жилищной проблемы. Предполагалось, что пятиэтажки будут находиться в эксплуатации не более 30 – 40 лет. Изменение нормативов жилья привело к необходимости вынести предприятия обслуживания – магазины, столовые, мастерские – из первых этажей зданий и строить их на отдельных участках.

Помимо экономического фактора, определившего возведение пятиэтажек, был еще и военный. Состояние холодной войны порождало ожидание наступления войны ядерной, следствием которой стало бы разрушение жилых кварталов. Поэтому соображения о необходимости возведения недорогого и при этом устойчивого при атомных нападениях жилья сыграли свою роль. За короткий период в советских городах выросли огромные кварталы однотипных пятиэтажек.

Строительные тенденции страны докатились до Дальнего Востока и, в частности, до г. Комсомольска-на-Амуре уже в 1957 г. Первые типовые пятиэтажные дома стали появляться на улице Комсомольской (от стадиона «Авангард» до проспекта Октябрьский). Целые кварталы панельных пятиэтажек расположились по проспектам Октябрьскому и Интернациональному. В городе значительно увеличился объём строительства жилых домов за счёт государственного ассигнования.

В 1957 г. в городе поднялось движение по строительству жилых домов с трудовым участием рабочих и служащих предприятий. Если в 1957 г. строилось 53 жилых капитальных дома жилой площадью 88 307 кв. м, то в 1958 г. строилось 119 жилых домов жилой площадью 128 723 кв. м. Из них в 1957 г. в эксплуатацию было сдано 34 жилых дома с площадью 46 053 кв. м, а в 1958 г. – 59 домов площадью 55 736 кв. м.

В конце 1950-х гг. можно было наблюдать колоссальный рост строительства в городе. Ведущей проектной организацией по планировке и застройке города являлся Л.О. Горстройпроект.

В 1950-х гг. все работы по планировке и застройке города, а также привязке типовых проектов выполнял Горпроект.

Положительной стороной работы Горпроекта являлась оперативность при решении планировочных работ и привязке отдельных объектов, правильный учет перспективы развития города. Но при выполнении проектов привязки Горпроект и Дальгиспроектранс не производили детальные геологические исследования площадок, что приводило в период строительства к дополнительным затратам. Так, например, получилось при строительстве школы в посёлке Менделеева, тогда её пришлось демонтировать и строить заново на другом участке. Действительно, при таких темпах строительства строителям часто приходилось работать по жёсткому графику и, соответственно, некоторые издержки и недочёты в строительстве имели место.

На заседании архитектурного совета города Комсомольска-на-Амуре в 1961 г. был рассмотрен план размещения строительства на 1959 – 1965 гг., в котором предусматривался рост населения города за семилетие до 240 тыс. чел., т.е. на 63 тыс. чел. Норма жилищной обеспеченности была установлена в 8 кв. м на одного жителя. Планом также предусматривалось улучшение инфраструктуры города [3, 143].

В развитие этого плана на заседании архитектурного совета Комсомольска-на-Амуре в 1961 г. детально был рассмотрен проект развития инфраструктуры города, предусматривающий создание парадной пешеходной аллеи, связывающей центр с города с набережной реки Амур, проезда трамвая к речной пристани и разработку вопроса отдыха и водного спорта на Амуре в пределах центра города.

В 1962 г. начали вводить изменения в привычное строительство. Так, Государственный комитет Совета Министров РСФСР по делам строительства распорядился: «Настоящим Госстрой РСФСР запрещает при изготовлении трехслойных стальных панелей для жилых домов, гражданских и промышленных зданий выполнять утеплительный слой из насыпных материалов (вермикулит, минеральная вата, укладываемая россыпью или навалом и т.п. материалы.)» [4, 9]. Данный запрет был обоснован тем, что выполнение утеплительного слоя из насыпных материалов вместо легких бетонов или плитных утеплителей приводило к неустраняемому браку – промерзанию и постепенному разрушению стальных панелей в построенных зданиях. Это был существенный шаг для улучшения жилища, ведь промерзание квартир из-за специфичности материала было давней проблемой. В декабре того же года исполком Хабаровска прислал очень важное постановление для городского архитектора Комсомольска-на-Амуре: «Крайисполком доводит до сведения, что Совет Министров РСФСР распоряжением от 10 декабря 1962 г. № 5545-р разрешил Советам Министров автономных республик, крайисполкомам, облисполкомам, Мосгорисполкому и Ленгорисполкому при отсутствии типовых проектов жилых домов с соответствующими встроенными помещениями торговых предприятий, предприятий общественного питания и детских дошкольных учреждений, впредь до разработки соответствующих типовых проектов, производить перепланировку встроенных нежилых помещений другого назначения, предусмотренных действующими типовыми проектами» [4, 16-18]. Теперь при строительстве жилых помещений со встроенными нежилыми помещениями архитектору не нужно было согласовывать перепланировку с вышестоящими органами, что ускорило темпы строительства.

31 октября 1963 г. Совет Министров РСФСР издал постановление, по которому существенные полномочия в строительстве передавались главным инженерам городов и местным строительным институтам, что улучшало скорость принятия строительных решений и самого строительства. Также в документе оговаривалось увеличение объёмов строительства в пригородах.

Со второй половины 1960-х гг. начинают создаваться проекты с улучшенными планировками жилых помещений. Важное значение имел приказ Совета Министров о применении в строительстве типовых проектов крупнопанельных жилых домов с улучшенными планировочными и конструктивными решениями. Для сохранения стоимости одного квадратного метра жилой площади (по сравнению со стоимостью ее в действующих проектах) Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР установил следующие требования: применять для застройки проекты домов высотой только в 5 этажей; применять среднюю

протяженность домов в застройке по каждому отдельному микрорайону и жилому району 5,5 – 6 секций, двухсекционные жилые дома применять только в порядке исключения; применять в застройке микрорайонов набор домов, обеспечивающий получение в домах квартирного типа средней жилой площади квартир 32,5 – 33,0 кв. м; принимать плотность жилого фонда в застройке микрорайонов пятиэтажными домами 2300 – 3000 кв. м жилой площади на га. В особых условиях, при сложном рельефе, наличии зеленых массивов, водоемов плотность застройки может быть понижена на 5 – 10 %, а при благоприятных условиях – повышена на 5 – 10 %.

В результате значительная часть центра города и ленинского округа была застроена типовыми пятиэтажками. В 1967 г. Совет Министров РСФСР издал постановление о строительстве Комсомольска-на-Амуре, которое зафиксировало и предопределило расположение улиц и транспортных узлов. В постановлении отмечалось, «что промышленное и жилищное строительство в г. Комсомольске-на-Амуре осуществлялось в основном в соответствии с проектом планировки и застройки города, утвержденным постановлением Совета Министров РСФСР от 10 марта 1955 г. № 289-25. За истекший период в городе осуществлено строительство новых и реконструкция существующих промышленных предприятия, увеличилась застройка города многоэтажными жилыми домами и объектами культурно-бытового и коммунального назначения, проведены работы по инженерному оборудованию, благоустройству и озеленению города, возросла численность населения и его обеспеченность жилой площадью» [5, 1-4].

В целях обеспечения дальнейшего комплексного, планомерного развития города и устранения недостатков в его застройке Совет Министров утверждал новый генеральный план г. Комсомольска-на-Амуре. Предполагалось увеличение численности населения города с 213,7 тыс. чел. по состоянию на 1 января 1967 г. до 320 тыс. чел.

Территория застройки города должна была увеличиться с 5,6 тыс. га до 8,7 тыс. га. Кроме того, предполагалось размещение новых промышленных, коммунальных предприятий и складов в западном и северном промышленных районах. Промышленные же предприятия, вредные в санитарном и опасные в пожарном отношении (такие как аккумуляторный и бетонный заводы, разделочная база завода «Амурсталь»), предписывалось перебазировать с селитебной территории (см. прим. 1) либо изменить профиль предприятия.

В план входило создание озелененных санитарно-защитных зон между жилыми районами и промышленными предприятиями и усиление мер по охране водоемов от загрязнения неочищенными сточными водами и атмосферного воздуха – от вредных промышленных выбросов.

В области жилищного и культурно-бытового строительства предполагалась дальнейшая застройка города 5-этажными жилыми домами и домами повышенной этажности. Одновременно со строительством жилых домов согласно генеральному плану предполагалось строительство магазинов, больниц, детских дошкольных учреждений, школ, столовых и других предприятий и учреждений культурно-бытового назначения.

Особо оговаривалась возможность жилищного строительства за счет средств населения путем организации жилищно-строительных кооперативов с возведением многоэтажных кооперативных жилых домов.

В области развития архитектурно-планировочной структуры предполагалось создание общегородского центра в центральном районе, включающего систему площадей с главной площадью города и Амурский проспект (так до 1975 г. назывался пр. Первостроителей) как главную улицу города.

По генеральному плану новые селитебные территории предполагалось застраивать путем организации микрорайонов с группами жилых домов, учреждениями и устройствами повседневного обслуживания; жилых районов, состоящих из нескольких микрорайонов. Дальнейшее улучшение планировки и застройки города предусматривалось путем реконструкции и благоустройства кварталов старой застройки, расширения площади зеленых насаждений, организации транспортных магистралей и общественных центров. Формирование набережной реки Амур должно было происходить в ходе ее застройки многоэтажными жилыми и общественными зданиями.

Кроме того, предусматривалось резервирование территорий для стоянок автомобилей у крупных промышленных предприятий, стадионов, парков, железнодорожного, речного и автобусного вокзалов.

В городе увеличивались площади зеленых насаждений с 80 до 608 га (из расчета 19 кв. м на одного жителя) за счет организации центрального парка культуры и отдыха на базе лесонасаждений на берегу реки Силинки, а также районных парков, садов, скверов и бульваров. Предполагалось использование прилегающих к городу лесных массивов для создания лесопаркового пояса со строительством учреждений массового кратковременного и длительного отдыха населения города, а также создание для массового отдыха населения пляжей и водно-спортивных сооружений на берегах р. Амур.

Таким образом, следует отметить, что с середины 1950-х гг. начинается новый этап в развитии города в связи с принятой советским руководством программой массового жилищного строительства. Первым массовым жильем в городе стали панельные пятиэтажки без лифта с малогабаритными квартирами. Со второй половины 1960-х гг. начинается строительство жилья улучшенной планировки. Тем не менее на протяжении 1960-х гг. приоритетными жильными постройками в строительстве оставались пятиэтажки. Комсомольску-на-Амуре советское руководство придавало особое значение, поскольку он занимал важное стратегическое положение, являлся городом оборонного значения, кроме того, еще с 1930-х гг. был олицетворением нового советского города. Этим и было продиктовано особое внимание Совета Министров СССР, утвердившего новый генеральный план г. Комсомольска-на-Амуре, предусматривавший дальнейшее развитие городского пространства, жилищного строительства и инфраструктуры. Генеральные планы строительства города, принятые в изучаемый период, предопределили облик города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5043.htm (дата обращения 31.05.2016)
2. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5213.htm (дата обращения 31.05.2016)
3. Комсомольский-на-Амуре городской архив (КНАГА). Ф. 15, оп. 8, д. 9.
4. КНАГА. Ф. 15, оп. 8, д. 24.
5. КНАГА. Ф. 15, оп. 8, д. 49.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Селитебная территория – часть территории населённого пункта, предназначенная для размещения жилой, общественной (общественно-деловой) и рекреационной зон, а также отдельных частей инженерной и транспортной инфраструктур, других объектов, размещение и деятельность которых не оказывает воздействия, требующего специальных санитарно-защитных зон.

Клименко Е. М.
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И РОДНОГО ЯЗЫКА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Клименко Е. М.
E. M. Klimenko

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И РОДНОГО ЯЗЫКА КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

**PROBLEMS OF CULTURE AND NATIVE LANGUAGE PRESERVATION OF INDIGENOUS
MINORITIES IN THE POST-SOVIET FAR EAST**

Клименко Евгений Михайлович – аспирант кафедры истории государства и права Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681010, Комсомольск-на-Амуре, ул. Парижской Коммуны, д. 31, кв. 3, тел. 8-914-211-2014. E-mail: eugene-klimenko@mail.ru.

Mr. Yevgeny M. Klimenko – the postgraduate student, the Department of State and Law History, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681010, Komsomolsk-on-Amur, Parizhskaya Kommuna Str., 31-3, 8-914-211-2014. E-mail: eugene-klimenko@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сохранения традиционной культуры и национального языка коренных малочисленных народов Хабаровского края в период, начиная с развала Советского Союза, раскрываются трудности, с которым столкнулось коренное население при переходе от плановой к рыночной системе экономики, кратко раскрывается деятельность ООН по сохранению национальной культуры. Также рассматривается деятельность региональных и местных объединений (ассоциаций), направленная на поддержку автохтонного населения при смене среды обитания. При написании работы были использованы законодательные акты, научные статьи и монографии, а также представлен опыт личного общения с представителями коренных малочисленных народов Дальнего Востока.

Summary. The article discusses the problems of preserving traditional culture and national languages of Khabarovsk Krai indigenous minorities after the Soviet Union collapse, reveals the difficulties faced by indigenous people in the transition from a planned to a market economic system, briefly investigates the activities of the UN in preserving national culture. The author also discusses the activities of regional and local associations, aimed at supporting the indigenous population in changing environment. When writing the legislative acts, scientific articles and monographs were used, as well as the experience of personal communication with the Far East indigenous peoples.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, национальная культура, постсоветский период.

Key words: indigenous ethnic groups, national culture, post-soviet period.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, договор № 14.Z56.16.5304-МК, тема проекта: «Региональная модель трансформации культуры коренных малочисленных этносов в условиях социалистической модернизации Дальнего Востока России во второй половине 1930-х – 1970-е гг.».

УДК 7(571.6)

С началом «перестройки» как новой государственной политики рушилась не только социальная система всей страны в целом, но и устойчивые общественные отношения в менее крупных группах. Коренные народы были вынуждены ломать коренной уклад жизни, пытаясь перейти на новые экономические рельсы. Самобытная культура коренных малочисленных народов Дальнего Востока России оказалась на грани исчезновения.

Проблемы с национальным языком начались с момента развала Советского Союза. Представители малочисленных народов в поисках работы уходили из привычной языковой среды и переселялись в города, где языком общения был русский. Без постоянного общения с носителями языков знание его постепенно ухудшается. Языки малочисленных народов прежде всего устные,

письменная культура стала появляться только с момента освоения Дальнего Востока русскими. Именно поэтому так важно для представителей коренных народов говорить на родном языке, ведь он для них является памятью поколений. По этой же причине представители малочисленных народов были вынуждены отчасти отказаться от своей традиционной культуры, которая зависела от национальных промыслов.

29 марта 1991 г. была образована Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края, которая внесла серьезный вклад в сохранение самобытной культуры автохтонного населения Хабаровского края. Организация занимается поддержкой национальных видов спорта, организует фестивали, на которых знакомит зрителей с культурой коренных народов, занимается её популяризацией, а также способствует расширению межнациональных связей. Для работы с подрастающим поколением была создана молодежная организация «Феникс Амура». При ее участии организуются детские лагеря с национальным уклоном «Встань на крыло». Также ассоциация проводит научные конференции, посвященные решению этнокультурных проблем в образовании, культуре и этнографии коренных народов как важного условия гармонизации межэтнических отношений.

В 1992 г. в рамках года аборигенных и малочисленных народов планеты, объявленного ЮНЕСКО, на п-ове Камчатке, территории проживания коряков на севере области, в материковой его части, камчадалов (ительменов) в центральной части области и курилов (айну) на юге, была принята программа мероприятий, в разработке которой приняли участие управление культуры администрации Камчатской области, комиссия по проблемам народностей Крайнего Севера Камчатского облсовета, Камчатская Ассоциация народов Севера, отделы культуры Алеутского и Быстринского национальных районов, этнокультурный центр камчадалов (с. Мильково), Фонд компенсации (в пользу народностей Севера Камчатки), Камчатский Благотворительный Общественный Фонд «Возрождение России» («КамРосс»), Фонд краеведческой литературы им. С. П. Крашениникова, областной краеведческий музей, Камчатское отделение фонда малых народов и этнических групп, Камчатское отделение Российского фонда культуры, включающая в себя проведение в течение года творческих и культурных мероприятий, создание музея и студии звукозаписи, издание книг.

Охота и рыбная ловля по-прежнему играют важную роль в жизни коренных народов Дальнего Востока, но новая экономическая ситуация заставляет искать работу, которую очень тяжело найти в местах традиционного обитания. Что же касается народов Севера, то характерно уменьшение площадей пастбищ, что отрицательно сказалось на современном состоянии оленеводства. Всё это, в большей степени, характерно для 90-х гг. XX в. С началом же нового тысячелетия ситуация начала во многом меняться.

В 2000 г. был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [1]. Для начала XXI в. характерен подъем этнического самосознания. Во многих крупных городах появляются общества национальной культуры. В Комсомольске-на-Амуре это молодежно-этнографическое общественное объединение «Силакта», созданное при общественной организации коренных народов Севера. Основные направления объединения: изучение нанайского языка, проведение мастер-классов по декоративно-прикладному искусству, а также танцевальное направление. Также в нашем городе работают ансамбли «Гивана» и «Орхода». Все эти организации базируются в ДК «Алмаз». При нем же осуществляет работу клуб «Общение», где представители коренных народов встречаются, обсуждают свои насущные проблемы, организуют выставки и выступления, готовят национальные блюда. Подобные организации существуют и в других городах Дальнего Востока, так что можно сказать, что именно они являются хранителями традиционной культуры, а также её пропагандистами.

Важным явлением в вопросе сохранения культуры являются национальные праздники, которые организует «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Эти фестивали посещают как представители коренных народов, так и те, кому просто интересна эта культура.

Одной из проблем в вопросе сохранения традиционной культуры и национального языка коренных малочисленных народов Дальнего Востока Российской Федерации является образование. Советская система образования и воспитания провозглашала целью сохранение национальной самобытности народов СССР. Дети жителей малых стойбищ воспитывались в интернатах, где они жили на протяжении всего учебного года, т.е. 9 месяцев. В программу обучения входили как общеобразовательные предметы, так и узкоспециализированные. Прежде всего, изучались языки, традиционные для представителей данного этноса. Для этого еще в 30-е гг. XX в. создавались алфавиты и письменность для ранее устных языков. Также воспитанники занимались традиционным для своего народа промыслом, помогая в этом народному хозяйству Советского Союза. Так, например, дети коренных малочисленных народов Дальнего Востока участвовали в осенней и весенней путинах, помогая в добыче и переработке рыбы. Знания и навыки, полученные в этом учебном заведении, помогали им комплексно развиваться как личности, а также они получали практические навыки, которые помогали им в дальнейшей жизни [10].

Также государство заботилось и о дальнейшем образовании. Для представителей коренных малочисленных народов предоставлялись льготы на поступления в высшие учебные заведения. Так, например, Хабаровский крайисполком отправлял их на обучение в Ленинград. Но образовательно-воспитательные функции не ограничивались только учебой. Для иногородних студентов была организована богатая культурно-просветительская программа: совместные походы в театры, музеи, кино, выставки и т.д. [11].

С развалом Союза система образования начала рушиться. Из-за резко сократившегося финансирования и отсутствия государственной поддержки начался массовый отток специалистов в области образования из районов Крайнего Севера. Учителям месяцами не платили зарплаты, в районы не завозились продукты, отопления и электричества в зимний период не было, уроки сокращали до 30 минут, обучение велось в три смены, приходилось учиться при керосиновых лампах.

Из-за отсутствия квалифицированного педагогического персонала уровень образования, и так не самый высокий, упал еще ниже. Новому правительству было не до сохранения культурного многообразия государства. Стоял вопрос физического выживания коренных малочисленных народов. Программы обучения национальным языкам сокращались. В условиях рыночной экономики населению должно хватить русского языка, ну и, по возможности, английского для внешних связей. Знание традиционного языка, не применимого в повседневной жизни, рассматривалось как непозволительная роскошь.

Нужно сказать, что проблемы с обучением традиционным языкам начались еще в советское время. Ощущалась явная нехватка специалистов-знатоков национальных языков. Представители коренных народов, направляемые в педагогические вузы и училища, получив образование, крайне редко возвращались в родные места, предпочитая оставаться в крупных городах, где уровень жизни был несоизмеримо выше. Но даже если такой преподаватель находился, выученный язык было негде применить. В национальных селах и стойбищах постепенно происходил переход к русскому языку, как основному средству общения. Национальные языки на данный момент остаются вотчиной национальных коллективов и ансамблей, т.е. применяются как некая диковинка. Конечно, на традиционных языках продолжают говорить, но число их носителей с каждым годом сокращается. Еще одна проблема, связанная с языком, состоит в том, что его развитие, по сути, остановилось. Причем сделано это на уровне начала XX в. Язык, как живой организм, постоянно растет и меняется. Научно-технический и культурный прогресс не стоят на месте, и слова, описывающие новые явления, постоянно пополняют языки мира. Но этот процесс обходит стороной лингвистику коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Их словарный запас остался на уровне традиционного природопользования, и в современном мире, в котором за последние сто лет произошел стремительный научно-технический скачок, национальные языки не отвечают требованиям современного человека.

Проблема воспитания также остается достаточно острой. Еще в советское время детей, по сути, забирали от родителей, и функции воспитания брало на себя государство в лице интернатов.

Здесь хоть и уделялось внимание, как было сказано выше, традиционной культуре и промыслам, но основной упор делался на воспитании «человека советского», который бы четкой поступью двинулся в светлое коммунистическое будущее. Дети воспитывались на новых образах и идеалах, которые отличались от традиционных, основанных на промыслах и связанных с ними обычаях. Ребенок, вернувшийся на лето в семью, очень сильно отличался от своих родственников по мировоззрению. Именно в этих интернатах и терялась связь поколений, на которой и построено общество коренных малочисленных народов.

Новая система образования и воспитания при сохранении интернатского воспитания заметно отличается от советской. Прежде всего, у государства отсутствует четко выраженная национальная идея, некий курс, по которому общество должно идти. Без этого невозможно построить систему воспитания. Нет представления о том, каким должен быть идеальный российский гражданин: каковы мотивы его поступков, на чем основано его мышление, к чему он стремится. Возможно, в ближайшее время и произойдут изменения к лучшему, и «национальная идея будет принята», но нужно понимать, что потеряно целое поколение. Воспитывать же детей в семьях невозможно ввиду отсутствия возможности получить образования в местах традиционного проживания. Это связано с нерентабельностью, школы не будут заполняться для полноценных классов в 30 человек, а ради нескольких детей не будут приглашать учителей.

В 1991 г. Правительство Российской Федерации приняло федеральную целевую программу «Дети Севера», направленную на медицинское обеспечение, образование, культурное и спортивное развитие [12].

В области образования мероприятия способствовали повышению качества и доступности общего и профессионального образования, в том числе на родных языках народов Севера, развитию у детей и подростков навыков ведения традиционного хозяйства.

В рамках программы оснастили средствами обучения вновь организованные опорные учебно-воспитательные комплексы (детский сад – школа – центр подготовки кадров) отдаленных селений и стойбищ Амурской области, в том числе девять учебных заведений профессионального образования регионов Севера для обучения детей навыкам традиционных промыслов. Совместно с субъектами Федерации созданы инновационные образовательные учреждения для обучения детей Севера – лицей и колледж, региональные летние школы старшеклассников, действующие на базе Полярной академии (г. Санкт-Петербург). Издана учебная литература на эвенском, нганасанском, нивхском, ненецком, хантыйских языках с последующей её доставкой в регионы Крайнего Севера и приравненные к ним местности. Проведен межрегиональный семинар по доработке нового поколения учебной литературы на языках малочисленных народов Севера.

В области культурного развития и воспитания, а также развития физкультуры и спорта благодаря программе «Дети Севера» был не только организован развивающий досуг детей и подростков, но и с их активным и заинтересованным участием возрождались традиционные виды художественного творчества народов Севера, проводились выставки, фестивали, олимпиады, спортивные праздники.

При долевым финансировании со стороны субъектов Федерации в Коми-Пермяцком АО, республике Тыва, гг. Хабаровске и Красноярске проведены межрегиональные и региональные фестивали детского творчества, в которых участвовало более 1000 детей. В Хабаровском крае проведена творческая смена креативного лагеря «Дети Севера». Была оказана помощь в оснащении оборудованием восьми детских художественных школ и мастерских Коми-Пермяцкого АО, Чукотского АО, Магаданской области на сумму 145 млн рублей [13].

Эти меры позволили практически всем желающим детям и подросткам заниматься в коллективах и кружках художественного творчества, развитию навыков здорового образа жизни, а главное, как подчеркивалось на прошедшей конференции «Дети на Севера: защита, выживание и развитие в условиях экстремальной среды», позволили увести детей с улицы, отвлечь от начинающегося у них пьянства, улучшили криминогенную ситуацию среди подростков.

Проблема сохранения культуры и языка малочисленных народов Дальнего Востока остро стоит не только перед представителями этих народов, но и перед государством. В настоящий мо-

мент существует проект «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации», где и рассматриваются проблемные вопросы культуры. К сожалению, в этой программе уделено недостаточно внимания коренным малочисленным народам Дальнего Востока. «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» направила проект изменений в эту программу. Если эти изменения будут приняты, законодательные проблемы сохранения культуры и языка могут отпасть, и тогда всё будет в руках самих коренных народов. Перспективы, если посмотреть на деятельность объединений, вполне позитивные, так что будем верить и надеяться на лучшее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 20 июля 2000 г. N 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/182356> (дата обращения: 15.10.2016).
2. Календарь праздников коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raipon.info/home/kalendar-prazdnikov.html> (дата обращения: 15.10.2016).
3. Борисов, М. Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра / М. Н. Борисов. – Рыбинск: РГАТ, 1995. – 154 с.
4. Моисеев, Р. С. Экономические проблемы развития народов Севера России в переходный период / Р. С. Моисеев. – Петропавловск-Камчатский: ДВО РАН, 1999. – 216 с.
5. Серкин, В. П. Проблемы системы образования коренных малочисленных народов Северо-Востока России в конце XX в. / В. П. Серкин. – Магадан: Кордис, 1998. – 36 с.
6. Тураев, В. А. Аборигены Приамурья: социально-демографический портрет и этнокультурные процессы / В. А. Тураев // Вестник ДВО РАН. – Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1994. – № 2. – С. 15-27.
7. Донской, Ф. С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в первой четверти XXI в.: проблемы и перспективы / Ф. С. Донской. – Якутск: ЯФ Изд-во СО РАН, 2001. – 360 с.
8. Донской, Ф. С. Интеграция коренных малочисленных народов Сибирского Севера и Дальнего Востока в общероссийскую культуру / Ф. С. Донской. – Якутск: ЯФ Изд-во СО РАН, 2003. – 250 с.
9. Жданова, И. Л. Опыт государственной политики в отношении коренных народов Дальнего Востока (XX – начало XXI вв.) / И. Л. Жданова // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность: сб. науч. тр. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2008. – Вып. 1. – С. 88-97.
10. ГАХК. Ф. 137. Оп. 22. Д. 1653. Л. 8-13.
11. ГАРФ. Ф. 10101. Оп. 1. Д. 24. Л. 4-7.
12. ГАРФ. Ф. 10102. Оп. 1. Д. 66. Л. 8-10.
13. ГАРФ. Ф. 10102. Оп. 1. Д. 117. Л. 50, 52-53.

Семёнов А. Б.
A. B. Semenov

**ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ТИСКАХ КИТАЙСКОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ): ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

**FAR EAST IN THE GRIP OF CHINESE ORGANISED CRIME (EVIDENCE
FROM KHABAROVSK TERRITORY): HISTORICAL ANALYSIS**

Семёнов Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: semenov77ab@bk.ru.

Mr. Alexander B. Semenov – PhD in History, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin st., 27. E-mail: semenov77ab@bk.ru.

Аннотация. Статья освещает историю становления китайской организованной преступности на Дальнем Востоке России и порождённые ей проблемы.

Summary. The article deals with the history of formation of the Chinese organized crime in the Russian Far East and problems that are connected with it.

Ключевые слова: Дальний Восток, китайцы, преступность, предпринимательство, насилие.

Key words: Far East, Chinese, crime, business, violence.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края. Договор № 93/20016 о предоставлении гранта на проведение научных исследований в области гуманитарных и общественных наук в 2016 г.

УДК 343.9(571.6)

Последние десятилетия в современной научной литературе и в обыденном обиходе стало широко использоваться слово «мафия». Термин превратился в синоним такого многогранного и сложного явления, как организованная преступность. Мафия окружена ореолом романтики, многочисленными мифами и загадочностью. Про неё снимают фильмы, пишут художественные книги, поют песни. Вымышленные и даже реальные мафиози, главы криминальных синдикатов и их сподручные превращаются в героев массмедиа, а их популярность соперничает с популярностью звёзд шоу-бизнеса и известных политиков. Однако организованная преступность имеет чёткие критерии и признаки социального института.

Энтони Гидденс под организованной преступностью понимает формы деятельности, которые имеют многие характеристики, присущие обычному бизнесу, но являются противозаконными [2, 208]. Организованная преступность превращается в социальный институт. Я. И. Гишинский указывает на то, что основными признаками организованной преступности как социального института являются: 1) длительность существования; 2) регулярность (постоянство) функционирования; 3) выполнение определённых социальных функций (обеспечение заинтересованных групп населения товарами и услугами, предоставление рабочих мест, перераспределение средств и др.); 4) наличие комплекса норм (правил поведения), «профессионального» языка (сленга), вполне определённых ролей [3, 209]. Благодаря культурно-историческим особенностям сложилось так, что в отдельных странах и регионах организованная преступность формировалась в зависимости от конкретных социально-экономических и культурных условий. Науке известна итальянская Коза Ностра, японская Якудза, китайская Триада и др. Однако сегодня организованная преступность вышла за пределы этногосударственных границ и превратилась в глобальное интернациональное

явление, проникшее в самую структуру социальной системы, прежде всего в экономику и даже в политику. Влияние организованной преступности можно увидеть во всех регионах, не стал исключением и Хабаровский край. С момента распада СССР дальневосточный регион превратился в арену действия организованных преступных групп, сформированных как по этническим, так и по интернациональным признакам. Заметим, что деятельность этнической преступности, и в особенности китайской организованной преступности, на Дальнем Востоке и в Хабаровском крае в частности представляет особый теоретический и практический исследовательский интерес.

Корни Триад (китайской организованной преступности) уходят в седую древность. Большое влияние на структуру китайской организованной преступности оказали традиционные социальные институты. В. Малявин пишет, что своеобразие тайных обществ как социального института заключалось в том, что они представляли некий альтернативный порядок, который одновременно противостоял существующему строю и копировал его. Тайные общества были сугубо локальными организациями и состояли из множества самостоятельных общин. Члены общества давали клятву быть братьями (то есть равными) друг для друга. Однако видимость равенства не мешала их руководителям учреждать в своих объединениях сложную иерархию и копировать уклад патриархальной семьи. Как правило, тайные общества жили за счёт разного рода противоправной деятельности [4, 158]. Кроме этого, на структуру китайской этнической преступности влияет такой корпоративный институт, как система личных связей «гуанси» [6, 200-201]. Китайская этническая преступность на Дальнем Востоке России имеет свою историю. Уже на заре освоения Дальнего Востока, на рубеже XIX-XX вв., российские власти столкнулись с таким неприятным для себя социальным криминальным феноменом, как «хунхузы» и «фанзы». Русский исследователь Дальнего Востока Владимир Арсеньев подробно описал данное явление. Он изучил социальный состав хунхузов, отметив, что они состояли из люмпенизированной деревенской бедноты неимущей китайской челяди, изгнанной из сельской общины [1, 195]. По его наблюдениям, хунхузы состояли из мелких разрозненных банд без строгой иерархии и взаимосвязи. Им отмечалось, что питательной средой для процветания хунхузов является неконтролируемая властями китайская община, где царят круговая порука и укрывательство бандитов от розыска русскими властями [1, 196]. После Российских революционных событий начала XX в. проблема китайской организованной преступности на Дальнем Востоке надолго исчезает из поля зрения как исследователей, так и правоохранительных органов. Проблемы с китайскими ОПГ на Дальнем Востоке появляются лишь в конце XX в. Начиная с 1991 г. Хабаровский край, как и весь регион, столкнулся с массовой этнической преступностью.

Одной из главных трудностей, с которыми сталкивается исследователь, изучающий феномен этнических преступных групп, является гетоизация этнических сообществ и их крайняя степень закрытости. К сожалению, мы не можем представить всю глубину и масштабы влияния китайских ОПГ на жизнь китайского сообщества на Дальнем Востоке.

Используя историко-сравнительный метод, методы аналогии и наблюдения, мы смогли реконструировать структуру, изучить генезис китайской организованной преступности в Хабаровском крае и сферы их экономической деятельности. На рубеже тысячелетий китайская организованная преступность в Хабаровском крае занималась традиционными видами деятельности: контрабандой, рэкетом и вымогательством, убийствами, торговлей людьми и биоресурсами. В 2004 г. суд приговорил к длительному сроку заключения троих граждан КНР, похитивших трёхлетнего сына китайского бизнесмена, жившего в Хабаровске. Похитители предполагали получить от родителей ребёнка выкуп в размере 300 тыс. долларов [6, 204]. Для Хабаровского края, как и для всего Дальнего Востока, обычным явлением стало появление иерархически построенных криминальных сообществ, возглавляемых уголовными лидерами. В 90-х гг. XX в. на территории Дальнего Востока действовал китайский бандит Лао Да. Он несколько раз сколачивал банды численностью до 15 человек. Пресса сообщала, что Лао Да был связан с дальневосточными ворами в законе. Его видели на похоронах известного преступного авторитета Евгения Васина по кличке Джем [6, 204-205]. В 2016 г. в Комсомольске-на-Амуре был задержан гражданин КНР, организовавший преступное сообщество, промышлявшее грабежами своих соотечественников [5].

Наблюдая за преступлениями китайских ОПГ, можно предположить, что единой общенациональной преступной структуры, объединяющей все криминальные сообщества, на Дальнем Востоке пока не сложилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском крае / В. К. Арсеньев. – М.: Крафт+, 2004. – 376 с.
2. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 732 с.
3. Гилинский, Я. И. Криминология. Курс лекций / Я. И. Гилинский. – СПб.: Питер, 2002. – 300 с.
4. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 400 с.
5. Преступник из КНР сколотил банду в Комсомольске-на-Амуре [Электронный ресурс] / dvnovosti.ru. URL: <http://www.dvnovosti.ru/komsomolsk/2016/10/06/56458/> (дата обращения 16.10.2016).
6. Семёнов, А. Б. Китайское лицо России: опыт интеграции китайских мигрантов в российское общество: моногр. / А. Б. Семенов. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПГУ, 2016. – 329 с.

Князькина Т. А.
МЕДИЦИНСКАЯ ПРАКТИКА ШАМАНОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАМЧАТКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Князькина Т. А.
Т. А. Knyazkina

**МЕДИЦИНСКАЯ ПРАКТИКА ШАМАНОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАМЧАТКИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

**SHAMAN MEDICAL PRACTICE OF KAMCHATKA INDIGENOUS PEOPLES
(THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES)**

Татьяна Анатольевна Князькина – кандидат исторических наук, докторант Дальневосточного федерального университета, (Россия, г. Петропавловск-Камчатский); 683003, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ленинградская 79, тел. 89146225038, E-mail: knyazkina@inbox.ru.

Ms. Tatyana A. Knyazkina – PhD in History, candidate for a doctor's degree, Far Eastern Federal University, (Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky); 683003, Petropavlovsk-Kamchatsky, Leningradskaya Str., 79, 89146225038. E-mail: knyazkina@inbox.ru.

Аннотация. Традиционные медицинские знания коренных народов Камчатки являются культурно-историческим наследием северо-востока нашей страны. Основным носителем этих знаний во второй половине XIX – начале XX вв. выступал шаман. Главной функцией шамана коренных народов Камчатки являлось врачевание. В основе шаманских практик лежали анимистические представления о причинах болезни, процессе лечения, мерах предупреждения болезни. В лечебном процессе были задействованы три стороны: шаман-лекарь, духи, заболевший человек. От мастерства шамана, от его умений взаимодействовать с духами болезни и духами-покровителями с помощью традиционных приемов общей практики и лечебных приемов зависел благоприятный исход лечения. Шаманское врачевание существовало в двух видах: семейном, профессиональном. Основное внимание автора уделено действиям шамана-профессионала, поскольку он был востребован как врачеватель в архаических обществах и к тому же обладал специфическим набором целительских средств. Медицинская деятельность шамана состояла из лечения и предупреждения болезни. В статье автор повествует об элементах шаманской техники, делая акцент на приемах врачевания.

Summary. Traditional medical knowledge of Kamchatka's indigenous peoples is the cultural and historical heritage of the Northeast of our country. The main carrier of this knowledge in the second half of XIX – early XX centuries was a shaman. The main shaman's function of Kamchatka's indigenous peoples was healing. In shamanic practices, there were animistic ideas about the causes of the disease, the treatment process, safety measures. In a medical process three parts – a shaman- healer, spirits, a diseased person were involved. A favorable outcome of treatment depended on the skill of a shaman, on his skills to interact with the spirits of sickness and guardian spirits with the help of common and therapeutic techniques. The article involves the family and professional types of shamanic healing. The author paid the main attention to the actions of a professional shaman, because he was in demand as a physician in the archaic societies and possessed a specific set of healing tools. The medical side of shaman's activity consisted of the treatment and prevention of disease. The author describes the elements of shamanic techniques, with an emphasis on the techniques of healing.

Ключевые слова: история России, история Дальнего Востока, Камчатка, шаманские медицинские практики, лечение.

Key words: history of Russia, history of the Far East, Kamchatka, shamanic medical practices, treatment.

УДК 614.2(571.6) (091)

Традиционные медицинские знания являются важной частью наследия любого народа. Необходимость сохранения традиционных знаний коренных народов Камчатки и их исследования совершенно очевидна в современных условиях культурной интеграции. Составляющей народной медицины аборигенов Камчатки является деятельность шамана-лекаря.

В данной статье предпринята попытка составить единое представление о медицинской практике шаманов коренных народов Камчатки во второй половине XIX – начале XX вв.

О лечебной деятельности шаманов писали многие путешественники и исследователи. Среди исследователей, внесших свой вклад в изучение шаманизма коренных народов Камчатки, необходимо отметить: В. Г. Богораза, И. С. Вдовина (чукчи), В. И. Иохельсона, В. В. Антропову, С. Н. Стебницкого (коряки), У. Г. Попову, А. Е. Гаврилову (эвены), Е. В. Орлову (ительмены) и др. [2, 3, 4, 6, 1, 16]. Ценными являются наблюдения непосредственных свидетелей целебных сеансов шаманов – Ф. П. Врангеля, Г. У. Свердруп, А. А. Ресина, Г. В. Стеллера и др. [19, 14, 13, 17].

Большинство сведений о камчатских шаманах относятся ко второй половине XIX – началу XX вв. – периоду, когда территория полуострова начинает осваиваться. Но в то же время В. И. Иохельсон ещё в 1900-1901 гг. отмечал, что, например, у коряков нет сильных шаманов-профессионалов, и шаманство сходит на нет. Перемены социального характера в начале XX в. ускорили этот процесс у коренных народов Камчатки.

Немногочисленность исследований шаманской деятельности также связана с отдаленностью, малонаселенностью региона, кочевым образом жизни большинства коренного населения, а также таинственностью целительских практик.

В сознании народов, издавна проживающих на территории полуострова Камчатка: ительменов, коряков, чукчей, эвенов (с середины XIX в.), выработался комплекс анимистических представлений о миропорядке. Они верили в духов-хозяев отдельных областей и различных явлений природы, в антропоморфных добрых и злых духов и в самостоятельные души у людей, животных, растений и предметов неорганического мира. Духи характеризовались как бестелесные, невидимые пугливые деятельные существа, обладающие психическими способностями человека и постоянно воздействующие на него.

В религиозных представлениях такими вредоносными духами выступали у коряков – нин'виты, у чукчей – кэльэт [1, 156; 4, 247]. Нин'вит – это болезнь, зараза, несчастье, тревога, охватывающая человека по тем или иным причинам. Разновидностей нин'витов, кэльэт было много. По именам духов-кэльэт можно судить о распространенности среди чукчей некоторых заболеваний: «дух кашля», «дух насморка», «духи сифилиса», «дух колик».

По убеждению архаичных народов, у человека, когда злой дух проникал в тело человека или похищал его душу, появлялась какая-нибудь внутренняя болезнь. Коряки говорили о всяком больном: «Его ест нин'вит». Нин'виты могли есть человека и снаружи. Так бывало, например, когда «у человека от чесотки развиваются на теле язвы или когда трахома разъедает глаза» [16, 185].

Духи не только причиняли вред человеку, но и приносили пользу. Речь идет о духах-покровителях, помощниках шаманов. Духи-помощники оказывали содействие шаману в борьбе с разными проявлениями злых духов, выполняли просьбы шамана. Духи-помощники чаще всего виделись в образе животного (волка, медведя, чайки, ворона). Шаман являлся посредником, избранником, представителем, в какой-то мере хозяином духов. В этом состояла его особенность и преимущество перед сородичами. В коллективном сознании он выступал посредником между людьми и духами, между физическим миром и миром другой реальности. Он выбран духами. Шаман представлял духов в материальном мире, реализовывал их волю.

«Все несчастья, болезни и смерть происходят от злых духов и защиту от действия последних можно получить лишь через шаманов, которые путем магической деятельности могут предупредить нападение злого духа и излечить человека» [15, 150]. Главной функцией шаманов в архаическом обществе было врачевание, которое реализовывалось в двух направлениях: лечении и защите соплеменников. Вся деятельность шамана заключалась в борьбе с духами-вредителями.

У коренных народов Камчатки существовало разное понимание места шамана в общественной жизни и как врачевателя. Так, по мнению Г. Стеллера, «шаманы и шаманки особым уважением среди ительменов не пользуются, и шаманить дозволено всякому, кто этого пожелает» [17, 162]. Таким образом, постоянного носителя статуса шамана у ительменов не было.

Исследователи корякского и чукотского шаманства подразделяли его на профессиональное и семейное. У эвенов также встречалось шаманство в семейных формах, но в то же время в каждой территориальной группе имелись общепризнанные шаманы. Шаманы-профессионалы счита-

лись сильными врачевателями и были известны далеко за пределами своего местообитания. У каждого из них была своя техника общения с духами, лечения, свой набор заклинаний.

Семейное шаманство преимущественно женское. Обычно это старшая в семье женщина. Главная семейная шаманка знала в подробностях все обряды, заклинания против различных болезней. Как отмечает В. Г. Богораз в чукотских заклинаниях, применяемых в медицине, исполнитель призывал к себе в помощники каких-нибудь зверей и чудовищ. С больными органами тела он обращался грубо и резко, для того чтобы уничтожить или выгнать источник болезни, заключенный в них. Считалось, что посредством магической формулы больной орган тела или источник болезни принимал вещественную форму, для того чтобы выгнать или разрушить злую силу. Так, например, опухоль становилась комком снега в воде [3, 151].

Лечение шамана являлось одним из основных поводов для камлания. Камлание – обрядовое действие шамана в состоянии экстаза, которое осмысливалось как полет по мирам Вселенной [18, 6]. В состоянии экстаза предполагалось вхождение в него духов-покровителей, путешествие шамана в подземный или надземный мир в поисках души умершего или тяжелобольного, в поисках предков больного. Исцеляющие камлания чаще всего были обращены к одному человеку, но встречались и коллективные. Малые камлания у эвенов проходили в юрте шамана, куда больной приходил сам, или в жилище тяжелобольного. Общественные целебные сеансы устраивались в случае массовых заболеваний людей: зимой – в юрте шамана, летом – на воздухе. Для большого камлания эвены могли создавать специальные помещения, вокруг которых устраивалась ограда. На больших камланиях присутствовало значительное число людей, преимущественно пожилые мужчины [12, 171].

У шаманов существовали свои специфические приемы врачевания. Один из них – магическая шаманская хирургия. Проводил целитель «хирургические операции» с помощью ножей. Шаманы в своей практике использовали специальные ножи, которые от обычных отличались размерами. Ножи шаманы употребляли якобы для того, чтобы вскрывать тело человека, которого они брались лечить. Ощупав тело заболевшего, шаман определял, в каком месте засел злой дух, затем делал разрез и извлекал его. Нин'вит, извлеченный шаманом из тела человека, мог выглядеть поразному. Чаще всего, это была человекообразная фигурка из травы, из мяса или из дерева. Корякский шаман съедал пойманного им нин'вита. Возможно поэтому фигурки духов делали из мяса. Существовало поверье, если шаман не съест нин'вита, то болезнь может перейти к другому человеку. В качестве наглядного доказательства, что болезнь излечена, чукотские шаманы часто показывали материализованного кэльэт – паука или колючку, якобы вынутых из тела больного [3, 141].

Второй прием шаманского лечения – высасывание болезни, производимое преимущественно через макушку головы [4, 201]. Пользуясь силой, ловкостью, хитростью духов-покровителей, присутствующих на камланиях, шаман находил, изгонял или уничтожал демона болезни, разрушал его злые козни, направленные против человека. В этом случае источник болезни нередко также поглощался врачевателем. Поглощение духа считалось самым надежным способом борьбы с ним. Тем самым шаман брал на себя ответственность за выздоровление больного.

За содействие в лечении шаман должен был делать духам-покровителям приношение. Выплачиваемый шаману гонорар шел якобы не ему, а духам-покровителям и рассматривался как жертвоприношение им.

Самым сложным было камлание, связанное с поисками в потустороннем мире души больного. При критическом состоянии человека шаман предпринимал поиск его души, которую унес демон болезни. В таких случаях избраннику духов предстояло отыскать похитителя, выволить душу и водворить её на место в тело больного человека. Начиналось действие с приготовления шамана к ключевому моменту лечения. Шаман прекращал бить в бубен и лежал некоторое время на спине без движения. Отделившаяся от тела его душа занималась поисками. С возвращением её шаман начинал снова действовать. Иногда такое возвращение дополнялось имитацией принесения души, за которую выдавалась былинка, палочка, черный жук. Затем последний акт – внедрение в тело больного его души. Если потерянная душа не находилась шаманом, то, обладая достаточной силой, он мог вдохнуть в больного часть своей души. Следует отметить, что, по верованиям чук-

чей, у человека кроме одной души, ведающей всем телом, есть еще души органов тела, ног, рук. Если эти души были случайно утрачены, тогда болел соответствующий орган [3, 48].

Исследователь В. Г. Богораз утверждал, что чукчи делили все шаманские действия на три категории, имеющие некоторые отличия друг от друга [3, 117].

Первая категория – все виды общения с духами, доступные зрителям. Это – голоса духов, слышимые посредством шамана, чревовещание – звукоподражания голосам духов в облике животных, птиц, насекомых и прочие трюки [18, 14]. Их целью было определить причину болезни и узнать местонахождение злого духа.

Ко второй категории относится «смотрение внутрь», вызывающее у чукчей большое уважение. Шаман, владеющий этим искусством, видел опасность, подстерегающую человека.

Третья категория действий шамана – заклинания. Шаман хранил содержание заклинаний в тайне, чтобы они не утратили свою силу. У каждого врача существовал свой набор магических текстов для разных случаев жизни. В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, С. Н. Стебницкий приводят примеры заклинаний против головной боли, ревматизма, нарывов, при кровотечении. Произнесение магических формул над больным сопровождалось действиями, определенными для каждого отдельного случая. Например, в корякском заклинании против головной боли, описываемом С.Н. Стебницким, прослеживается последовательность процесса лечения с помощью окиси меди, прикладываемой к голове.

«Старик, что тебя одолело?» – «Сыну плохо, умрет, быть может». Тогда Старик в *рымэты-гарнгынон* («потусторонний мир») проник, солнечного проникновения дальше. Там достиг окиси меди. «Для чего употребляют?» – «Меня же при излечении головной боли употребляют» [4, 208]. Старик взял, домой принес, на голову положил. Завтра утром встал – совсем выздоровел». В.И. Иохельсон отмечал, что в сюжете чукотских заклинаний содержится больше деталей, они более объемны и сложны.

В своей практике шаман широко применял разнообразные магические действия, сочетавшиеся с эмоциональным воздействием на больного и окружающих слова, музыки и танца. Нередко врачевание сопровождалось пением под звуки бубна. Шаманы были искусными исполнителями. При помощи бубна врачеватель настраивался, приводил себя в нервное возбуждение, вызывал духов-покровителей, которых впускал в свое тело, отгонял, запугивал духов болезни. Устрашение демона болезни сильными ударами по бубну, дополняемое словесными угрозами, считалось весьма действенным средством.

Ительмены шаманили без помощи бубна и не прибегали к особым церемониям. Их шаманские обряды принадлежали к простейшим приемам гадания.

Шаманы эвенов убеждали всех в том, что духи болезней боятся звона, их громких заклинаний, света и огня. Все шаманские камлания были связаны с духом огня-очага. Камлания всегда происходили около костра. Магические шаманские лекарства передавались у костра или через него, после их очищения над костром. С завершением обряда камлания сам шаман тоже очищался, прыгая через горящий костер-очаг до трех раз [12, 238].

На целебных сеансах ительменские и эвенские врачеватели использовали народные медицинские знания, но существовали и чисто шаманские средства, носившие магический характер. Такими «лекарствами» у эвенов служили различные повязки на голову, браслеты из сухожильных ниток на руки и ноги, ожерелье из бус на шею [8, 121]. Для придания им «лечебной» силы шаман повязывался ими во время камлания, прикреплял к своему бубну, а затем надевал на больного. Для достижения выздоровления больного передевали в специально сшитую лечебную одежду из двух цветов или в костюм шамана. Очень сильным «лекарством» являлось шаманское платье. Считалось, что злой дух, вызвавший болезнь, перестает узнавать в такой одежде преследуемого человека, и тот вскоре выздоравливает [18, 15].

Весьма распространенным было использование действий – отступных жертвоприношений, предназначавшихся заменить находившуюся в опасности душу человека душой жертвенного животного. Но иногда жертвой становился человек. Врангель описывает такой случай: по решению

чукотских шаманов «для усмирения разгневанных духов и для пресечения опустошительной язвы необходимо принести в жертву одного из главных старшин – Коченя» [19, 94].

Для лечения больных шаманы применяли и более простые магические действия, заговоры, атрибуты, часто не созывая духов-помощников. Такие действия являлись защитными и предназначались для предупреждения появления болезни. Чтобы отогнать духов болезни чукотские шаманы около жилища протягивали несколько ремней, а перед входом клали маленькие камни. Предполагалось, что ремни превращались в огромную реку, а камни – в высокие неприступные скалы, преграждающие дорогу «злым существам» [3, 150].

Действенным средством, которым пользовались против болезни, являлось использование амулетов. В ходе камлания шаман получал информацию, какой амулет сделать для больного. Амулеты получали свою силу от магических формул, которые произносились над ними. Амулеты выполняли функцию оберега от злых духов. Различные обереги должны были воздействовать на психику демона болезни, должны были запугивать, «стращать» его, чтобы он держал себя скромнее и не сопротивлялся шаману особенно буйно [18, 152]. Шаман «запирал» духам болезни вход в человеческое тело, при этом болезнь и духи, вызвавшие её, материализовались в определенные вещи (бусины, нитки, монеты и др.), которыми оснащался амулет. Обычно для лечения заболеваний амулет прикреплялся в соответствующем больном месте [5, 173].

Поверья, запреты и приметы также служили защитой от духов болезни. С одной стороны, они предупреждали, а с другой стороны, разгадывали козни, которые неустанно строятся нин'витами, кэльэт против людей. Коряки запрещали разговор и смех во время еды. Если нарушался этот запрет, то мог напасть нин'вит падучей болезни. Целый ряд запретов был связан с огнем. Если плюнуть, то высохнет горло; если высморкаться – высохнет нос. Если в огонь бросить муху, сгорит от лихорадки [16, 212].

Все что делал шаман, его назначения, рекомендации считались целесообразными, в них верили, применяли безоговорочно. Многие из способов врачевания носили очевидный псевдоцелебный характер, но все они в глазах народа были действенны и правильны, создавали психологический настрой больного, поддерживали в нем веру в могущество шамана и избранных или назначенных им способов лечения.

Г. У. Свердруп отмечал: «Несмотря на все их невежество, чукотские шаманы тем не менее в некоторых случаях бывают в состоянии помочь, и едва ли можно их пресловутые исцеления приписать одним случайностям. Можно предположить исцеление посредством гипноза, внушения и наложения рук; возможно, что некоторые из них обладают теми таинственными способностями, сущность которых мы едва ли в силах определить, но существование которых нельзя отрицать» [14, 303].

Таким образом, анимистическая основа медицинской деятельности шаманов переплеталась с фетишизмом, магией и другими ранними религиозными формами. Шаманская практика коренных народов Камчатки основывалась на действиях отпугивающего и изгоняющего характера. Шаманы в своей работе применяли как общепризнанные действия, так и специфически лечебные, приемы традиционные и лично наработанные. Результативность лечения носила относительный характер. В таком врачевании сильно было эмоциональное, психическое воздействие на больного человека, вера участников целительного сеанса в выздоровление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропова, В. В. Представление коряков о рождении, болезни и смерти / В. В. Антропова // Природа и человек в представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX вв.) – Л.: Наука, 1976. – С. 254-267.
2. Богораз, В. Г. Чукчи / В. Г. Богораз. – Л.: Изд-во института народов Севера ЦИК СССР, 1934. – Ч. 1. – 191 с.
3. Богораз, В. Г. Чукчи. Религия / В. Г. Богораз. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 175 с.
4. Вдовин, И. С. Чукотские шаманы и их социальные функции / И. С. Вдовин // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – XX вв.) – Л.: Наука, 1981. – С. 178-218.

5. Гаврилова, А. Е. Эвенский шаманизм / А. Е. Гаврилова // VII Диковские чтения. Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию промышленного освоения Колымы и 100-летию открытия Морского торгового пути в Восточную Арктику. – Магадан: СКВНИИ ДВО РАН, 2012. – С. 170-172.
6. Иохельсон, В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация / В. И. Иохельсон. – СПб.: Наука, 1997. – 237 с.
7. История и культура коряков / под ред. Н. В. Васильева. – СПб.: Наука, 1993. – 237 с.
8. История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки / под ред. В. А. Тураева. – СПб.: Наука, 1997. – 179 с.
9. История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки / под общ. ред. А. И. Крушанова. – Л.: Наука, 1987. – 288 с.
10. Михайловский, В. М. Шаманство. Сравнительно-этнографические очерки / В. М. Михайловский // Известия императорского общества любителей естественного знания, антропологии и этнографии. – 1892. – Т. LXXV. – Вып 1. – 115 с.
11. Орлова, Е. В. Верования камчадалов-ительменов / Е. В. Орлова // Страны и народы Востока Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1975. – Вып. 17. – Кн. 3. – С. 127-138.
12. Попова, У. Г. Пережитки шаманизма у эвенов / У. Г. Попова // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX –XX вв.). – Л.: Наука, 1981. – С. 233-252.
13. Ресин, А.А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана / А. А. Ресин. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1888. – 78 с.
14. Свердруп, Г. У. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского / Г. У. Свердруп. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. – 300 с.
15. Солярский, В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края / В. В. Солярский. – Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1916. – 169 с.
16. Стебницкий, С. Н. Очерки этнографии коряков / С. Н. Стебницкий. – СПб.: Наука, 2000. – 236 с.
17. Стеллер, Г. В. Описание земли Камчатки / Г. В. Стеллер. – Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. – 287 с.
18. Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII – XX вв. / сост. Т. Ю. Сем. – СПб.: Нестор-история, 2011. – Т. 1. – 496 с.
19. Шаманы и предрассудки чукчей (из путешествия контр-адмирала барона Врангеля) // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. – 1846. – Т. 63. – № 249. – С. 94-99.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Карынбаева О. В., Шкляр Н. В.
O. V. Karynbaeva, N. V. Shklyar

**ПОВЫШЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ-ДЕФЕКТОЛОГОВ
В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**IMPROVING THE SKILLS OF SPECIAL EDUCATION TEACHERS IN TERMS
OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION**

Шкляр Наталья Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры коррекционной педагогики, психологии и логопедии Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (Россия, Биробиджан). E-mail: kor.ped@mail.ru.

Ms. Natalya V. Shklyar – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Pathology, Sholem Aleichem Amur Region State University (Russia, Birobidzhan). E-mail: kor.ped@mail.ru.

Карынбаева Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры коррекционной педагогики, психологии и логопедии федерального Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (Россия, Биробиджан) E-mail: olgavlad11@mail.ru.

Ms. Olga V. Karynbaeva – Senior Lecturer, Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Pathology, Sholem Aleichem Amur Region State University (Russia, Birobidzhan). E-mail: olgavlad11@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается повышение профессиональной компетентности педагогов-дефектологов в процессе дополнительного профессионального образования. Предлагаются основные концептуальные, содержательные и практические аспекты модульной системы дополнительного профессионального образования педагогов-дефектологов.

Summary. The article discusses the increase of professional competence of special education teachers in the process of additional professional education. The basic conceptual, substantive and practical aspects of the modular system of additional professional education of teachers in special education.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, педагоги-дефектологи, дополнительное профессиональное образование, профессиональная переподготовка, модульная система.

Key words: professional competence, teachers, speech pathologists, continuing professional education, professional retraining, modular system.

УДК 371.1

Современный этап развития системы дополнительного профессионального образования характеризуется переоценкой содержания, форм и технологий, системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогов. Государственной программой Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы выдвигаются основополагающие принципы этой системы: сочетание общенациональных подходов с широкой инициативой местных органов управления образованием, непрерывность повышения квалификации на протяжении всего периода педагогической деятельности, согласованность и преемственность функционирования различных звеньев системы повышения квалификации, опережающий характер повышения квалификации с учетом перспектив развития образовательной системы, достижений педагогической науки и актуального педагогического опыта [2].

Для выполнения задач по внедрению новаций в образовательный процесс педагог должен обладать достаточно высоким уровнем профессиональной компетентности. Профессиональная компетентность педагога-дефектолога как сложное функциональное образование становится центральным объектом государственной политики, что выражается в социальном заказе по подготов-

ке педагога-дефектолога высокого уровня, способного активно содействовать реализации образовательных проектов национального масштаба.

В связи с чем особую актуальность приобретает совершенствование и обновление системы дополнительного профессионального образования в процессе реализации компетентного подхода, нацеленного сегодня на формирование практически применимых комплексных навыков, умений и знаний.

Теоретико-методологическую основу разработки проблемы повышения профессиональной компетентности специалистов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья, составили теории профессиональной подготовки педагогических кадров (В. А. Сластенин, В. Э. Тамарин, В. В. Краевский и др.); концепция личностно-развивающего подхода к изучению профессионального труда учителя (В. А. Ливитан, Л. М. Митина, Э. Р. Сайтбаева и др.); концепция формирования личностных и профессиональных качеств педагога (А. Д. Азбукин, В. П. Кащенко, Н. М. Назарова и др.); теория деятельностного подхода к построению системы переподготовки педагогов (А. Н. Леонтьев).

Обновление форм организации процесса обучения педагогов в системе дополнительного образования должно происходить при качественном кадровом сопровождении, и это значит, что должна быть пересмотрена система подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогов.

По мнению В. А. Сластенина, Е. Н. Шиянова и других дополнительное профессиональное образование выполняет социально-педагогические функции: акмеологическую, сервисную, диагностическую, компенсаторную, инновационную, прогностическую, специализирующую, консультативную. Рассмотрим реализацию данных функций в системе дополнительного профессионального образования [13].

С одной стороны, дополнительное профессиональное образование выступает как ступень профессионально-личностного развития, с другой стороны – как процесс и результат саморазвития профессиональной субъектности и креативности, обогащения профессиональной культуры личности новыми качествами, позволяющими подняться до высокого уровня профессионализма.

Организация обучения педагогов по дополнительным образовательным программам должна соответствовать основным требованиям личностно-ориентированного образования. В этом случае ведущая роль в обучении слушателей курсов должна отводиться деятельностному подходу, направленному на обеспечение возможности для обучающегося в его собственной деятельности.

По мнению Э. М. Никитина одной из важнейших задач и результатом реформирования федеральной системы дополнительного образования педагогических работников должно стать появление педагога нового типа, способного к использованию инновационных форм и методов обучения [11].

Л. Н. Макарова подчеркивает, что существующая система дополнительного образования требует значительных изменений, которые, по мнению автора, заключаются в поиске путей решения организации образовательного процесса потребителей с учетом их индивидуальных потребностей, направленных на развитие профессиональной компетентности обучающегося [9].

Понятие «профессиональная компетентность» рассматривалось многими специалистами (К. А. Абульханова-Славская, В. А. Адольф, Н. М. Борытко, А. А. Дубасенюк, Э. Ф. Зеер, Л. М. Митина, А. К. Маркова, И. Н. Пономарева, В. А. Сластенин и другие).

А. А. Дубасенюк, обобщив различные подходы зарубежных и отечественных исследователей к определению сущности компетентности, приходит к выводу о том, что это интегральная характеристика личности, определяющая ее способность решать проблемы и типичные задачи, которые возникают в реальных жизненных ситуациях, в разных сферах деятельности на основе использования знаний, учебного и жизненного опыта в соответствии с усвоенной системой ценностей [3].

По мнению А. К. Марковой профессиональная компетентность – это способность и умение самостоятельно и ответственно выполнять определенные трудовые функции, заключающиеся в результатах труда человека [10].

Н. М. Борытко рассматривает компетентность как единство теоретической и практической готовности педагога к выполнению профессиональных функций [1].

Одним из наиболее распространенных способов повышения профессиональной компетентности является повышение квалификации, цель которого – оптимизация педагогического процесса, профессиональный рост и самосовершенствование педагогов.

В настоящее время в процессе подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогов особое внимание уделяется модульному обучению.

Теория модульного обучения изложена в работах В. М. Гараева, Б. Гольдшмида, М. Гольдшмида, М. В. Драча, Е. И. Дурко, В. В. Карпова, О. К. Клоповой, Н. С. Крючкиной, С. И. Куликова, И. Б. Сенновского, Ю. Ф. Тимофеевой, П. И. Третьякова, О. Г. Проворовой, Н. А. Русакова, П. А. Юцявичене и других.

М. В. Драч подчеркивает, что содержание модуля должно отвечать требованиям последовательности, целостности, компактности и автономности. Следовательно, содержание образования предполагает компоновку материала учебной дисциплины вокруг ее базовых понятий и методов, систематичность и логическую последовательность изложения учебного материала, целостность и практическую значимость содержания, наглядное представление учебного материала [4].

О. К. Клопова считает такое обучение эффективным, т.к. модуль включает в себе четкое дозирование учебного материала, логическую последовательность действий для слушателей, возможность усваивать материал в удобное для них время [7].

П. А. Юцявичене определяет модуль как «блок информации, включающий в себя, логически завершенную единицу учебного материала, целевую программу действий и методическое руководство, обеспечивающее достижение поставленных дидактических целей» [12].

Н. С. Крючкина и Н. А. Русакова указывают, что модуль должен завершаться соответствующей формой контроля знаний, умений и навыков, сформированных в результате овладения обучаемым данного модуля [8].

В Приамурском государственном университете имени Шолом-Алейхема, в частности на факультете педагогики и психологии – центре педагогического образования, значительное внимание уделяется переподготовке психолого-педагогических кадров. Это направление деятельности отражено в работах О. В. Карынбаевой [5], [15], Н. В. Корякиной [6], Н. В. Шкляр [14], [15] и других педагогов.

Силами профессорско-преподавательского состава кафедры коррекционной педагогики, психологии и логопедии систематически осуществляется реализация профильных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогов образовательных учреждений города Биробиджана, Еврейской Автономной области и других регионов.

Повышение профессиональной компетентности педагогов осуществляется на научно-практических семинарах, в процессе курсов повышения квалификации и переподготовки.

В основу проектирования модульной системы дополнительного профессионального образования были положены следующие принципы: гуманизации образования, последовательности, научности, сознательности, систематичности, творческой активности, модульности обучения, совместного и индивидуального обучения.

Нами была разработана и апробирована модульная система повышения профессиональной компетентности педагогов-дефектологов в условиях дополнительного профессионального образования.

Первый модуль предусматривал организацию и проведение научно-практических семинаров различного уровня по следующим темам: «Актуальные проблемы и перспективы психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательном процессе», «Психолого-педагогические инновации в сопровождении образования детей с ограниченными возможностями здоровья», «Обобщение опыта психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья», «Пути повышения профессиональной компетентности специалистов в условиях сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья» и др.

Целями семинаров явились: повышение научно-методического уровня и педагогического мастерства педагогов-дефектологов, вооружение знаниями о сущности и специфике профессиональной педагогической деятельности в контексте модернизации образования, обеспечение мотивационного и организационного механизмов личностного и профессионального саморазвития педагогов-дефектологов.

При реализации данного модуля применялись разнообразные формы работы со слушателями: открытые занятия, уроки (демонстрация видеофрагментов) с целью обобщения накопленного педагогического опыта; проектирование и моделирование образовательного процесса, решение педагогических ситуаций.

Участие в научно-практических и учебно-методических семинарах для педагогов-практиков образовательных организаций способствовало обмену мнениями в контексте проблемы педагогической интеграции, решению актуальных проблем современного образования.

Второй модуль был направлен на проведение курсов повышения квалификации педагогов-дефектологов: «Современные подходы и образовательные технологии в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательных организациях» (36 ч), «Психолого-педагогическое сопровождение дошкольников с ограниченными возможностями здоровья» (36 ч), «Учитель-логопед в современном образовательном пространстве» (36 ч), «Методология и технологии реализации инклюзивного образования учащихся с ограниченными возможностями здоровья в условиях внедрения ФГОС» (72 ч), «Профессиональная готовность педагогов к деятельности в условиях инклюзивной практики» (72 ч).

Содержание программ курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки планировалось в соответствии с образовательными запросами слушателей.

Перечень инвариантных тем при курсовом обучении определялся с учетом обновления и совершенствования профессиональной компетентности педагогов-дефектологов с целью предупреждения устаревания профессиональных знаний, а также поддержания и дальнейшего развития уровня их профессионализма. Выбор тем для индивидуальных образовательных программ слушателей проводился дифференцированно с учетом выявленного дефицита в развитии профессиональной компетентности, типа и вида образовательного учреждения, являвшегося местом работы слушателя, контингента детей, особенностей их сопровождения.

Третий модуль – разработка и внедрение программ профессиональной переподготовки: «Профессиональная готовность педагогов к инновациям в системе образования детей с ограниченными возможностями здоровья» (250 ч), «Культура психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях современного образования» (300 ч), «Основы специального (дефектологического) образования» (506 ч). Данные программы разработаны с учетом социального заказа общества и потребностей потребителей.

Одним из показателей профессиональной компетентности педагогов является их способность к самообразованию, поэтому данной форме мы уделяли особое внимание. При планировании работы учитывались трудности и потребности педагогов. Для этого предварительно проводились индивидуальные консультации, беседы, наблюдения на уроках и в процессе организации воспитательной работы с последующим анализом. В работе с педагогами предусматривались такие формы, как анализ психолого-педагогической литературы с последующей подготовкой докладов и выступлением на научно-практических мероприятиях, посещение тренингов, уроков коллег, анализ собственных уроков.

Участие педагогов в программах профессиональной переподготовки способствовало развитию их исследовательской компетенции, предполагающей способность изучать, проектировать, реализовывать процесс обучения с использованием инновационных технологий.

Разнообразные формы и методы работы с педагогами позволили оказаться им в ситуациях, требующих от них самоопределения, обозначения своих профессиональных проблем и трудностей, поиска путей их разрешения, что способствовало их переходу из объекта профессионального обучения в субъект повышения своей компетентности.

Многоэтапный характер, дифференцированный и индивидуальный подходы к организации и реализации программ профессиональной переподготовки предполагали использование разнообразных педагогических ситуаций и задач, лекционных и практических занятий, тренингов и консультативной деятельности в зависимости от уровня развития профессиональной компетентности педагогов-дефектологов.

Таким образом, спроектированная и апробированная модульная система окажет существенную помощь в совершенствовании и повышении профессиональной компетентности педагогов-дефектологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борытко, Н. М. Профессионально-педагогическая компетентность педагога // Интернет-журнал «Эйдос». 2007. 30 сентября. <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-10.htm>. (Дата обращения 27.06.2015).
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы. – М., 2013.
3. Дубасенюк, А. А. Особенности профессионального становления учителя в контексте компетентностного подхода / А. А. Дубасенюк // Вектор науки ТГУ. – 2010. – №2 (2). – С. 38-42.
4. Драч, М. В. Учебный модуль по трехмерному моделированию как обязательный компонент проектно-конструкторской подготовки в вузе [Электронный ресурс] / М. В. Драч. – Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2012/thesis/s013/s013-002.pdf> (Дата обращения 29.07.2015).
5. Карынбаева, О. В. Повышение профессиональной компетентности педагогов в области интегрированного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья / О. В. Карынбаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2013. – № 1(12). – С. 102-105.
6. Корякина, Н. В. Педагоги-дефектологи о необходимости повышения профессиональной компетентности в процессе методической работы / Н. В. Корякина // Постулат. – 2016. – № 4. – С. 20.
7. Клопова, О. К. Проектирование и реализация модульной технологии повышения квалификации менеджеров по персоналу организаций малого и среднего бизнеса: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Клопова Ольга Константиновна. – Тольятти, 2004. – 151 с.
8. Крючкина, Н. С. Реализация модульной системы обучения на основе новых информационных технологий / Н. С. Крючкина, Н. А. Русакова. – Кемерово: ИНТ, 2007. – 420 с.
9. Макарова, Л. Н. Моделирование системы повышения квалификации преподавателей педвузов и колледжей / Л. Н. Макарова // Педагогика. – 2004. – № 3. – С. 60-68.
10. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М.: Мысль, 1999. – 308 с.
11. Никитин, Э. М. Федеральная система повышения квалификации работников образования: учеб. пособие / Э. М. Никитин. – М.: Просвещение, 1995. – 194 с.
12. Принципы модульного обучения: методическая разработка для преподавателей / сост. О. Г. Провоторова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2006. – 32 с.
13. Сластенин, В. А. Педагогика: учеб. пособие для студентов педагогических учебных заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. – М.: Школа-Пресс, 1997. – 512 с.
14. Шкляр, Н. В. Подготовка и переподготовка психолого-педагогических кадров в региональном вузе / Н. В. Шкляр // Высшее образование в России. – 2015. – № 3. – С. 120-127.
15. Шкляр, Н. В. Модульное обучение педагогов для работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования / Н. В. Шкляр, О. В. Карынбаева // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2016. – Т. 2. № 1(25). – С. 24-28.

Горбацкая О. Ю.
O. Y. Gorbatskaya

МОТИВ ЖЕНИТЬБЫ В ПОВЕСТЯХ Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

THE MOTIVE OF THE MARRIAGE IN N.V. GOGOL'S NOVELS «EVENINGS ON A FARM NEAR DIKANKA»

Горбацкая Оксана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: oханagorbazkay@mail.ru.

Ms. Oksana Y. Gorbazkaya – PhD in Philology, associate professor, Department of Russian as the foreign language, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: oханagorbazkay@mail.ru.

Аннотация. В статье исследован сюжетобразующий мотив женитьбы в пяти повестях сборника Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Описано его образно-ситуативное наполнение. Особое внимание в статье уделено изучению мотива женитьбы в мифопоэтическом аспекте: сюжет повестей сравнивается со структурой волшебной сказки, а испытания героев – с прохождением обряда инициации.

Summary. In the article in five stories of N.V. Gogol's collection «Evenings on a farm near Dikanka» the plot motive of the marriage is examined. Its imagery and situational content is described. Special attention is paid to the study of the motive of the marriage in the mythopoetic aspect: the plot of the novels is compared with the structure of the fairy tale, and tests of the characters – with passing through the rite of initiation.

Ключевые слова: мотив женитьбы, волшебная сказка, обряд инициации.

Key words: motive of marriage, fairy tale, rite of initiation.

УДК 82.09

Сборник Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» состоит из восьми повестей. В пяти повестях сборника («Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть») любовная коллизия составляет ядро сюжета. В начале статьи стоит отметить, что в названных повестях сборника, исследователей, как правило, интересует тема любви и её развитие, однако наше внимание в большей мере будет обращено к мотиву женитьбы и его образно-ситуативному наполнению.

Свадебные сцены изображены в повестях «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», свадьбой начинается повесть «Страшная месть», в «Майской ночи, или Утопленнице» главный герой Левко получает согласие на свадьбу с Ганой, в повести «Ночь перед Рождеством» Вакула также добивается согласия на свадьбу с Оксаной от её отца.

Многие исследователи отмечают, что «Вечера...» строят образ светлой мечты о нормальной, естественной жизни, где всё – здоровое, яркое, где торжествует молодость, красота, нравственное начало. Это мир, где бесстрашные, красивые, влюблённые и весёлые парубки так легко добиваются любви ещё более красивых девушек, пламенных и гордых одновременно [4, 37]. Здесь герои женятся по любви, преодолев препятствия, чинимые родителями или обстоятельствами. Однако любовь побеждает препятствия, когда она естественна, в противном случае происходит трагическое разрешение конфликта (Катерина и её отец в «Страшной месте», крах любви Петруся, купленной ценой зла) [5, 20].

Мотив женитьбы тесно связан в сборнике с темой создания молодой семьёй своего дома, полного любви и согласия. И. П. Золотусский пишет, что идея дома, родины составляет капитальную идею «Вечеров...». Зло, по мысли Гоголя, безродно, добро всегда имеет дом и родину.

О новой хате мечтает Параска в «Сорочинской ярмарке»: «...ещё бы поярче пояс!.. пускай уже, правда, я ему вытку, как перейдём жить в новую хату», дом пана Данилы (до того, как в него явился колдун); в финале «Ночи перед Рождеством» писатель изображает Оксану с младенцем на руках на пороге «размалёванной новой хаты».

На доме всё стоит, домом и строится. Дом, построенный на любви, согласии, стоит долго. Дом, основанный на несчастье, разрушается: разрушается и сгорает хата Петруся и Пидорки в «Вечере накануне Ивана Купала», исчезает в огне замок колдуна, остается в запустении дом сотника в «Майской ночи». В каждом из них обитало преступление [6, 96].

И. А. Виноградов рассматривает творчество Н. В. Гоголя через призму христианского мировоззрения, с позиций христианских основ вероучения. Современный исследователь творчества Н. В. Гоголя вступает в дискуссию с И. П. Золотусским. И. А. Виноградов отмечает, что герои «Вечеров...» далеки от идеала истинного христианина: они часто преступают христианские заповеди ради пустых, продиктованных тщеславием и гордостью светских приличий, или ради плотских, греховных удовольствий [2, 21]. Например, героини повестей испытывают пристрастие к украшениям и нарядам, а герои к хмельному, они не соблюдают постов, обращаются к потусторонним силам.

Женитьба не воспринимается героями как духовный союз, как таинство пред лицом Бога: «заклучение брака между героями отнюдь не принадлежит к сфере «возвышенной» жизни, но, напротив, относится к весьма обыденной и «низменной» её области – столь же «низменной», как и заключение прозаической торговой сделки [2, 19].

Сравнение брака с торговой сделкой происходит в «Сорочинской ярмарке» («Что? по рукам? А ну-ка, новобранный зять, давай магарычу!» [3, 33]); в «Вечере накануне Ивана Купала» брак тоже является выгодной для отца невесты торговой сделкой; Чуб в «Ночи перед Рождеством» за согласие на свадьбу получает от Вакулы «чудные шапку и пояс». На наш взгляд, утверждение И.А. Виноградова, что женитьба не воспринимается героями как духовный союз не совсем корректно, потому что брак как выгодная торговая сделка осмысливаются отцами невест, Черевиком, Коржом и Чубом, но не женихами.

По мысли И. А. Виноградова, герои для получения согласия на брак со своими возлюбленными преступают христианские заповеди: «В “Вечере накануне Ивана Купала” Петрусь, охваченный любовной страстью, готов на убийство и совершает его. Герой “Ночи перед Рождеством”, кузнец Вакула, доведённый до отчаянья капризами красавицы Оксаны, дважды проявляет пагубное малодушие: сначала помышляет о самоубийстве, затем сознательно обращается к нечистой силе» [2, 48].

В «Сорочинской ярмарке» и в «Майской ночи, или Утопленнице» герои «добывают» своих «суженных», Грицько обращаясь к помощи нечистой силы – цыгану, а Левко обращаясь к помощи русалке-утопленнице, погубившей свою душу.

Таким образом, мотив женитьбы в «Вечерах...» в интерпретации И. А. Виноградова связан с мотивом преступления христианских заповедей, мотивом греха, отступничества, отпадения человека от данного ему Божественного откровения.

М. Вайскопф в повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» обнаруживает связи с мифологией, фольклорными традициями, а также с масонским творчеством. Мотив женитьбы М. Вайскопф рассматривает в основном через призму масонских представлений Н. В. Гоголя о женитьбе. Исследователь утверждает, что сюжеты повестей включают в себя каноническое путешествие за потусторонним магическим знанием, переосмысленное в том же ракурсе, в каком масонское творчество переработало свой излюбленный сюжет о путешествии души к Премудрости и об обретении потерянного Слова [1, 33].

Герои в начале повестей утрачивают слово. Грицько теряет слово-согласие Черевика на брак с Параской, Левко не верит в то, что сумеет получить от отца слово-разрешение на брак с Ганной, Петрусь от Коржа на брак с Пидоркой. «Слово утрачивается героем вместе с сакральной мудростью. Мудрость теряет набожный кузнец, которого постоянно «дурачит» лукавая Оксана: “Стою перед ней, как дурак”. Также теряет мудрость Петрусь: “К чему тут мудрование?”. Левко,

раньше урезонивавший парубков “не беситься”, а теперь решительно отрекается от своей рассудительности: “Я увещевал вас ... но теперь раздумал” <...>. С этого момента начинается паломничество к демону-проводнику за мудростью, которую герой добывает, проходя испытания» [1, 68-69].

«В финале повестей слово, добытое знание окончательно воплощается и вместе сакрализуется в свадьбе» [1, 105].

Исключение составляет повесть «Вечер накануне Ивана Купала»: Петрусь в лесу «постигает было язык цветов и деревьев, сатанинское золото он приобретает именно в обмен на внутреннее сакральное знание. Дома Петрусь «всё силится припомнить что-то... Губы шевелятся, будто хотят произнести какое-то давно “забытое слово”» [1, 105]. Петрусь утрачивает добытое знание, слово, поэтому он обречён на гибель.

М. Вайскопф отмечает, что в ранней гоголевской прозе сильна фольклорная традиция, которая состоит в том, что повести «Вечеров...» воспринимаются как сказки. И. А. Виноградов в работе «Гоголь художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания» главу, посвященную повестям «Вечера на хуторе близ Диканьки» называет «Сказки Николая Гоголя»; И. П. Золотусский в книге «Николай Гоголь» пишет: «Стихия сказки, предания, народной песни вольно чувствует себя в этой, может быть, единственно гармоничной книге Гоголя»; сам Гоголь называл повести сборника сказками. Характерно, что сами рассказчики «Вечеров...» называют свои истории сказками. Это не случайно, повести сборника действительно напоминают волшебные сказки, с характерным для них набором мотивов и ситуаций, которые подробно описал В. Я. Пропп в своих монографиях «Исторические корни волшебной сказки» и «Морфология сказки».

Сказка является отражением мифопоэтического сознания народа. Таким образом, повести «Вечеров...» можно рассматривать как модель мифопоэтической картины мира Н.В. Гоголя, отражающую специфику художественного сознания писателя, которое, несомненно, «подпитывалось» его детскими и юношескими впечатлениями.

В мифопоэтическом сознании женитьба / замужество означало начало новой жизни, возможность продолжить свой род, передать свой опыт, получить социальную определённую в обществе. Однако жениться могли лишь люди, прошедшие обряд инициации, сопровождающийся определённым набором испытаний и ритуальных действий. Об этом подробно писал Е. М. Мелетинский в своей монографии «Поэтика мифа».

Инициация (лат. *intio* «начинать, посвящать, вводить в культовые таинства», *initiation* «совершение таинств, мистерий») означает перевод индивида из одного статуса в другой, в частности, включение его в некоторый замкнутый круг лиц, а также обряд, оформляющий этот переход. Обряды инициации называются переходными или посвятельными обрядами. Особенность структуры обрядов инициации – их трёхчастность: все они состоят из выделения индивида из общества (т. к. обряд должен происходить за пределами устоявшегося мира), пограничного периода (длящегося от нескольких дней до нескольких лет) и возвращения, реинкорнации в новом статусе или в новой подгруппе общества. При этом инициация осмысливается как смерть и новое рождение, что связано с представлением о том, что, переходя в новый статус, индивид как бы уничтожается в своем старом качестве; налицо также мифологическая интерпретация обрядового пространства: выход за пределы замкнутой территории, освоенной общиной, приравнивается к смерти [9, 543-544].

В. Я. Пропп выразил предположение, что цикл инициации – древнейшая основа сказки («значительная часть мотивов волшебной сказки отражает обряд инициации» [6, 11]). В своей книге исследователь подробно описывает мотивное отражение обряда инициации в волшебной сказке, воплощенное в сюжете испытаний, которым герой подвергается в царстве мёртвых, или на небе, или другой стране, населенной злыми духами, чудовищами.

В. Я. Пропп пишет: «Этим обрядом юноша вводился в родовое объединение, становился полноправным членом его и приобретал право вступления в брак. Такова социальная функция этого обряда. <...> Предполагалось, что мальчик во время обряда умирал и затем вновь воскресал уже новым человеком. Это – так называемая временная смерть. Смерть и воскресение вызывались действиями, изображавшими поглощение, пожирание мальчика чудовищным животным. Он как бы проглатывался этим животным и, пробыв некоторое время в желудке чудовища, возвращался,

т. е. выхаркивался или извергался <...>. Обряд всегда совершался в глубине леса или кустарника, в строгой тайне. Обряд сопровождался телесными истязаниями и повреждениями (отрубанием пальца, выбиванием некоторых зубов). Другая форма временной смерти выражалась в том, что мальчика символически сжигали, варили, жарили, изрубали на куски и вновь воскрешали. Воскресший получал новое имя, на кожу наносились клейма и другие знаки пройденного обряда. Таковы в схематическом изложении основные черты обряда» [10, 56].

В повестях «Вечеров...» можно обнаружить сюжетную модель волшебной сказки, включающую в себя обряд инициации.

В. Я. Пропп отмечает, что все волшебные сказки начинаются с беды (похищения, нарушения запрета); беде иногда соответствует какая-нибудь ситуация, при которой чего-то не хватает, недостает, иначе, мотив недостачи [11, 180].

В повести «Ночь перед Рождеством» мотив недостачи проявляется в том, что Вакула отправляется за царскими черевиками для Оксаны. Стоит отметить, что мотив недостачи в повестях трансформируется в запрет для героя взять в жены поллюбившуюся девушку, или, по словам М. Вайскопфа, в отсутствие «санкции на брак». В повести «Сорочинская ярмарка» отец Параски немедленно даёт «санкцию на брак» Грицько и тут же от неё отрекается; в повести «Вечер накануне Ивана Купала» Корж запрещает Петро жениться на Пидорке; в «Майской ночи, или Утопленнице» Левко запрещает жениться на Ганне его отец. Как и в волшебной сказке, в повестях Гоголя завязка сводится к тому, чтобы отправить героя из дома [11, 181], побудить его к действиям, которые позволят ему получить «санкцию на брак».

Композиция волшебной сказки определяется наличием двух царств. Одно царство – то, с которого сказка начинается, другое – «тридесатое царство» [11, 182], то есть пространство, в котором герой должен будет пройти ряд испытаний для получения награды – согласия невесты на брак или её родителей. Наличие двух пространств в «Вечерах...» отмечал Ю. Лотман в статье «Художественное пространство в прозе Гоголя»: «... нормальным состоянием волшебного пространства становится непрерывность его изменений: оно строится, исходя из подвижного центра, и в нём всё время что-то совершается. В противоположность ему, бытовое пространство коснеет, по своей природе оно исключает движение. Если первое, будучи неограниченно большим, в напряженные моменты увеличивается, то второе отграничено со всех сторон, и граница эта неподвижна.

Оба типа пространства не только различны – они противоположны, составляя в системе «Вечеров...» оппозиционную пару, исчерпывающую весь круг возможных видов пространств. Размещающиеся в этих пространствах герои могут или принадлежать одному из них, или переходить из одного в другое, или попеременно появляться то в том, то в другом [8, 633-634].

«Тридесатое царство никогда конкретно не описывается. Внешне оно ничем не отличается от нашего... Иногда это царство представлено городом. И тем не менее оно все же “другое”. В нём правит грозный царь или царь-девица... Здесь находится... предмет его поисков» [11, 191].

Наличие двух пространств бытового и волшебного можно обнаружить в повестях сборника.

В «Ночи перед рождеством» Вакула из родного села попадает в Петербург, волшебное, «другое» для него пространство, которое вызывает у него восхищение своей красотой и великолепием. В этом волшебном пространстве правит грозная, но справедливая царь-девица (Екатерина II), здесь герой добывает предмет своих поисков, черевика, которые носит царица. В повести «Ночь накануне Ивана Купала» иным пространством выступает дремучий лес, в который Петро идёт за цветком папоротника. В «Майской ночи, или Утопленнице» вторым пространством оказываются глубины пруда, в который заглядывает Левко.

В волшебных сказках такой персонаж, как Баба-Яга является стражем на границе двух миров. Вход в мир мёртвых идёт через её избушку, за пределами которой начинается или тёмный лес, или тридесатое царство [11, 182]. Баба-Яга – эта хранительница входа в иное царство, царство мёртвых.

В «Ночи перед Рождеством» таким пограничным пунктом является хата Пацюка, а сам Пацюк выступает в роли Бабы-Яги – проводницы в потусторонний мир. Пацюк, как и Баба-Яга, обладает особым знанием, он знахарь. Пацюк даёт знать Вакуле, где искать чёрта. В повести «Ве-

чер накануне Ивана Купала» пограничным пунктом является шинок на дороге, в котором Петро встречается с Басаврюком, в этой повести также присутствует образ Бабы-Яги: «Тут разделил он суковатую палкою куст терновника, и перед ними показалась избушка, как говорится, на курьих ножках. Басаврюк ударил кулаком, и стена зашаталась. Большая чёрная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, кинулась в глаза им... Глядь, вместо кошки старуха, с лицом, сморщившимся как печеное яблоко, вся согнутая в дугу; нос с подбородком словно щипцы, которыми шелкают орехи» [3, 56]. В «Майской ночи» пограничным пунктом выступает «повалившийся на землю» дом у пруда, похожий на избушку Бабы-Яги, на месте которого хотят строить винницу.

При встрече героя волшебной сказки с Бабой-Ягой еда имеет особое значение. «Приобщившись к еде, назначенной для мертвецов, пришелец окончательно приобщается к миру мёртвых» [11, 66].

В некоторых повестях «Вечеров...» переход границы двух пространств сопровождается трапезой героев: «...подумал кузнец, разинув от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет к нему в рот и уже вымазал губы сметаной» («Ночь перед Рождеством»); «... потребовал он [Петро] кухоль сивухи мало не с полведра» «Вечер накануне Ивана Купала»)

М. Вайскопф в своей работе указывает помимо трапезы и другие символы временной смерти героя – терновник и узкую тропу: «Терновник – столь же универсальный мистический символ временной смерти, как и узкая тропа, на которую попадает блуждающий гоголевский герой. У Гоголя – это окольный путь, боковая дорожка в лесу или густом саду, спускающаяся к воде границе между мирами и к открытому, разомкнутому пространству инобытия». [1, 83]. Через «густо разросшийся терновник» по узкой тропе пробирается Петро и спускается к воде Левко.

Признаком временной смерти героя также является безумие, потеря ума, сознания [10, 89]. Вакула теряет свой ум: «Думаю, и не могу вздумать, куда девался мой ум» [3, 113]; Петрусь становится безумным: «Глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож... [3, 57]».

Герой волшебной сказки достигает успехов без всякого усилия, благодаря тому, что в его руки попадает волшебное средство или волшебный помощник [11, 188]. Дарителями могут выступать всякого рода старухи или старики, случайно встреченные, которые указывают путь, дарят волшебное средство или помощника, то подсказывают, как его найти [11, 183]. К числу внезапно появляющихся невидимых помощников может принадлежать и чёрт [11, 190]. Переправа героя – одна из основных функций помощника [11, 191].

В роли своеобразного волшебного помощника в «Сорочинской ярмарке» выступает цыган, в «Майской ночи» – панночка-утопленница, в «Ночи перед Рождеством» – Пацюк и чёрт. Пацюк указывает Вакуле, где искать чёрта, а чёрт в считанные мгновения по воздуху переносит героя в Петербург и помогает добыть царские черевика для Оксаны.

После добычи объекта поисков (какого-нибудь предмета, вещи или диковинки), как правило, следует возвращение героя домой. Возвращение иногда принимает форму бегства... Теперь нет помех для окончательной развязки. Герой женится на своей избраннице [11, 192-193].

В повестях мотив возвращения героя домой из «другого» пространства, пространства инобытия легко обнаруживается. Левко возвращается домой с грамотой от комиссара с разрешением на свадьбу с Ганной, после того как помогает панночке изловить мачеху-ведьму. Петро бежит домой, опасаясь погони, после обнаружения клада. Вакула возвращается домой с «черевиками, которые носит царица».

Временная смерть героя ассоциируется со сном, а его пробуждение является свидетельством прохождения инициального обряда и возрождения героя уже в новом качестве.

Левко засыпает и пробуждается на берегу пруда: «Непреодолимый сон быстро стал смыкать ему зеницы; усталые члены готовы были забыться и онеметь; голова клонилась <...> схватил он записочку и... проснулся» [3, 81-83]. Вакула после своего необычного путешествия тоже погружается в непреодолимый сон: «Вакула вошёл в сени, зарылся в сено и проспал до обеда. Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко...» [3, 135]. Петруся по возвра-

щению домой охватывает мёртвый сон: «Два дня и две ночи спал Петро без просыпу. Очнувшись на третий день, долго осматривал он углы своей хаты...» [3, 57].

Однако не все герои повестей обретают счастье после свадьбы, руководствуясь сказочной формулой «и стали они жить-поживать да добра наживать». Петрусь после свадьбы с Пидоркой не становится счастливым, «поскольку проиграл главное испытание... его домашнее пробуждение оказывается мнимым, то есть Петрусь не только не воскресает, а ещё глубже погружается в мертвечину: “Одичал, оброс волосами, стал страшен; и все думает об одном, всё силится припомнить что-то; и сердится, и злится, что не может вспомнить...”» [1, 106]. О том, что герой действительно не возрождается в новом качестве, свидетельствует его продолжающееся безумие.

Герой сказки должен обладать определенными качествами. Прежде всего, это качество души, противоположное эгоизму. Это умение понимать состояние и страдание другого существа, сострадание к угнетённым, слабым, требующим помощи. Это своего рода гуманность. Высокие моральные качества героя – не придаток, они органически входят в логику и построение повествования [11, 187-188]. Петрусь не проходит испытания, так как не обладает определенными моральными качествами, которыми должен обладать истинный, положительный герой сказки. Петрусь убивает безвинного Ивася в корыстных целях, и в финале повести герой обречён на гибель.

Итак, сюжеты повестей сборника «Вечеров...» вполне соответствуют схеме волшебной сказки, изложенной В. Я. Проппом, что даёт возможность рассмотреть мотив женитьбы в аспекте мифопоэтических представлений Н. В. Гоголя. По мифопоэтическим представлениям писателя, герой получает «санкцию на брак», то есть возможность создать семью и продолжить свой род, только при условии, если тот пройдёт обряд инициации. Если же герой не проходит определенный круг испытаний и всё-таки вступает в брак – его как несостоятельного в социальном, родовом понимании человека ожидает гибель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайскопф, М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст / М. Вайскопф. – М., 1993. – 592 с.
2. Виноградов, И. А. Гоголь-художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания / И. А. Виноградов. – М.: Наследие, 2000. – 448 с.
3. Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Повести; Ревизор: Комедия / Н. В. Гоголь. – М.: Мир книги, Литература, 2006. – 496 с.
4. Гуковский, Г. А. Реализм Гоголя / Г. А. Гуковский. – М.-Л.: Изд-во художественной литературы, 1959. – 531 с.
5. Гус, М. С. Живая Россия и «Мёртвые души» / М. С. Гус. – М.: Советский писатель, 1981. – 335 с.
6. Еремина, В. И. Книга В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» и ее значение для современного исследования сказки / В. И. Еремина. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. – С. 5-15.
7. Золотусский, И. П. Николай Гоголь / И. П. Золотусский. – М.: Молодая гвардия, 1979. – 511 с.
8. Лотман, Ю. М. Художественное пространство Гоголя / Ю. М. Лотман // О русской литературе: История русской литературы. Теория прозы. Статьи и исследования (1958–1993). – СПб.: Искусство, 1997. – С. 621-659.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия: 2 т. Т. 1 / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. – 672 с.
10. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. – 365 с.
11. Пропп, В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинградского Университета, 1984. – 334 с.

Буряковская В. А., Дмитриева О. А.
V. A. Buryakovskaya, O. A. Dmitrieva

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ДЕТСКИХ ПЕСЕН

LINGUISTIC AND CULTURAL CHARACTERISTICS OF RUSSIAN AND ENGLISH CHILDREN'S SONGS

Буряковская Валерия Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Россия, Волгоград); пр. им. В. И. Ленина, 27, г. Волгоград, 400066, Российская Федерация; тел. 8(903)317-11-79. E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru.

Buryakovskaya Valeria Anatolyevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Foreign Languages, the Department of English Language Theory, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Russia, Volgograd); Lenin Ave., 27, Volgograd, 400066, Russia; tel. 8(903)317-11-79. E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru.

Дмитриева Ольга Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории английского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Россия, Волгоград); пр. им. В. И. Ленина, 27, г. Волгоград, 400066, Российская Федерация; тел. 8(988)965-18-63. E-mail: dmoa@mail.ru.

Dmitrieva Olga Aleksandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Foreign Languages, the Department of English Language Theory, Volgograd State Socio-Pedagogical University; Lenin Ave., 27, Volgograd, 400066, Russia; tel. 8(988)965-18-63. E-mail: dmoa@mail.ru.

Аннотация. Лингвокультурная специфика детских песен определяется экстралингвистическими и лингвистическими характеристиками, что наиболее ярко представляется в свете сравнительно-сопоставительного анализа. На протяжении долгого исторического периода происходила трансляция культурных феноменов из стран Западной Европы, в том числе из Великобритании, в Россию, что нашло отражение в языке, в том числе и в детских песнях. Цель исследования – выявить сходства и различия детских песен на материале русского и английского языков. Установлено, что основные отличия русской песенной культуры от европейской определяются сложившимися историческими, культовыми, регионально-этническими, музыкально-поэтическими и другими традициями. Сходство же наблюдается в структурных, фонетических и жанрово-тематических явлениях. В то же время русскоязычные и англоязычные детские песни отличаются друг от друга по своим лексико-грамматическим и стилистическим особенностям, набору концептов и персонажей.

Summary. Linguistic and cultural specificity of children's songs is determined by the extralinguistic and linguistic characteristics that most clearly are seen in the light of comparative analysis. For a long historical period there was a stream of cultural phenomena from Western Europe to Russia including the UK, which is reflected in the language including children's songs. The purpose of the study is to identify the similarities and differences of children's songs in Russian and English folklore cultures. It is established that the main differences of the Russian song culture from the European one are determined by historical, religious, regional, ethnic, musical, poetic and other traditions. The similarities are observed in the structural, phonetic and genre-themed events. At the same time, Russian and English children's songs differ from each other in their lexical-grammatical and stylistic peculiarities, the set of concepts and characters.

Ключевые слова: концепт, песня, фольклор, персонаж, стилистические особенности, лексико-грамматические особенности, синтетизм, аналитизм.

Key words: concept, song, folklore, character, stylistic features, lexical and grammatical features, synthetism, analytism.

УДК 81-2;398.831

В данной статье предметом исследования являются лингвокультурные особенности русских и английских детских песен, которые наиболее ярко предстают в свете сравнительно-сопоставительного анализа, что объясняется межкультурным обменом различной интенсивности на протяжении длительного периода. Это, в свою очередь, приводит к трансляции культурных феноменов, получающих новое осмысление в рамках неоригинальной культуры. Материалом исследования послужили тексты и аудиозаписи детских песен на русском и английском языках. Выборка представлена картотекой, составленной из 123 и 141 единицы соответственно.

Специфика русской детской песни обусловлена во многом экстралингвистическими факторами: так, в XVII – XVIII вв. в России ключевые позиции в области образования вообще занимали иностранные специалисты, соответственно, происходила постепенная европеизация русской музыкальной культуры [1]. Этот процесс был наиболее заметен в музыкальном образовании и воспитании. Происходило освоение «новых репертуарных пластов, новых организационных принципов, форм и методов обучения» [3, 17]. Сфера фольклора не стала исключением. Анализ текста детских песен показал, что в ряду русских фольклорных детских песен присутствуют переводные детские стишки и песни, в том числе принадлежащие английской лингвокультуре, которые были привнесены в нашу фольклорную традицию. Проведя сравнительно-сопоставительный анализ языкового материала мы установили, что основные отличия русской песенной культуры от европейской определяются сложившимися у нас историческими, культурными, регионально-этническими, музыкально-поэтическими и другими традициями. Сходство же наблюдается преимущественно в структурных, фонетических и жанрово-тематических явлениях. В то же время русскоязычные и англоязычные детские песни отличаются друг от друга по следующим параметрам: 1) стилистическим особенностям; 2) лексико-грамматическим особенностям; 3) концептам и персонажам. Перейдем к их рассмотрению.

Стилистические особенности.

И для русской, и для английской детской песни характерна диалоговая форма – очень часто песня строится в форме диалога или разговора:

- Мальчик-пальчик, где ты был?	- How is your mother? She is fine, thanks.
- С этим братцем печь топил.	- How is your father? He is fine, thanks.

И русская, и английская детская песня может содержать прямое указание к действию, некую императивность:

Радуга-дуга,	Put your right hand in.
Принеси нам дождя!	Take your right hand out.

Англоязычные детские песни могут содержать элементы языковой игры, основанной на полисемии и омонимии:

- A sailor went to sea. To sea?
What could he see?
And all he could see
Was sea, sea, sea.*

В данном примере мы видим игру слов, основанную на фонетических омонимах (омофонах) *sea* и *see*.

Еще одной особенностью английской детской песни по сравнению с русской является использование аллитерации и стилистического приема повтора:

- A tutor who tooted a flute
Tried to tutor two tutors to toot.
Said the two to the tutor:
Is it harder to toot
Or to tutor two tutors to toot?*

Здесь повторяются не только отдельные слова, но и целая фраза *to tutor two tutors to toot*, а также применяется фонетический прием аллитерации (звук *t*) с целью создания смехового эффекта и эффекта скороговорки.

Следует также отметить то, что и в русской, и в английской детской песне присутствуют звукоподражательные слова: *тон-тон, хлоп-хлоп, бух, шу-у-у* и т.д.; *tick-tock, clap, snap, click, stamp, ding-dong, etc.*

Лексико-грамматические особенности.

С точки зрения лексического наполнения английских песен следует отметить разнообразную лексику от самой простой до достаточно сложной (*grizzly bear, tooth-brush, magic crystal, rainbow, etc.*). Русская же детская песня на лексическом уровне характеризуется наличием архаичных лексических единиц: *да* вместо *и*, *гуши, иордань, пуще, маменька, аришин* и т.п.

Что же касается грамматики, то в первую очередь различия наблюдаем в категории синтетизм/анализм, что не может не сказаться и на грамматическом построении песен. Однако, не смотря на аналитический строй английского языка, в английских песнях встречаются элементы синтетизма, выраженные обратным порядком слов, что продиктовано особенностью песенного построения:

I am a brave, brave mouse.

I am marching through the house.

All day long I dance and sing

I'm not afraid of anything.

Кроме того, следует обратить внимание на бóльшую по сравнению с русскими песнями частотность употребления императивных и вопросительных предложений:

Why is the sky so high, so high?

Clap, clap, clap your hands!

Why is the sea so deep?

Clap your hands together!

Why can't I learn to fly, to fly?

Why must I sleep?

Концепты и персонажи.

Схожесть английских и русских детских песен проявляется также при анализе персонажей. Например, английские незатейливые стишки-диалоги с повторами и звукоподражательными словами похожи сразу на многие русские детские прибаутки:

– *Moo cow, moo cow*

Ай, люли, люленьки,

How do you do, cow?

Прилетели гуленьки.

– *Very well, thank you,*

Сели гули на кровать,

Moo, moo, moo.

Стали гули ворковать,

Стали гули ворковать,

Стал мой Юра засыпать.

В других случаях сходство проявляется в практически совпадающих первых строчках: *Ку-сонька-мурлысенька, где ты была?...; Pussy-cat, pussy-cat, where have you been?..*

Известный русский стишок «*Гуси, гуси, га-га-га...*» аналогичен с «*Goosey, goosey, gander...*» («*Гусенок, гусенок, дурашка...*»). И в том, и в другом случае стих строится на звукоподражании.

Не менее известный стих про божью коровку имеет английский аналог:

Божья коровка, улети на небо:

Ladybird, ladybird fly away home,

Там твои детки кушают конфетки

Your house is on fire and your children are gone,

Всем по одной,

All except one,

А тебе ни одной!

And her name is Ann,

Божья коровка, улети на небо;

And she hid under the frying pan.

Принеси мне хлеба:

Черного и белого,

Только не горелого.

Такое поразительное сходство может быть объяснено приметам, запечатленными в древних мифах и ритуалах, напоминающих «божественное» название жучка в обоих языках (английское «*lady*» отсылает к Деве Марии, то есть *ladybird* – это «птица Богоматери» и русская «Божья коровка»).

То же, видимо, можно сказать, например, о следующих стихах-кричалках:

*Дождик, дождик, что ты льешь,
Нам гулять не даешь?
Дождик, дождик, ты не лей,
Малых деток пожалей!*

*Rain, rain go away,
Come again some April day,
Little Johnny wants to play.*

В этих детских закличках нетрудно увидеть следы древних заклинаний и заговоров – «магических» словесных формул, произносимых для того, чтобы повлиять на окружающий мир. Это является проявлением общекультурных, общечеловеческих закономерностей создания детских текстов. Здесь мы констатируем, что очень многие народные английские детские песенки в чем-то аналогичны русским, и в этом смысле концептосфера русского и английского детства во многом имеет схожее содержание.

Персонажное сходство видим и в популярной английской детской потешке про барашка «*Vaa, Vaa, Black Sheep*», которая напоминает русскую песенку про козу:

*Vaa, Vaa, Black Sheep
Vaa, vaa, black sheep,
Have you any wool?
Yes, sir, yes, sir,
Three bags full;
One for the master,
And one for the dame,
And one for the little boy
Who lives down the lane.*

*Идет коза рогатая,
Идет коза бодатая,
Ножками топ-топ,
Глазками хлоп-хлоп.
Кто каши не ест,
Молока не пьет, –
Забодает, забодает, забодает.*

Определенные параллели можно провести, если сравнивать английские и русские считалки. Однако следует оговориться, что русский вариант считалок представлен переводными эквивалентами:

*Я – король!
Вот мой трон.
Ну а ты – выйди вон!
(пер. В. Лунина)*

*I'm the king of the castle,
Get down you dirty rascal!*

Или:
*Пчелка, пчелка, королева
Меня укусила в колено,
А свинья в щеку – ух ты!
Я не я, если не выйдешь ТЫ!
(пер. В. Лунина)*

Или:
*Bee, a bee, a bumblebee
Stung a man upon his knee
And a hog upon his snout,
I'll be dogged if you ain't out!*

Что касается русских колыбельных песен, то в них часто используется словосочетание-обращение «*маленький мой*», в то время как в английских колыбельных песнях – «*little baby*». В русских колыбельных песнях принято создавать образ какого-либо страшного или мифического существа, которым запугивают ребенка [2]. В английской же колыбельной песне это редкое явление. Так, например, главным героем колыбельной может стать мальчик по имени Вилли Винки:

*Баю-баюшки-баю
Не ложись ты на краю
Придет серенький волчок,
Тебя схватит за бочок,
И утащит во лесок.*

*Wee Willie Winkie runs through the town,
Upstairs and downstairs in his nightgown,
Rapping at the window, crying through the lock,
«Are the children all in bed, for now it's eight o'clock?»*

Проведенный анализ языкового материала показал, что основными персонажами детской песни являются: дети, звери/животные и сказочные/мифические персонажи.

Полнота образов русской детской песни, тем не менее, формируется через её концептуальное поле, которое образуют следующие концепты: «ребенок», «зверь/животное», «природа» и «высшие силы». Концептуальное же поле английской детской песни наиболее ярко представлено следующими концептами: «child», «animal», «nature» и «fairy/mythological hero».

Так, концепт «ребенок» получает свою языковую объективацию через следующие лексемы: крошечка, дитя, дочка, сыночек, ребятки, имена собственные – Машенька, Иванушко и т.п.; *child/kid/baby/children, voy, girl, I/we/he/she*, имена собственные – *Willy, Benjamin, etc.*

Концепт «зверь/животное»/«*animal*» представлен лексемами, обозначающими животных и зверей, например: *приди котик ночевать, нашу Машу покачать*. Сюда входят следующие языковые единицы, выражающие данный концепт: *сова, сорока, галка, ворона, воробей, утка, гусь, комар, собака, курица, черви, корова/бык/вол, коза, кот/кошка, мышка, медведь, волк, лиса, конь, тараканы; hen/cock, cat/pussy, dog, pig, rat, horse, goose, rabbit, hare, bear, cow, chick, frog, fox, bird*. Данная группа представлена как домашними, так и дикими животными и птицами. Персонажи-люди находятся во взаимодействии с персонажами-животными, либо на примере жизни животных детская песня создает фикциональную картину мира.

Концепт «природа»/«*nature*» неотделим от других концептов детской песни, поскольку является местом действия описываемых событий: *а в темном-то лесу березонька – скрип-скрипит*. Перечислим топонимы и лексемы, описывающие локативность: *лес, вода, солнце, небо, гора, огонь, дождь, радуга; sea, sky, rain, sand, tree, night, rose, star*.

Наконец, концепт «высшие силы»/«*fairy/mythological hero*» объективируется через следующие номинации: *Бог, Богородица, Христос, Святой Николай, черт* – в русской детской песне и *Humpty-Dumpty, Betty Botta, Yankee Doodle, Mother Goose* – в английской детской песне.

Сопоставительный анализ концептуальных полей русской и английской детской песни позволил нам прийти к выводу о том, что общими концептами являются «ребенок»/«*child*», «звери/животные»/«*animal*» и «природа»/«*nature*». Такое сходство может быть объяснено тем фактом, что детская песня является частью народного творчества, которое веками отображало явления окружающей действительности. При зарождении фольклора то, что окружало человека и было для него наиболее значимым, отображалось в песенной форме.

Основное различие в концептуальных картинах мира русской и английской песни видится в наличии концепта «высшие силы» в русской детской песне, что подчеркивает христианский, православный характер, в том числе и песенного народного творчества. В английской же народной песне в большей степени отображены сказочные или мифические персонажи, что позволило выделить одноименный концепт. Мифологическое пространство английской детской песни проявляется в возможности героев и символических предметов проявляться и действовать в любой точке мифологического пространства. Фантастический полет, одновременное существование героев и богов в небесном и подземном мирах, общение со сказочными героями, неожиданные метаморфозы с волшебными предметами – всё это признаки мифологического пространства, проявления мифа как чуда.

Итак, лингвокультурная характеристика русских детских песен наиболее ярко представляется в свете сравнительно-сопоставительного анализа с английской детской песней: наибольшие черты сходства наблюдаются по параметрам «персонажи», «стилистические особенности» и «концепты»; различия по параметру «лексико-грамматические особенности» продиктованы синтетическими и аналитическими особенностями грамматического строя русского и английского языков соответственно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулапина, О. И. Гармонические основы русской народно-песенной культуры / О. И. Кулапина // Русская музыка в контексте мировой художественной культуры: материалы науч. конф. в рамках III Межд. конкурса молодых пианистов им. П. А. Серебрякова, 12-13 апреля 2002 г. / отв. ред. и сост. О. Шмакова. – Волгоград, Саратов: ВМИИ им. П. А. Серебрякова, СГК им. Л. В. Собинова, 2002. – С. 152-156.
2. Сорокина, Я. В. Фольклорный образ Плакальщицы: основные мотивы / Я. В. Сорокина // Вестник Московского университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009. – № 1. – С. 71-80.
3. Сухова, Л. Г. Музыкальное исполнительство и педагогика в России конца XVII – первой половины XIX века / Л. Г. Сухова // Русская музыка в контексте мировой художественной культуры: материалы науч. конф. в рамках III Межд. конкурса молодых пианистов им. П. А. Серебрякова, 12-13 апреля 2002 г. / отв. ред. и сост. О. Шмакова. – Волгоград, Саратов: ВМИИ им. П. А. Серебрякова, СГК им. Л. В. Собинова, 2002. – С. 15-18.

Крыжановская Я. С.
Ya. S. Kryzhanovskaya

«ТЕАТР МЕДВЕДЯ» ИЛИ О ДРАМАТУРГИИ ОБРЯДОВОГО ЗРЕЛИЩА

«THEATRE OF THE BEAR» OR ON DRAMA OF THE CEREMONIAL PERFORMANCE

Крыжановская Яна Станиславовна – кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; +79141526510. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Ms. Ya. S. Kryzhanovskaya – PhD in culture studies., Associate Professor, Head of Cultural Studies and Museology Department. Khabarovsk State Institute of Culture. 112 Krasnorechenskaya st., Khabarovsk, 680045, Russia; tel.: +79141526510. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена медвежьему празднику, проводимому этносами Амуро-Сахалинского региона по поводу убитого на охоте медведя. Праздник рассматривается как явление не только обрядовой, но и художественно-эстетической культуры, как возможная форма фольклорного театра.

Summary. The article is devoted to bear festival held by the ethnic groups of the Amur-Sakhalin region on the subject of the killed bear in the hunting field. The festival is regarded as a phenomenon of not only ritual, but also the aesthetic culture as a possible form of folk theater.

Ключевые слова: Амуро-Сахалинский регион, медвежий праздник, обрядовое зрелище, предтеатр, фольклорный театр, этнос.

Key words: Amur-Sakhalin Region, bear festival, ethnoscene, ceremonial performance, pre-theatre, folk theatre.

УДК 398

Одно из самых ярких и целостных проявлений зрелищной культуры этносов Амуро-Сахалинского региона – медвежий праздник: «*байумба хуну денгсуу*» (с медведем игру делать) у ульчей; «*чхыф леранд*» (медвежья игра) у нивхов; «*мапава ивэчеты*» (ороч.); «*сонго гусити*» (медвежьи игры) у удэгейцев; «*нурэси*» (праздник встречи медведя) у нанайцев. У данных этнических групп праздник имеет давнюю традицию изучения. Его историография включает работы Л.И. Шренка, Б.О. Пилсудского, Е.А. Крейновича, А.М. Золотарева, Ч.М. Таксами, П.Я. Гонтмахера, С.В. Березницкого, С.Н. Скоринова и др. Однако при выраженном историко-этнографическом интересе, медвежий праздник амурских этносов никогда последовательно не рассматривался в зрелищно-игровом ракурсе, в качестве возможной формы фольклорного театра. Между тем медвежий праздник – явление не только обрядовой, но и художественно-эстетической культуры этносов региона. Как пишет А.С. Колосовский, «перед нами потрясающая театральная картина с архаичными декорациями: на фоне белого снега – аллеи зеленых елочек, с трепещущими свежими стружками. Снег и кровь. Смерть ревущего зверя и горящий костер. Ошкуренное человекоподобное тело и бьющий в нос запах дыма, смолистой хвои и теплой крови. Нужны ли были дополнительные стимулы для включения долговременной этнической памяти?» [6, 173]. В описаниях очевидцев праздник предстает грандиозным красочным зрелищем, органически вплетенным в ткань окружающего бытия, объединяющим различные обрядовые сюжеты, состязания, хореографические и музыкальные выступления. Как любой ритуал, медвежий праздник консервативен, его сложная драматургия отточена временем, но при этом всегда оставался простор для художественной импровизации (в форме танцев, игр) на периферии обряда.

Проведение подобной прототеатральной акции происходило в присутствии большого количества участников и зрителей и было невозможно без особых организаторов – специалистов-«режиссеров». Имена таких людей сохранялись в памяти на протяжении не одного поколения. У нивхов одним из таких организаторов был Паркызин, который, в том числе, устраивал праздник,

подробно описанный Е. Крейновичем, у орочей последний медвежий праздник в 1932 г. проводили охотники Андрей Пунадинка и Николай Намунка [11]. В литературе упоминаются имена Хэлэ Оненко и Полокто Киле, проводивших в 1920-30-е гг. праздники у нанайцев, а также знаменитого организатора медвежьего праздника ульчей Чангана Ольча [3, 186]. Главной задачей таких «режиссеров» было продумать детали праздника, сценарий. Поэтому готовиться начинали задолго до проведения, устраивая своеобразные репетиции в домашних условиях [12, 22]. В рамках «семейного фольклорного театра» (термин П.Я. Гонтмахера) элементы художественной части акции доводились до совершенства, прежде чем быть вынесенными на публику.

Медвежий праздник в регионе бытовал в двух вариантах – специфически амурском, устраиваемом некоторыми этносами по поводу выращенного медвежонка, и общесибирском. Последний характеризуется тем, что проходил после каждого случая добычи зверя и сводился к его ритуальному поеданию («малый медвежий праздник» по П. Гонтмахеру). Принято считать, что именно этот спорадический вариант имеет очень древний характер и широкие географические рамки (вся таежная территория Евразии и Северной Америки).

У этносов Амуро-Сахалинского региона такой праздник устраивали в конце зимы, т.к. летом охота на зверя не велась. Рассредоточенное театральное-игровое действие, посвященное медведю, начиналось с нахождения берлоги с залеженным в спячку зверем. А.М. Золотарев так описывает происходящее: «Найдя логово медведя, охотник возвращается домой, садится на нары и лаконично говорит: «Завтра берлогу пойду посмотреть, может, пустая»... ему отвечают товарищи: «Пойдем, посмотрим». На этом разговор заканчивается: болтать зря о важном деле не полагается. Нельзя сказать также, что медведя пойдут убивать – зверь услышит и может уйти. Его нужно обмануть, сказав, что рассчитывают на пустую берлогу» [4, 105]. Уже этот краткий иносказательный диалог содержит черты драматической инсценировки, поскольку рассчитан не столько на реального собеседника, сколько на мыслимого Зрителя – Медведя-горного человека. Театрально-диалогические формы присутствовали и в дальнейшем, когда на следующий день охотники приходили к берлоге и совершали ритуал «пробуждения медведя» (спящего зверя убивать запрещалось).

А.Ф. Анисимов, наблюдавший ритуал у эвенков, отмечает: «...обнаружив медведя в берлоге, на него набрасывают ременное лассо и со словами *Amākā, arakukan, Amākā, əjunmækəl* – «Дедушка, потише, дед, полегче» – вытаскивают наружу (если это медведица, то ее называют *əpəkə* – «бабушка»). Как только из берлоги показываются задние лапы, охотники начинают громко кричать, подражая крику ворона. Это означает, что вороны слетелись и радостно кричат по случаю хорошей добычи. Только после того, как проснувшийся зверь вылезал, совершали ритуал убиения копьем в сердце» [1, 71]. Другие авторы добавляют, что маскироваться под воронов эвенки могли и до начала охоты – «подходя к берлоге, охотники еще издали начинали каркать «кук», «кук!». Принеся убитого зверя на стойбище, они снова кричали «Кук», а домашние им отвечали «как!»!». Маскировочные звукоподражания могли сопровождаться изобразительной пантомимой, когда охотники, убив медведя, взмахивали руками, будто крыльями, и каркали, приговаривая: «Это не мы тебя убили, а вороны...» [13, 155]. Стремясь отвести от себя гнев священного животного, охотники убеждали его, что убили не они, а кто-то другой – птицы, животные, представители другого рода или этноса (удэгейцы, например, или русские). Эту маскировку (акустическую, жестомимическую) охотники использовали, чтобы обмануть душу медведя. Последняя, согласно традиционным представлениям, уходит в тайгу, становится вновь медведем и, если ее не обмануть, может в новом образе жестоко мстить людям.

Аналогично проходил ритуал у орочей и нивхов – охотники долго будили и уговаривали медведя, говорили, что ему пора вставать, а убив, издавали особый приветственный клич – «*о-хо*» – как бы призывая прийти еще. Символический возглас предназначался для горных людей (нивх. *пал нивхгун*). Далее в театрализованной структуре медвежьего праздника наступало время «извинительных» речей: охотники обращались к медведю с просьбами не обижаться, принять смерть с благосклонностью к людям. Прижимая голову убитого зверя к своей груди, ороцкий охотник обязательно произносил слова приветствия и благодарности: «Здравствуй! Спасибо, что пришел!» [2, 81].

Ритуальное разделывание туши также сопровождалось театрализацией. У народов Дальнего Востока существовало представление о том, что шкура – только шуба медведя, под которой скрывается «горный человек». Поэтому, встречая гостя, нужно снять шубу, – в ходе ритуального разделывания туши обыгрывалось представление о «пуговицах», «застежках», которые нужно расстегнуть. Нивхи при снятии шкуры медведя оставляют три (у медведицы – четыре) полоски – «пуговицы», которые нельзя разрезать ножом, их разрывают пальцем [8, 211]. Также поступали негидальцы, называвшие неразрезанные полоски шкуры медведя «завязками».

Эвенки начинали снимать шкуру под крики «дедушка, шкуру снимать будем, муравьев много», давая понять душе медведя, что это не они шкуру снимают, а муравьи ползают по туше и пожирают мясо. Руководитель охоты во время свежевания все время спрашивает, тут ли, так ли надо резать, хорошо ли режут, и один из охотников, подражая реву медведя, дает утвердительные ответы. Далее охотник от имени медведя спрашивает: «Кто тут есть, какие люди?». Руководитель отвечает: «Русские, остяки, тут много разных людей». Охотники в доказательство начинают кричать по-русски [1, 71]. Чтобы медведь не видел того, кто на самом деле его убил, при разделке туши вынимали глаза, заворачивали их в стружки *илау* и клали в особую зарубку на дереве.

На этом заканчивалась первая часть спорадического медвежьего праздника, включающая ритуал охоты и разделывание туши. В рамках этого этапа медведь мыслился полноценным участником обрядово-зрелищной акции, партнером – с ним вступали в диалоги, к нему обращались с «извинительными» речам, – иными словами, с ним «играли». В таких диалогах охотники широко использовали прием фиктивных выступлений и действий от лица медведя с элементами драматизации. В данном случае действие от другого лица – это особый способ воплощения мифологических идей и представлений, имевших исключительную ценность: с ним связывалась возможность создавать в рамках обряда ощущение «живого», видимого мифа, имитировать непосредственное присутствие его персонажей. Реализуясь во времени и пространстве по законам театрально-игрового мира, соответствующие мифологические силы словно представляли во плоти, «оживали», что способствовало максимальной наглядности и достоверности обряда.

Зрителем в этой части праздника медведь не был – скорее, от него скрывали часть происходящего (например, кто его убил), для чего вынимали и прятали глаза, лишая его способности видеть то, что не должно быть увидено. В роли зрителей мыслились горные люди – *пал нивхгун* (нивх.) – пославшие медведя в стойбище и ждущие его возвращения. Именно им охотники адресовали ритуальный возглас-клич в момент убиения медведя на охоте.

Особый этап в структуре обрядово-зрелищного действия – приближение охотников с тушей убитого медведя к селению. Семантически тема пути очень важна в драматургии праздника – это и путь медведя к людям, и дорога, которую медведь преодолевает, возвращаясь к горным сородичам. Важность мотива передвижения отражена в терминологии медвежьего праздника: ульч. «*дуэнтэ покто*» – дорога «таежного человека», иносказательно – «закон устройства медвежьего праздника»; *дуэнтэ судалини* – «дорога таежных людей», т.е. правила медвежьего праздника [4, 177]. Как бы далеко в тайге не был убит зверь, охотники обязательно доставляли его голову в селение («медведь должен прийти к людям»), потому что в последующих праздничных акциях голова была смысловым центром, к ней обращались, ей оказывали уважение как главному Зрителю. О своем приближении к стойбищу охотники предупреждали особым образом: орочи начинали реветь, подобно медведю, сообщая соплеменникам о приближении почетного «гостя»; нивхские охотники оповещали о добыче особым возгласом. Главным элементом торжественной встречи гостя-медведя в стойбище было исполнение на музыкальном бревне *удядинки* (ороч.), *удядюпу* (нан., ульч. – от *удя* – путь), *тумкэун* (негид.), на конце которого вырезана голова зверя. Возможно, как предполагает А.С. Колосовский, первоначально предки ульчей, нанайцев каждый раз вырезали новое бревно, изображавшее конкретного добытого зверя. Но со временем бревно стало использоваться многократно, символизируя сакрального медведя – горного человека. Обращаясь с музыкальным бревном как с персонификатором зверя, участники во время ритуала украшали его и «кормили», обмазывая рот красным соком брусники.

Пожилые женщины палочками *мунгичка* извлекали из этого инструмента ритуальные ритмы, которые «должны были веселить героя праздника – почтенного родоначальника-зверя и провозжать его в добрый путь» [2, 83]. По движению музыкального бревна судили о реакции «горного человека» на происходящее. Если бревно двигалось «вправо-влево» («восток-запад»), это считалось хорошим признаком, значит, медведь доволен. Если же оно раскачивалось «вперед-назад» («юг-север»), то это говорило о недовольстве горного человека [9, 151]. Все это подтверждает обращение с музыкальным бревном в рамках обрядового зрелища как с самостоятельным персонажем. «Оживляя» музыкальное бревно, участники ритуала не просто играли на нем, но играли с ним, воспринимая как партнера. По существу, здесь имеет место то, что называется «анимация», оживление предмета, – т.е. то, типично для театра кукол, где взаимодействие с зоо- или антропоморфными персонажами станет основополагающим. Поэтому отношение и функции музыкального бревна на медвежьем празднике вполне можно интерпретировать не только в контексте предсцениграфии, но и прослеживая истоки театра кукол.

Главным содержанием второй части праздника был пир, длившийся, пока не кончалось медвежье мясо. В течение всего пиршества украшенная голова медведя находилась на особом помосте *унаку* (ороч.). Е.А. Крейнович писал о медведе, убитом на охоте: «Старуха из приведенных собак шерсти надергала, вместе с крапивой ссучила в одну нитку. На нитку три бусины нанизала, старику подала, чтобы он на медведя серьги надел. Старик ими морду медведя украсил, чтобы он носил. Тымовские нивхи надевают на голову убитого медведя венок (*наозр*) из белых стружек, обмазанных в некоторых местах соком ягоды» [8, 265]. Около головы, являвшейся смысловым центром праздника, сидели уважаемые люди. Время от времени старики проводили обряд кормления головы (ороч. *асикта кагучиха*) – её угощали кашей, ягодами, табаком, окуривали дымом хвои [2, 84]. В конце праздника распорядитель-организатор обращался к голове медведя с благодарственными словами: «Спасибо, что пришел, спасибо, приходи, пожалуйста, опять». У орочей вся вторая часть праздника сопровождалась игрой на музыкальном бревне *удядинки*. Музицирование, в котором участвовали пожилые женщины, было обращено к медведю и должно было вызвать у него чувство умиротворения и радости, умножить его силы для дальнейшего путешествия.

На этом этапе праздника медведь выступал уже не участником, но главным Зрителем происходящего. Образ сакрального Зрителя – медведя-горного человека не просто мыслился в процессе исполнения действий, но закреплялся через «натуральный макет» – голову зверя, установленную на специальном настиле посреди помещения. Голове оказывали почести во время поедания медвежьего мяса. Старейшие люди рода «охраняли» ее, «кормили», разговаривали с душой медведя, вспоминали своих предков и желали медведю благополучной дороги к лесным сородичам и возвращения в виде охотничьей удачи к людям. Именно Зритель-медведь присутствовал в создании действия в качестве своеобразного адресата, и в известной мере определял характер происходящего.

Далее следовало ритуальное поедание мяса хозяевами праздника и гостями, но и здесь присутствовали элементы театрализации. Например, нанайцы во время застолья каркали по-вороньи в момент поедания медвежьего мяса, стремились избежать наказания за убийство медведя путем перекладывания вины на других.

Общий пир чередовался с отдыхом и спортивными играми – национальной борьбой, поднятием тяжестей, игрой в мяч, фехтованием на палках. Игры-соревнования были любимым развлечением взрослых и детей, обязательной частью обрядовых праздников (располагаясь на периферии действия, после совершения ритуальных акций). Но поскольку они входили в общую драматургию обрядового зрелища, то были обращены как к присутствующим сородичам, так и к медведю, – являясь еще одним элементом его чествования и развлечения.

Спортивные игры не только тренировали определенные функции человеческого тела, но и обладали огромным запасом зрелищности. Это были в полном смысле слова драматически развивающиеся действия со своей эстетикой и праздничной эмоциональностью. В спортивных играх зрелищность проявлялась через особую «драматургию состязания» с ее драматизмом, напряженным сюжетом, предвосхищением результата и др. Такие игры не только способствовали физиче-

скому развитию человека, вырабатывали необходимые морально-волевые черты, но и формировали эстетический и художественный вкус: внимание сосредотачивалось на чистом движении человеческого тела как акте творчества, на его результатах. Открывался путь для эстетического совершенствования движений, когда спорт и зрелище оказывались тесно связанными. Складывалось особое понимание красоты, связанное со здоровьем, что нашло отражение в языке малых народов, – так, нанайское слово «ая» переводится как «здоровый, красивый».

Помимо игр-состязаний на периферии обрядового зрелища могли быть представлены и ролевые игры, где медведь (точнее, его «заместитель») выступал уже не зрителем, но участником. По свидетельству информатора-нивха маленьких мальчиков заставляли перепрыгивать через лежащую на земле голову медведя, убитого в тайге и привезенного в село [7]. Обряд борьбы с головой медведя, инсценируемой мальчишками, существовал у эвенков [1, 71]. Вариант более драматургически развитой игры «Мафагаси» («На медведя») встречался у удэгейцев. Для нее из веток и соломы делали подобие берлоги. Один из участников, изображая медведя, надевал шкуру и уходил на четвереньках в свою подготовленную «берлогу» «спать». Охотники начинали бросать копья с тупыми наконечниками в берлогу, стараясь выгнать медведя наружу и поразить его, т.е. «убить». Далее «разделявали медведя», снимали шкуру и «обнаруживали» человека, что вызывало общий смех присутствующих. После этого все съедали сваренную медвежью голову [10, 105].

В данном случае важно, что в играх участвовали только мальчики и юноши, т.е. сохранялась та же гендерная спецификация, что и в самом медвежьем ритуале. Эти игры выступали не просто формой развлечения и поддержания праздничного настроения, но продолжением темы медвежьего праздника. Располагаясь на периферии обряда, предшествуя кульминации – ритуальному съеданию медвежьей головы – медвежьи игры образовывали своего рода завершение праздника, являлись зеркальным отражением его начала, – охоты на медведя и борьбы с ним «в исполнении» взрослых охотников.

В конце праздника отдельно хоронили череп медведя, вешая его на шест или дерево в тайге. При этом орочи, нанайцы, нивхи чернили череп сажей, придавая ему вид головы живого медведя, покрытого шерстью. Чернение выступает как своеобразная маска для черепа, означающая его превращение: из атрибута мертвого зверя он превращается в голову живого. Подобное вымазывание в качестве маскировки – прием, популярный у нанайских и орочских шаманов во время путешествия в мир мертвых *буни*. Использование сажи не только скрывало исходный образ, но, возможно, было связано с семантикой черного цвета. Как отмечает Я. Иващенко, «черное в нанайской культуре функционально связывалось с фигурой медиума... черное имело также статус сакрального» [5, 170]. В данном случае медведь выступал связующим звеном, посланником между земным миром и миром горных людей.

Анализируя медвежий праздник у этносов Дальнего Востока, исследователи отмечают «двойственность» отношения к медведю: его воспринимали одновременно и как добычу, и как максимально уважаемого гостя-родственника. О подобном же дуализме можно говорить, рассматривая зрелищные аспекты праздника, где медведь поочередно выступает и участником, и зрителем. Двойственные функции медведя важны и, по существу, соответствуют поведению других участников обрядового зрелища, где не было жесткого деления присутствующих на играющих и смотрящих, где этими функциями легко обменивались. Здесь не могло быть ситуации одностороннего разглядывания – открытости одного при полной невидимости и защищенности другого. И то, что медведь как герой праздника подчиняется этой логике, еще раз подчеркивает его мифологическое родство с людьми, реализуемое не только сюжетом, но структурой обрядового зрелища.

Анализ драматургии медвежьего праздника позволяет говорить о том, что две ипостаси медведя не существуют одновременно в каждый момент акции, но поэтапно сменяют друг друга. Точнее, медведь как главный герой претерпевает превращение, без которого невозможно участие в зрелище. Превращение, связанное с определенной нетождественностью участников самим себе, выходом за привычные рамки, – принцип, фундаментальный для организации любых зрелищных форм, – в данном случае созвучен специфике традиционного мифологического мышления, для которого нормальным представляется трансформация в иное существо. Чаще всего этот принцип за-

трагивает человека как главного участника зрелища. Но в медвежьем празднике героем является медведь, поэтому принцип перевоплощения распространяется на него, – медведь выступает то участником акции, то ее зрителем. А поскольку, по понятным причинам, сам медведь не мог быть полноценным актером, его «играют» другие участники, вступая с ним во взаимодействие. На первом этапе спорадического медвежьего праздника – на этапе охоты и разделывания туши – медведь является участником, партнером: с ним вступали в диалог, к нему обращались с «извинительными» речам, с ним «играли». Превращение же медведя из участника в зрителя связано с моментом снятия шкуры. Именно эта точка ритуала отмечает переход в иную реальность.

Заканчивая реконструкцию структуры медвежьего праздника в этапах театрализованного сюжета охоты и почитания медведя, отметим, что в конце ритуала, когда в тайге проводили захоронение черепа, происходило повторное превращение медведя. Если первое превращение отмечено «снятием костюма», т.е. медвежьей шкуры, под которой скрывается «горный человек», то вторая трансформация – надевание маски, «чернение черепа» и превращение медведя опять в медведя. Зрелище закончено, участник стал самим собой. Занавес!

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А. Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов) / А. Ф. Анисимов. – Л.: Ин-т народов Севера, 1936. – 196 с.
2. Березницкий С. В. Мифология и верования орочей / С. В. Березницкий. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 208 с.
3. Гонтмахер П. Я. Ульчи: человек, время, культура / П. Я. Гонтмахер. – Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2003. – 304 с.
4. Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей / А. М. Золотарев. – Хабаровск: Дальгиз. – 1939. – 206 с.
5. Иващенко Я. С. Семиотика еды (на материале традиционной нанайской культуры) / Я. С. Иващенко. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2010. – 290 с.
6. Колосовский А. С. Растительная символика в ритуалах медвежьего праздника ульчей / А. С. Колосовский // Известия Ин-та наследия Б. Пилсудского. 2006. – № 10. – С. 164-203.
7. Колосовский А. С. Воспоминания Г. С. Хохловой – источник сведений по истории и этнографии Нижнего Амура и Сахалина / А. С. Колосовский, Л. А. Колосовская, А. А. Саньков // Вестник Сахалинского музея. – № 16. – 2011. – С. 391-413.
8. Крейнович Е. А. Нивхгу / Е. А. Крейнович. – Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2001. – 520 с.
9. Мамчева Н. А. Магическая роль звуковой культуры нивхов / Н. А. Мамчева // Известия Ин-та наследия Б. Пилсудского. – 2006. – № 10. – С. 138-163.
10. Прокопенко В. И. Традиционные игры удэгейцев / В. И. Прокопенко // Записки гродековского музея. – Вып. 12. – Хабаровск, 2005. – С. 99-114.
11. Сидоров Н. П. Записи по орочам / Н. П. Сидоров // Архив МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 626. – 15 л.
12. Скоринов С. Н. Мифология и обрядовая культура нивхов / С. Н. Скоринов. – Хабаровск: ДВГНБ, 2004. – 416 с.
13. Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях / В. А. Туголуков. – М.: Наука, 1969. – 215 с.

Ильина Е. В.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОСКВЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ильина Е. В.

Ye. V. Ilyina

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОСКВЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ACTUALIZATION OF ST. PETERSBURG ARCHITECTURAL SCHOOL TRADITIONS IN MOSCOW SOCIAL AND CULTURAL SPACE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Ильина Елена Валерьевна – старший преподаватель кафедры «Дизайн архитектурной среды» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27; тел. 8(924)3059155. E-mail: ilyina.ev55@yandex.ru.

Ms. Yelena V. Ilyina – Senior Lecturer, Design of architectural environment Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, Lenin st., 27; tel. 8(924)3059155. E-mail: ilyina.ev55@yandex.ru.

Аннотация. Автор исследует динамику социокультурного пространства Москвы второй половины XIX в. с позиций появления в нем новых явлений культуры, инициированных представителями петербургской архитектурной школы.

Summary. The author examines the dynamics of Moscow social and cultural space in the second half of the XIX century from the standpoint of the new cultural phenomena appearance initiated by representatives of the St. Petersburg school of architecture.

Ключевые слова: социокультурное пространство, новые культурные процессы как результат взаимодействия агентов культуры, человек активный, петербургская архитектурная школа, главная художественная идея школы, трансформация художественного сознания эпохи.

Key words: social and cultural space, New cultural processes as the result of culture agent cooperation, the person active, the St. Petersburg school of architecture, the main idea of the art school, the transformation of the era artistic consciousness.

УДК 168.522

В процессе анализа существующих подходов к трактовке понятия «социокультурное пространство» стоит обратить внимание на концепцию Г. Зиммеля, который, в частности, утверждал: «Пространство – это также некий “кусочек почвы”, заселённый людьми, ... он может быть для них и пустым “Ничто”, и неким “Между” (наполненным их взаимодействием и практической, востребующей его деятельностью), и уникальным, исключительным местом размещения тех или иных социальных образований» [1, 334]. Философ обозначает две принципиальные характеристики социокультурного пространства: его физические параметры и его идейно-смысловое наполнение.

Социолог П. Бурдьё [2] указывал, что социокультурное пространство обозначается с помощью такого понятия, как «социокультурная динамика». Она является результатом взаимодействия людей и изменяет структуру того социокультурного пространства, в котором возникает. Людей он называл агентами социального процесса, а диспозицию, структурирующую их взаимодействия, – матрицей практической деятельности. Исследователь обращал внимание на двойственную природу социокультурного пространства: во-первых, это непосредственное распределение материальных объектов как результатов культурной деятельности людей (реальность первого порядка); во-вторых, религия, мораль, ценности, художественные идеи (реальность второго порядка). Следовательно, возможны два вектора взаимного влияния такой структуры: 1) изменение идей приводит к изменению реальности первого порядка, и тогда физическое пространство, окружающее людей,

является проекцией ментальных ценностей общества, и 2) трансформация материальной действительности способствует порождению новых смыслов человеческой деятельности.

Суть процесса становления социокультурного пространства – изменение переходов между социальными отношениями и культурой. В результате всех возможных действий и взаимодействий между социальными агентами рождаются новые артефакты и культурные процессы. Они указывают на культурную динамику, которая приводит к изменениям социокультурного пространства. Традиция социокультурного анализа, включая в себя основные характеристики цивилизационной (коммуникативной) парадигмы, оперирует определенной моделью общества, которая понимается как социокультурная система, возникающая и изменяющаяся в результате *действий* и *взаимодействий* людей.

Архитекторы как социокультурные агенты во второй половине XIX в. активно изменяли материальную культуру столицы (реальность первого порядка), существенно трансформируя пространственные характеристики Москвы. Они привнесли новые идеи о национальной архитектуре в художественное сознание эпохи, тем самым сформировав ценности внутри профессионального цеха и в среде передовой интеллигенции, или, иными словами, обозначили проблемное поле архитектурных идей. Объединяясь в профессиональные группы (союзы архитекторов), они существенно разнообразили формы профессиональной творческой деятельности. При этом главной целью реализации профессионального архитектурного мышления являлся диалог между общественностью и зодчими. Культурные явления общественной жизни Москвы второй половины XIX в., инспирированные архитекторами, были новационными. Например, новые гражданские постройки, существенно меняющие городской уклад жизни, архитектурные публичные прения по планируемому строительству; организация промышленных выставок с целью демонстрации достижений в разных областях науки и техники, организация новых учебных заведений (в частности, Школа десятников) и т.д.

Объединение группы архитекторов в профессиональное сообщество стало возможным благодаря общности идейных установок. Во второй половине XIX в. в обществе формировалась эстетика историзма как попытка культурной идентификации нации. Отмена крепостного права в 1861 г. вновь всколыхнула философские темы о путях развития России в среде передовой интеллигенции. В профессиональных архитектурных кругах зрела идея самобытной национальной архитектуры, способной репрезентировать Российскую Империю в мире. Организация профессиональных союзов и те формы деятельности, которые архитекторы предлагали в этот период, отражают изменение структуры социального взаимодействия. Зодчий, выполняя и государственную волю, и социальный заказ, должен был быть в диалоге и с представителями власти, и с горожанами (обществом в целом).

В культурной жизни Москвы второй половины XIX в. активное участие принимали представители петербургской архитектурной школы. Существующая в то время система государственного заказа на архитектурное проектирование и строительство была устроена таким образом, что в процессе его распределения предпочтение отдавалось выпускникам Императорской Академии художеств. Академия осуществляла контроль за всеми важнейшими градостроительными проектами второй половины XIX в. Этим объясняется тот факт, что зодчие северной столицы получали работу в Москве.

Единство архитекторов Санкт-Петербурга обуславливалось тем фактом, что в процессе своего обучения они воспитывались в поле уникальных традиций, по сути, первой профессиональной архитектурной школы. К середине XIX в. петербургская архитектурная школа, представленная Императорской Академией художеств и Институтом гражданских инженеров, сложилась как социокультурный институт. Школа имела четко выраженную художественную идею – формировать самобытную национальную архитектуру. Как мастерская профессионального мастерства школа архитектуры Санкт-Петербурга сформировала собственные традиции и заботилась об их распространении и сохранении. Приняв и разделив эти традиции, архитекторы северной столицы транслировали их в своих проектах, каждый раз осуществляя принцип особого профессионального архитектурного мышления, сформированный школой.

В Москве второй половины XIX в. особенно активными были процессы формирования профессиональной архитектурной рефлексии. Архитекторы, получившие образование в России в национальной архитектурной школе, включились в культурный процесс эпохи. Формирование архитектурного дискурса являлось необходимой задачей для стабильности архитектурного цеха: осуществлять преемственность ремесленных основ профессии и популяризировать идею о самобытности национальной архитектуры в обществе. В связи с этим с 1860-х гг. в Москве появляются общественные организации нового типа. Так, в 1867 г. при непосредственном участии представителя петербургской архитектурной школы Михаила Дормидонтовича Быковского было основано Московское архитектурное общество (МАО). Профессиональный союз способствовал формированию общественного интереса к многообразию профессиональной деятельности русских (московских) зодчих. Первоначальный состав МАО в 1867 г. насчитывал 39 архитекторов; в 1872 г. состав увеличился до 94 архитекторов (то есть в два с половиной раза), а в 1913 г. общество насчитывало 187 членов [3].

Формы деятельности МАО были новационными, трансформировали культуру Москвы второй половины XIX в. Идеальный лидер МАО архитектор М. Д. Быковский инспирировал создание первого профессионального союза, который реализовывал важнейшие компоненты архитектурной деятельности – формировать общественный интерес к вопросам архитектуры (в том числе и национальной) и исполнять государственный заказ в области строительства.

Автором первого Устава МАО также являлся М. Д. Быковский. Его основополагающие идеи о том, по какому пути должна развиваться русская архитектура, его понимание ответственности зодчего перед обществом определили содержание первого профессионального архитектурного союза.

Будучи представителем петербургской архитектурной школы, разделяя и претворяя в жизнь ее традиции, зодчий и в организации новых форм культурной жизни Москвы проявлял последовательность и настойчивость действий. Главной целью союза он и его соратники полагали «содействие разработке и распространению художественных и технических познаний, относящихся к архитектуре» [3]. В частности, в Уставе организации отмечалось: «В круг занятий общества входят: а) чтения и совещания; б) издание по части архитектуры оригинальных и переводных сочинений, сборников и т.п.; в) учреждение библиотеки и кабинета моделей и строительных материалов; г) конкурсы и премии за лучшие проекты и сочинения по архитектуре; д) исследование строительных материалов и разных способов построек; е) устройство публичных выставок и чтений; ж) преподавание рабочим, знающим грамоту (с целью образования десятников для надзора над рабочими при постройках), арифметики, черчения и рисования в приложении к строительному делу» [3].

Значимыми результатами в процессе формирования общественного сознания москвичей второй половины XIX в. являются следующие направления деятельности профессионального союза:

1. научная деятельность в области технических достижений в архитектуре и строительстве;
2. организация научной деятельности в области изучения истории древнерусской архитектуры и создание школы ее реставрации;
3. внедрение современных строительных норм и градостроительных стандартов в практику архитекторов;
4. формирование профессионального мышления в процессе организации архитектурного дискурса на страницах специализированных печатных изданий;
5. осуществление просветительской деятельности в области архитектуры; воспроизводство профессиональных кадров.

Культурные процессы, осуществляемые МАО второй половины XIX в., отражали государственную политику формирования национальной архитектуры. Это выразилось в таких значимых культурных явлениях эпохи, как организация и проведение съездов профессиональных архитекторов; подготовка и участие русских архитекторов в международных выставках и конкурсах технических достижений в области архитектуры; планомерное формирование системы воспроизводства национальных архитекторов и строителей.

Результаты деятельности МАО с 1867 по 1900 гг. повлияли на динамику культуры Москвы второй половины XIX в. Во-первых, результатом деятельности МАО в области изучения и практического применения технических достижений в архитектуре и строительстве стали печатные труды общества, к примеру, «Записки членов Московского архитектурного общества о лучшем способе мощения улиц Москвы». Этот труд, первый из многочисленных, вышел уже в 1870 г. Другие изданные обществом книги вводили в поле профессионального применения новейшие строительные технологии: применение сверхпрочного бетона, использование асфальта, разработку кровельных материалов и т.п. Кроме того, в конструкциях новых типов гражданских построек активно стали применять металл. МАО как архитектурный стратегический орган значительно расширил круг инженерных градостроительных задач: от отопительных систем до систем коммуникации (мосты, железная дорога, телефон и телеграф).

Во-вторых, важнейшим направлением деятельности профессионального союза архитекторов была организация научной деятельности в области изучения истории древнерусской архитектуры. Представитель петербургской архитектурной школы Сергей Устинович Соловьёв (1859–1912) преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества с 1888 г. Академик архитектуры, педагог и реставратор, Соловьёв был автором новационного учебного курса «История орнаментальных стилей» [6]. Сформировавшись как блестящий знаток древностей в годы пенсионерских поездок во Владимир, Ярославль и Ростов, архитектор исследовал исторические постройки Москвы. Результатом его работы явились его научные труды: «Доклад об осмотре Большого Успенского собора», «О реставрации Покровского Василия Блаженного собора», «Сообщение об осмотре царских гробниц в Архангельском соборе» и др.

Главной задачей научной работы архитектора в области реставрации являлась сохранность объектов, уникальных по своим художественным качествам. В докладах были представлены обмерные чертежи и планы исторических построек, что делало возможным их реставрацию. Значимой реставрацией мастера была работа по воссозданию изначального облика Покровского Собора (Храма Василия Блаженного) на Красной площади в 1890-х гг. [7].

Архитектор С. У. Соловьёв по праву считается основоположником русской школы реставрации. Соловьёв продвигал идею о «русском городе как художественном организме» [10]. Совмещая научную деятельность и архитектурную практику (с 1894 г. – действительный член Строительного совета при Московской городской управе), зодчий в своих трудах формировал идеи об исторической специфике древнерусской архитектуры.

В-третьих, важнейшей задачей в деятельности МАО второй половины XIX в. являлось внедрение единой нормативной базы в области градостроительства. В рамках коллективной работы архитекторы участвовали в разработке новых законов, подготовке поправок в уже существующие законы, касающиеся градостроительства и благоустройства горожан. Ситуация в нормировании градостроительных проблем осложнялась тем, что Строительный Устав, принятый в 1832 г., подвергался редактированию три раза, а регулярные планы строительства существовали для очень незначительного количества городов. Уже с 1870-х гг. XIX в. главной градостроительной проблемой обозначилась перспектива надвигающейся урбанизации.

Следующим фактором культуротворческой деятельности МАО являлось формирование профессионального архитектурного дискурса. МАО брало на себя миссию транслировать государственную политику в области архитектуры и строительства – организацию и проведение международных выставок и фестивалей русской архитектуры, а также организацию архитектурных и градостроительных конкурсов для широкого круга заказчиков.

В-четвертых, в процесс обсуждения новых художественных идей в архитектуре второй половины XIX в. вовлекались широкие слои московской общественности, и профессиональная рефлексия находила выход на страницах архитектурной периодики (журналах «Архитектурные мотивы», «Архитектурный вестник», «Неделя строителя», «Зодчий»).

Выбрав диалог как форму общения между архитекторами и общественностью Москвы, профессиональное сообщество зодчих существенно трансформировало социокультурное пространство столицы второй половины XIX в. В 1899 г. в Москве по инициативе ряда архитекторов

(в том числе представителей петербургской архитектурной школы Н. В. Султанова, С. У. Соловьева, В. Г. Залесского) начинает издаваться периодический журнал «Архитектурные мотивы». Просветительская функция этого органа обозначена во вступительной части к первому номеру: «...заручившись сотрудничеством известнейших деятелей зодчества в обеих столицах и провинции, редакция ставит себе целью знакомить публику с успехами художественной промышленности и надеется дать верную иллюстрацию развития названных отраслей в нашем отечестве. <...> Предвидя распространение нашего сборника как между публикою, так и специалистами и молодежью, посвятившей себя строительному и художественно-промышленному искусству, мы будем чутко следить за тем, чтобы на наших страницах появлялось лишь то, что может способствовать развитию вкуса к изящному» [4, 1].

Другие печатные издания МАО свидетельствуют о возрастающем интересе в среде исследователей и передовой общественности к истории национальной архитектуры и ее будущему. Под редакцией И. П. Машкова в 1895 г. был напечатан «Спутник зодчего по Москве» – справочное архитектурное издание, плод исследовательской работы членов общества. Концепция этого путеводителя указывает на тесную связь исторических, архитектурно-практических и технико-строительных сведений о Москве. Вот перечень основных разделов книги:

I Краткий исторический очерк Московской архитектуры.

II Краткий геологический очерк Москвы.

III Водоснабжение Москвы.

IV Краткий очерк строительной деятельности Москвы за последние 25 лет.

Краткое изложение обширного практического материала справочника говорит о том, что авторы были профессионалами и подвижниками своего дела.

В-пятых, значимым явлением культурной жизни Москвы второй половины XIX в. являлось участие представителей петербургской архитектурной школы в процессе воспроизводства профессиональных кадров. Трансляция архитектурного ремесла от мастера к ученику являлась признаком архитектурной школы. Существенную реорганизацию и новый вектор развития Московского дворцового архитектурного училища предложил выпускник Императорской Академии художеств архитектор М. Д. Быковский (1801–1885) еще в 1840-х гг. Профессор и академик архитектуры, Быковский был директором и преподавателем училища. Будучи преподавателями московских учебных заведений, зодчие северной столицы осуществляли преемственную связь «метода архитектурного мышления» от мастера к ученику. В ряду архитекторов – выпускников школы архитектуры Санкт-Петербурга преподавательскую деятельность в Москве осуществляли:

– В. Г. Залесский (1847–1923), гражданский инженер, профессор архитектуры, преподавал в Императорском Московском техническом училище с 1883 по 1906 гг. архитектурное проектирование;

– С. У. Соловьев (1859–1912) архитектор, Академик Императорской Академии художеств, преподавал архитектурное проектирование и историю архитектуры в Московском училище живописи, ваяния и зодчества с 1888 г. Являлся преподавателем в Строгановском художественно-промышленном училище с 1889 г. Был инспектором этого училища с 1892 по 1899 гг.

Архитекторы, представители петербургской архитектурной школы, обогатили методику преподавания специальных архитектурных дисциплин в учебных заведениях Москвы второй половины XIX в. В частности, архитектор В. Г. Залесский написал учебник с прилагавшимся к нему альбомом чертежей «Части зданий» по курсу архитектуры. Этот труд актуален и в настоящее время. Академик С. У. Соловьев, являясь преподавателем двух учебных заведений столицы, разработал учебные программы и курсы, связанные с историей русской архитектуры, к примеру, учебный курс «История орнаментальных стилей» (1889). В деятельности Соловьева в качестве преподавателя теснейшим образом переплелись его увлечение древнерусской архитектурой и научное изучение архитектурной реставрации. Кроме того, и Залесский, и Соловьев являлись действующими архитекторами, что значимо в процессе передачи мастерства молодому поколению.

Таким образом, деятельность представителей петербургской архитектурной школы была многообразна и существенно меняла столичную культуру второй половины XIX в. В первую оче-

редь это касалось переустройства городских территорий. Среди значимых архитектурных объектов столицы того времени, авторами которых были представители петербургской архитектурной школы, являются Ивановский монастырь, реконструируемый М. Д. Быковским в 1860-1879 гг.; фабричные здания Товарищества Губнера, построенные по проекту В. Г. Залесского в 1888 г. Хотя эти архитектурные объекты различны по времени постройки и по функциональному значению в пространстве Москвы, обнаруживается ряд схожих архитектурных принципов в процессе их реализации. Например, решая задачу формирования городских территорий в непосредственной близости от Кремля, архитектор М. Д. Быковский реконструирует Храм Ивановского монастыря таким образом, чтобы он стал одной из архитектурных доминант Москвы того времени (см. рис. 1). Обращение к мотивам ренессансной и древнерусской архитектуры в трактовке художественного образа монастыря являлось отражением взгляда автора на современную национальную архитектуру. Реконструкция Ивановского монастыря была естественным завершением большого ансамбля белого города. Архитектор Быковский сумел трансформировать историческую застройку таким образом, чтобы не разрушить общего художественного образа Москвы.

Рис. 1. Ивановский монастырь в Москве. Архитектор М. Д. Быковский, 1880-е гг.

Более сложные задачи решал архитектор В. Г. Залесский при постройке комплекса фабричных зданий Товарищества Губнера (см. рис. 2). Корпуса ситценабивной фабрики располагались вдоль Москвы-реки и формировали панораму города второй половины XIX в. Архитектор мастерски спроектировал постройки таким образом, чтобы в них комфортно было работать большому количеству народа и чтобы промышленные корпуса зрительно собирались в ансамбль набережной. Здания, спроектированные В. Г. Залесским, были построены из красного кирпича и представляли собранные воедино сложные с точки зрения пластики постройки. Кроме того, здания выглядели торжественно и имели богатый декор из белого кирпича. Высочайший уровень технического мастерства позволил архитектору реализовать комплекс фабричных зданий в пространстве Москвы второй половины XIX в. не только как новый тип инженерной системы, но и как художественно значимый градоформирующий объект.

Разные по стилю и времени постройки выступают образцами самобытной национальной архитектуры и отражают уникальный метод архитектурного мышления представителей школы Санкт-Петербурга уже потому, что в процессе решения градостроительных задач Москвы архитекторы мыслили категориями городского ансамбля, диктующего внешний образ построек. Реализация проектов зодчих носила новационный характер, порождающий новые культурные смыслы в жизни москвичей: осознание исторической преемственности как пути формирования современной архитектуры; включение новых типов зданий, например промышленных корпусов, в единый художественный образ города как решение проблемы агрессивной урбанизации и т.п.

Рис. 2. Саввинская набережная. Фабрика Губнера, 1898 г.

Рассматривая социокультурное пространство столицы второй половины XIX в. как пространство взаимодействия и те результаты, которые при этом возникают, мы обнаруживаем постоянные «переходы социального и культурного». Изменяя идейные установки не только архитекторов, но и горожан, зодчие Петербурга трансформировали и социокультурное пространство Москвы второй половины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиммель, Г. Философия денег (фрагмент) / Г. Зиммель // Теория общества: сб. / пер. с нем., англ.; вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999. – С. 125-154.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые; пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. Н. А. Шматко. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2005. – 576 с.
3. Шухова, Е. М. Московское архитектурное общество / Е. М. Шухова // Архитектура и строительство Москвы. – 1995. – № 4. – С. 42-45.
4. Московская энциклопедия / сост. С. О. Шмидт. – М.: Москвоведение, 2007. – Т. I, Книга 1. – 639 с.
5. Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е – 1917-е годы): илл. биогр. словарь / Гос. науч.-исслед. музей архитектуры им. А. В. Щусева. – М.: КРАБиК, 1998. – 320 с.
6. Печёнкин, И. Е. Строгановская школа и русская историко-архитектурная наука конца XIX – начала XX века: сб. статей / И. Е. Печёнкин; под ред. Т. Л. Астраханцевой. – М.: Индрик, 2012. – 235 с.
7. Соловьёв, С. У. О реставрации Покровского Василия Блаженного собора // Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества. Т. XVIII / С. У. Соловьёв. – М., 1901. – С. 188-196.
8. Владимиров, В. В. Управление градостроительством и территориальным развитием / В. В. Владимиров. – М.: Отдел информационно-издательской деятельности РААСН, 2000. – 120 с.
9. Сытин, П. В. История планировки и застройки Москвы: 1147-1762 гг. В 3 т. Т.1 / П. В. Сытин. – М.: Московский рабочий, 1950. – 415 с.
10. Анциферов, Н. П. Непостижимый город / Н. П. Анциферов. – СПб.: Лениздат, 1991. – 333 с.

Суворкина Е. Н.
Ye. N. Suvorkina

**ЭМПИРИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУРЫ ДЕТСТВА:
НАБЛЮДЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ГРУППЫ ДЕТЕЙ В БАССЕЙНЕ ГОСТЕВОГО ДОМА**

**THE EMPIRICAL METHOD OF INVESTIGATING THE CHILDHOOD SUBCULTURE:
GROUP OF CHILDREN BEHAVIOR OBSERVATION IN THE GUESTHOUSE POOL**

Суворкина Елена Николаевна – кандидат культурологии, заведующая сектором систематизации Научной библиотеки Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (Россия, Рязань); 390026, г. Рязань, ул. 4-я линия, д. 3, кв. 17; тел. 8(906)547-72-58. E-mail: suvorkina@list.ru.

Suvorkina Yelena Nikolaevna – PhD in cultural science, Head of Sector of systematization, Scientific Library of Ryazan State University named after S. A. Yesenin (Russia, Ryazan); 3, 4-th line Str., 17, Ryazan, 390026; tel. 8(906)547-72-58. E-mail: suvorkina@list.ru.

Аннотация. В статье рассматривается на практическом материале один из эмпирических методов исследования субкультуры детства – наблюдение. Обозначены общетеоретические положения, даны рекомендации по его проведению. На основании наблюдения поведения группы детей в бассейне гостевого дома установлено, что такая категория, как честность, имеет очень важное значение в процессе организации порядка, поскольку субкультура детства – открытая, самоорганизующаяся система. В бассейне дети придумывают большое количество разнообразных игр, вовлечена в деятельность и прилегающая территория. Определены две границы, имеющие место здесь для ребенка: четкая (фиксированная) – бортик бассейна – и нечеткая как обозначение переходности состояний, качеств (опасное – безопасное).

Summary. The article deals with one of the empirical research methods investigating the childhood subculture. The method is called observation. The author marked general theoretical position, recommendations on its implementation. Based on observations of the group of children behavior in the guesthouse pool it is found out that such category, as honesty is very important in the organization of the order, taking into account that the subculture of childhood is an open, self-organizing system. In the pool, the children come up with a wide variety of games. The adjacent areas are also involved. The author identified two borders, taking place for the child: a clear (fixed) border is the side of the pool and unclear border as the transitional designation of states, qualities (dangerous – safe).

Ключевые слова: детство, субкультура детства, дети, наблюдение, бассейн, игра, методы исследования, эмпирические методы, граница, честность.

Key words: childhood, childhood subculture, children, observation, pool, game, research methods, empirical methods, border, honesty.

УДК 008:303

Касаясь вопроса методологии изучения субкультуры детства, следует сказать, что эмпирические методы занимают исключительно важное место. Особую роль играет *наблюдение*.

Наблюдение должно осуществляться таким образом, чтобы наблюдаемые не подозревали о проводимом мероприятии, поскольку в противном случае нельзя говорить о чистоте полученных данных.

Ситуация усложняется тем, что исследуемый феномен является сам по себе закрытым. Мир детства – это субкультура детства. И. С. Кон, которого я часто цитирую в своих статьях, писал, что «необходимо рассмотреть мир детства не только как продукт социализации и научения со стороны взрослых, но и как автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями» [1, 63].

Подобное наблюдение – попытка одного мира (взрослых) проникнуть в другой (детский). Последние особо остро чувствуют пристальный, изучающий взгляд, вследствие чего они могут

нарочито громко псевдоиграть, кривляться, осуществлять какие-то деструктивные действия (ломать, отнимать и т.п.). Другая реакция проявляется в том, что дети уйдут в совершенно иное место, постараются спрятаться от соглядатая.

Дети самоотверженно охраняют свой мир от посягательств со стороны взрослых. Основная причина такой защитной реакции состоит в том, что последние не воспринимают всерьез обыденную практику детей, высмеивают ее, выбрасывают материалы, представляющие «сокровища». В частности, это касается экологического опыта. Родители, как правило, резко отрицательно относятся к куче «мусора», который ребенок тащит в дом: листочки и палки (особенно осенью), камешки, насекомые, снег зимой и т.п. С возрастом ребенок начинает понимать отношение к тому, что он приносит домой с улицы, и делает это уже более осторожно и тайно.

Последнее слово является ключевым в целом для каждой субкультуры. Именно такая ограниченность возможности проникновения обеспечивает относительную устойчивость социокультурного феномена. При этом нельзя забывать, что мир детства не находится в стагнации, это динамично развивающаяся система. Особенно показателен данный факт, если рассматривать субкультуру детства с позиции синергетики.

Наблюдение как эмпирический метод бесконтактного взаимодействия, ввиду вышесказанного, должно носить ненавязчивый характер. Рекомендуется менять точки наблюдения, исчезать из поля зрения детей.

Ваше присутствие не должно создавать дискомфорт. Важно соблюдать дистанцию.

Существуют многочисленные формы, методы ведения наблюдения за детьми, что главным образом определяется целью исследователя.

Так, мое наблюдение за детьми в гостевом доме в курортном городе Черноморского побережья России преследовало цель определить, какие условия для игровой деятельности создает бассейн.

Гостевой дом представляет собой двухэтажное строение, спроектированное по аналогии с античным двориком, в центре которого расположен бассейн (см. рис. 1). Второй этаж по всему периметру имеет крытую веранду, с которой и велось наблюдение. Около двери каждого номера на данном этаже стоят скамейки. Все постояльцы имеют право отдохнуть на них в любое время. Такое подробное описание необходимо для понимания места нахождения наблюдателя, оценки его возможностей и психологической комфортности для всех участников.

Бассейн пользовался очень большой популярностью среди детей, хотя, во-первых, он был платный, а во-вторых, в непосредственной близости располагалось море.

Данный факт находит следующее объяснение: адаптированная водная среда (отсутствие волн, однородность дна, чистота воды) и ее четкая ограниченность позволяют детям временно считать его исключительно своей территорией. Как правило, взрослые, а также мамы с годовалыми детишками в такие часы бассейн старались не посещать, что исключало присутствие представителей взрослого мира.

Создание аналогичного многочасового относительно замкнутого пространства в прибрежной зоне для шумных детских игр на городском пляже невозможно. Родителей детей, плавающих в бассейне, также устраивает этот вариант по той причине, что они находятся в пределах видимости и слышимости, общаются с другими детьми и позволяют старшим заниматься своими делами.

Нужно отметить, что бассейн на открытом воздухе в гостевом доме – тот редкий случай, когда и дети, и родители единодушны в выборе.

Необходимо особо подчеркнуть, что только дети могут в воде придумывать большое количество игр и занятий. Взрослые, как правило, могут продемонстрировать некоторые стили плавания, но не более.

Для ребенка водная среда настолько же естественна, как и воздушная, которая также хорошо предназначена для того, чтобы бегать, прыгать.

Так, дети играли «в акулу» (один игрок – «акула» – пытался догнать и съесть других «рыб»), «в воришку», «в полицейского». Эти игры основаны на игре в догонялки.

Рис. 1. Место проведения наблюдения

Большое разнообразие действий было связано с мячом. Во-первых, плавающие игроки перебрасывали друг другу мяч. Во-вторых, некоторые забавы проходили не в воде.

Например, четыре игрока перебрасывают друг другу мяч, стоя на бортике (см. рис. 2).

Рис. 2. Дети играют в мяч на бортике бассейна

Следующий вариант: два игрока становятся на бордюр бассейна напротив друг друга. Задача – осуществить пас мяча с ударом о воду; другой игрок его должен изловить (см. рис. 3).

Другая вариация аналогичного броска сводится к тому, что ребенок как бы не добрасывает (специально) мяч, вследствие чего другому необходимо проявить ловкость в его поимке или извлечении из воды (см. рис. 4).

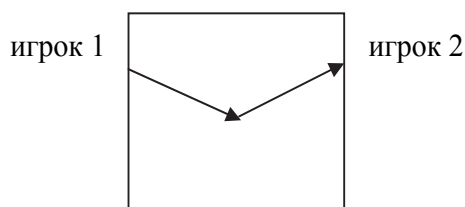

Рис. 3. Схема броска мяча с ударом о воду

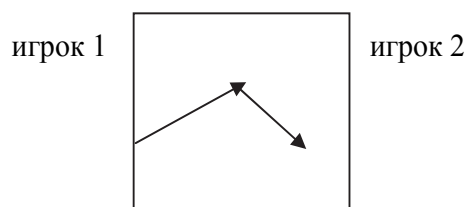

Рис. 4. Схема паса мяча с недобрасыванием

Много забав связано с одновременным нырянием, прыжками в воду.

Было зафиксировано и такое развлечение: один из играющих бросал сорванное яблоко, зеленую хурму в бассейн, остальные должны были их достать. Конечно, последнее являлось нарушением правил пользования, поскольку это загрязняло бассейн.

Дети знали об этом запрете. Каковы были их дальнейшие действия?

Старшие дети, видевшие, как каждое утро хозяин чистит бассейн деревянными приспособлениями, принесли их и выловили весь мусор, а младшие с большим энтузиазмом подражали им.

Бассейн оставался центром игровой деятельности и в вечернее время. Но здесь необходимо учитывать появление дихотомии (дозволенное/недозволенное, безопасное/опасное) и, самое главное, феномена границы. Бортик бассейна являлся границей, атрибутом запрета на вечернее плавание. Граница, как и вода, становившаяся опасной в определенные часы, вызывала особый интерес и любопытство.

Граница между землей (безопасностью) и водой (опасностью) привлекает детей всех возрастов, хотя особо маленьким было строго запрещено подходить к нему. Но вместе с тем они весело возили машинки по бортику. Дети старшего возраста играли на нем в догонялки. Другим развлечением было перекидывание яблока друг другу, при этом каждый игрок опять же стоял на краю бассейна.

Интересно, что здесь наблюдается гиперболизированное пренебрежение должным и принятым: вместо мяча – яблоко (хотя хозяйка настрого запретила обрывать деревья), вместо земли – вода.

«Граница» как феномен имеет особое значение в субкультуре детства. Она отделяет не только место, но и состояние вещей. Предмет за этой чертой может приобретать какие-то новые свойства, о которых стремится узнать ребенок. Он готов к эксперименту в любых областях, создает самостоятельно условия для его осуществления. Падение в холодную воду в одежде как неудачный опыт для ребенка все равно результат, приобретение особой информации, ощущений, тогда как для взрослого это итог плохого поведения и непослушания. Это один из многочисленных в процессе дальнейшей жизни опытов перехода. В младенчестве он начинается с выхода за границы освоенного пространства: утроба матери, колыбель (кровать), дом и т.п.

Субкультура детства от взрослого мира также условно отделена границей, о которой было сказано ранее. Но ее переход не может быть осуществлен опытным путем, у многих народов он происходит посредством обряда инициации.

Несмотря на кажущуюся спонтанность, царящую в субкультуре детства, отсутствие четких правил, иерархической подчиненности, данная модель отличается высокой степенью организации членов сообщества, их деятельности.

Основываясь на опыте наблюдений, в том числе бассейна гостевого дома, можно с уверенностью сказать, что, в частности, такая категория, как честность, имеет очень важное значение. Она определяет порядок, без которого невозможно совершение деятельности несколькими детьми.

Обязанность быть честным касается абсолютно каждого члена. Так, дети решили состязаться в беге: кто быстрее обежит вокруг бассейна от заданной точки и коснется припаркованной машины. Часов, секундомера не было ни у одного ребенка, хотя почти у каждого есть мобильный телефон с таймером. Но дети сегодняшнего поколения, как и предыдущего, решили, что время они будут измерять сами, считая вслух. Здесь имеет место, безусловно, человеческий фактор: кто-то считает быстрее, а кто-то медленнее. Более старшие дети старались выдерживать периодичность, условно считая секунды. Часто можно было услышать: «Ты нечестно считаешь!». Интересно, что пока один ребенок бежал, счет вели все другие дети. По окончании дистанции подводились итоги: делался выговор тем, кто слишком быстро или медленно считал (что могло рассматриваться как личная заинтересованность в выигрыше/проигрыше), определялось итоговое время.

Иногда игрок просил разрешения пробежать еще раз по какой-то объективной причине: попал в яму, соскочила туфля и т.п. Сообщество детей принимало решение, как правило, положительное.

Четко следилось за тем, чтобы соблюдались начальные и конечные точки забега. Так, мальчику, ставшему нарочно ближе к условному знаку, было замечено: «Дальше! Черта вон там!» Обязательным условием было дотронуться до машины, соблюсти траекторию движения.

Детям вменяют в вину, что они не хотят и не умеют играть. Они только «слоняются» из угла в угол. Наблюдения показывают, что детское сообщество имеет высокую степень самоорганизации. Так, без советов взрослых дети затевали рядом с бассейном игру в мяч, например, «в собачку», смысл которой заключается в том, что между двумя детьми, стоящими лицом друг к другу на расстоянии, встает ребенок или несколько детей («собачек»), которые должны поймать мяч, перекидываемый над ними играющими (см. рис. 5).

Рис. 5. Дети играют «в собачку»

Дети самостоятельно выбирают игру, занятие на основе диалога. Так, в гостевом доме иногда можно было стать свидетелем следующей ситуации: дети спрашивали друг друга, что у кого есть, какие игры; кто может предложить, во что поиграть. Этот разговор – полноценное взрослое обсуждение с выслушиванием предложений каждого. Даже самые маленькие из сообщества имеют право голоса. На основе общего решения начиналась игра.

Взрослый мир может лишь позавидовать такой организации.

Интересно заметить, что в целом сообщество детей гостевого дома – это временный детский коллектив, который меняется постоянно. Такая организованность привносится не каким-то отдельным дисциплинированным ребенком – это черта, характеристика, присущая субкультуре детства. Обновлялся состав детей, часто полностью, но стремление к честности, к порядку, к консенсусу – величина постоянная.

Считается, что современные дети абсолютно другие, чем, скажем, поколение 70-х, 80-х годов. Изменилось многое, например, игрушки, частично – мировоззрение, но, если обратить внимание на их взаимодействие, окажется, что ряд вербальных формул не утратил и по сей день своей актуальности. Так, когда ребенок хочет присоединиться к играющим, он спрашивает: «Можно с вами?»; когда кто-то жульничает, то дети восклицают: «Так нечестно!»

Наблюдение как важный эмпирический метод исследования предоставило уникальный фактический материал, еще раз подтверждающий (без обращения к синергетической парадигме), что субкультура детства – открытая, самоорганизующаяся система. В гостевом доме бассейн явился тем особым местом, которое обладает способностью из разрешенного превращаться в запретное. Как правило, взрослые вещам определяют характеристики, не способные к такой переходности (так, кладбища, свалки, гаражи, подвалы в любое время суток и года опасны и запретны).

Переходность как метахарактеристика привлекала детей, создавала основание для фантазии. А вторая граница, уже более четкая и осязаемая, представлена бордюром водного объекта. В вечернее, ночное время она манила тем, что отделяла опасное (воду) и безопасное (землю).

Только ребенок может почувствовать эту *двухграничность*, поскольку его мировосприятие еще формируется, он способен видеть в структуре мироздания не только базовые моноединицы – верх, низ, границу и т.п. В одной границе он выделяет две. И это только предварительный подсчет. Взрослый же открыт тому, что принято, установлено, удобно.

Как можно видеть, наблюдение за игровой деятельностью детей в бассейне на территории гостевого дома предоставляет исследователю значительно больший материал, чем он рассчитывает. Игра как один из элементов обыденной практики субкультуры детства тесно связана с другими компонентами, поэтому он получает знание не только об игре в «чистом» виде, но о картине мира ребенка в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кон, И. С. Ребенок и общество / И. С. Кон. – М.: Академия, 2003. – 336 с.

Трипузов М. Г.
M. G. Tripuzov

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА (НА МАТЕРИАЛАХ ИРКУТСКА XIX ВЕКА)

THE PROBLEM OF THE AESTHETIC POTENTIAL REALIZATION AS EXAMPLIFIED IN THE XIX CENTURY IRKUTSK

Трипузов Михаил Геннадьевич – аспирант ФГБОУ ВО Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Российская Федерация, Республика Бурятия, Улан-Удэ). Тел.: 89500819703. E-mail: mtripuzov@yandex.ru.

Mr. Michael G Tripuzov – a postgraduate student, East-Siberian state Institute of culture (Russian Federation, Republic of Buryatia, Ulan-Ude). Ph.: 89500819703. E-mail: mtripuzov@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых аспектов реализации эстетического потенциала одного из губернских центров Сибири XIX века – Иркутска – в свете воззрений современного историка философии В. А. Кувакина. Рассматриваемая проблема анализируется с позиции ценностных основ секулярного гуманизма, что с точки зрения автора является актуальным в контексте постановки многих комплексных исследовательских задач, а также связано с различными вопросами становления и развития региональной культурологии.

Summary. The article is devoted to the analysis of the aesthetic potential realization in one of the provincial Siberian centers of XIX century, Irkutsk in particular, in the light of the modern philosophy historian B. A. Kuvakin's views. The problem is analyzed from the perspective of the value foundations of secular humanism that from the author's point of view is relevant in the context of complicated research tasks, but it is also related to various issues of regional culture formation and development.

Ключевые слова: культура, культурное пространство, эстетический потенциал, эстетическая деятельность, аксиология, Иркутск XIX века.

Key words: culture, cultural space, aesthetic potential, aesthetic activity, axiology, the XIX century Irkutsk.

УДК 008

Социальная система любого масштаба предполагает наличие некоторых разделяемых всеми ее членами ценностей, в том числе и эстетических, которые определенным образом должны коррелировать с реальностью. Социальная реальность, которая стоит за понятиями «эстетическая деятельность», «эстетический потенциал культуры», «эстетическая культура», «культурное пространство» и «культурный прогресс» представляет собой вполне осязаемую субстанцию – это живое наполнение каждой исторической эпохи.

Из сказанного выше становится понятным наличие причинно-следственных связей в логической цепочке «эстетическая деятельность → эстетический потенциал культуры → культурные ценности → культурное пространство», что позволяет проанализировать и составить вполне адекватное представление о том, как происходил процесс зарождения, формирования и реализации ценностных потенциалов культурного пространства Иркутска XIX века с точки зрения их аксиологии.

Обратимся к трудам известного российского историка философии В. А. Кувакина, взгляды которого на природу ценностей мы полностью разделяем.

На наш взгляд, этот ученый совершенно обоснованно определяет ценность как «...достаточно своеобразный вид реальности. Она не субстанциальна и не абсолютна как человек, общество, бытие, ничто и неизвестность, а релятивна и всегда существует – если это объективная

ценность – «между», точнее на стыке человека с другими реальностями. Ее основой могут быть материальные объекты, небытие, социум, но в любом случае она обретает свой соответствующий статус при потенциальном или действительном бытии оценивающего субъекта, т.е. человека» [5, 35]. Здесь и далее в ходе наших рассуждений мы будем придерживаться аналогичной точки зрения.

Возвращаясь к предмету нашего исследования, заметим, что период XIX века, вообще говоря, является богатейшим культурно-историческим материалом для современных ученых многих областей знаний. Для Иркутска это обстоятельство связано не только с наличием многочисленных юбилейных дат в его истории, но и со значимостью накопленного за этот период эстетического потенциала культуры города, который, материализуясь в форме эстетического сознания и в социальной практике, воплощается в конкретные эстетические потребности и представления, предметы и произведения искусства, культурные ценности.

Вместе с тем, следует обратить внимание на тот факт, что, хотя в России благоприятные условия для эффективной реализации накопленного эстетического потенциала складывались не так уж часто, но тем не менее и в XIX веке, и в настоящее время Иркутск сохранил и продолжает сохранять за собой статус крупнейшего культурного центра Восточной Сибири. Это свидетельствует о том, что в исследуемых нами пространственно-временных рамках в Иркутске сформировалось жизнеспособное, органичное культурное пространство, где, по образному выражению В. Л. Кургузова, «его рабочие инструменты – знания, умения, навыки, чувства, культурные ценности развиваются во времени и способны передаваться от одного поколения другому» [3, 21]. Другими словами, с точки зрения аксиологии, результаты реализации эстетического потенциала культурного пространства Иркутска XIX века способны проецироваться в день сегодняшний, оказывая влияние на современные тенденции культурного развития города.

По мнению В. А. Кувакина, имеет место определенная градация гуманистических ценностей. К ним он причисляет ценности экзистенциальные, непосредственно связанные с жизнью самой личности; ценности общесоциальные; ценности политические; ценности юридические; нравственные ценности, а также ценности познания и эстетические ценности [5, 35].

Этот ученый указывает также на существование особой категории ценностей, определяемой им как «вероятностные ценности транссубстанциальных коммуникаций». Он выделяет также и группу антиценностей, «отрицательное значение которых заключено в их античеловечности», и «квазиценности» – т.е. совокупность ценностей, «подрывающих истину, добро, красоту, справедливость, жизнь и, по сути, все остальные человеческие ценности» [5, 35].

Что касается экзистенциальных ценностей, то они в культурном пространстве города, безусловно, являются базовыми, так как за ними стоят живые люди со всеми их чувствами, эмоциями и проблемами. Жизнь, смерть, любовь, секс, чадозачатие, семья, воспитание детей, свобода, уединенность, участие, труд, отдых, творчество – все эти ценности являются неотъемлемой частью любого реально существующего культурного пространства, заполненного «плотью жизни» [5, 36]. Поэтому мы не погрешим против истины, полагая, что именно экзистенциальные ценности стали определяющими и для формирования эстетического потенциала культурного пространства Иркутска XIX века.

Феномен меценатства и благотворительности, в преимущественной степени связанный с Иркутским купечеством, наиболее часто упоминается в культурно-историческом контексте исследуемого периода. А уж потенциал таких ценностей, как «участие» и «творчество», успешно воплощаемый в городской среде того времени, вообще трудно переоценить. Можно с уверенностью утверждать, что меценаты и благотворители сделали для Иркутска настолько много, что этим самым определили направленность, содержание и формы эстетической деятельности последующих поколений в рамках данного культурного пространства.

В известном смысле и саму благотворительную деятельность можно причислить к эстетической деятельности, так как она, материализуясь в форме эстетического сознания и в форме предметно-практической, способствует воплощению эстетических потребностей в конкретные предметы, произведения искусства и культурные ценности. Реализуясь в городском культурном

пространстве, благотворительная деятельность благоприятным образом сказывается на динамике развертывания культурного прогресса и привносит существенный вклад в развитие искусства не только на местном, но и на мировом уровне.

Следуя далее рассуждениям В. А. Кувакина, назовем еще одну категорию ценностей. В нее входят социальные или социо-личные ценности, т.е. ценности определенных отношений и качеств социального феномена в системе взаимодействия и коммуникации «человек–общество». Исходя из этого, можно сказать, что общество (коллектив), семья, народ, государство, общественные институты и структуры (школы, музеи, театры, библиотеки, больницы, парки, а также средства массовой коммуникации и информации) являются основными социальными ценностями [5, 44].

Принципиально важно отметить, что сами по себе социальные ценности могут нести в себе дремлющее, скрытое в них богатство предшествующего и будущего развития культуры, эстетический потенциал которых может постепенно раскрыться еще в более широком диапазоне.

Ярким примером взаимосвязи социальных ценностей с формированием эстетического потенциала культурного пространства Иркутска является развитие театральных традиций, сформировавшихся еще в XVII – XVIII веках на основе вертепных ярмарочных представлений, весьма популярных среди городского общества. Приблизительно в то же время при участии городских меценатов началось и строительство театральных зданий.

Значимый вклад в развитие системы социальных ценностей внесли ссыльные декабристы. В домах С. Волконского и С. Трубецкого ставились любительские спектакли, на которые собирались все неравнодушные к театральному творчеству люди, в том числе и молодежь – друзья и сверстники детей декабристов. Общение с декабристами и их семьями для многих стало истинным просвещением, школой воспитания нравственности. Театральная деятельность как новая форма эстетической деятельности оказалась, таким образом, настолько социально и культурно значимой, что она запустила «механизм» постоянного наращивания эстетического и нравственного потенциалов в городе, преумножая мир человеческих ценностей, расширяя кругозор людей и развивая их мышление и вкус.

В этом отношении представляется уместным отметить то, что истинные интеллигенты России, ссыльные декабристы, невольно способствовали формированию многих других направлений социальной коммуникации и, в том числе, формированию взыскательного вкуса иркутской публики. Доказательства этому можно найти в различных изданиях того времени. Так, например, корреспондент «Нувеллиста» в 1881 г. в своей статье называет иркутский театр лучшим в Сибири – и по красоте спроектированного здания, и по составу труппы [4, 51]. Или другое свидетельство, помещенное в газете «Современные известия» от 1884 г. [4, 51], гласит о том, что «Иркутский театр – один из лучших провинциальных храмов Мельпомены, там строгая публика, требующая хорошего репертуара и хороших исполнителей».

Иркутская епархия XIX века, как общественный институт и, следовательно, культурная ценность социального порядка, также заключала в себе высочайший заряд эстетического потенциала. Достаточно вспомнить, что еще с момента своего основания и далее Иркутск складывался как центр православной культуры, ставший основой развития городского образования. В городе были открыты духовная семинария и духовное училище, церковно-учительская семинария, женское духовное училище, сеть духовно-приходских школ. Эти духовные учебные заведения предоставляли жителям города возможность получения бесплатного образования. Из стен духовной семинарии вышли известные ученые, писатели и общественные деятели.

Рассматривая различные ценности в их взаимосвязи, нельзя обойти категорию политических ценностей, которые по существу являются своеобразным подвидом социальных ценностей. Согласно мнению В. А. Кувакина, политические ценности – это политическая свобода и ответственность, элементы «вечной правды» основных типов политических сознаний, национальная безопасность, патриотизм и космополитизм, международная безопасность, мир и сотрудничество. Большая часть политических ценностей по сути своей связана со стремлениями людей к справедливому разумному общественному устройству и механизму его поддержания [5, 45].

Одним из примеров проявления эстетического потенциала, порожденного политическими ценностями, является показатель высокого уровня патриотизма городского населения.

Еще в XVII веке военные части, размещавшиеся в Иркутске и предназначенные для охраны восточных государственных границ, в силу своих патриотических взглядов и убеждений сумели сформировать у городского общества особенно уважительное отношение к патриотическим ценностям. К тому же за плечами иркутян был огромный военный опыт. Они участвовали во всех войнах, которые вела Россия с XVII века. Это и русско-турецкие войны, Отечественная война 1812 г., Гражданская война, Первая мировая война, Великая Отечественная война и другие военные конфликты. В трудное для страны военное время горожане активно помогали собирать пожертвования для фронта, что считалось вполне объяснимым и естественным. Но, с другой стороны, это движение явилось следствием результата реализации эстетического потенциала патриотических ценностей.

В системе ценностей культурного пространства любого общества имеет место еще одна категория социальных ценностей, определяемая как социальные ценности гуманизма, т.е. юридические ценности. Главными из них, по мнению В. А. Кувакина, являются: законность и правопорядок, правовая защищенность, законопослушность и справедливый суд. Если личные юридические ценности вырастают из нейтральных и позитивных качеств личности (таких, как свобода, ответственность, долг, обязательность, справедливость, терпимость и кооперативность), то социальные юридические ценности строятся на базе человеческих потребностей в безопасности, гарантированности и защите социальных и внешних жизнепроявлений [5, 44].

По наблюдениям историков Иркутск XIX века, особенно с момента вступления в должность генерал-губернатора М. М. Сперанского в 1819 г., стал превращаться в крупный правовой центр и место проведения многочисленных реформ. Архивные источники также подтверждают тот факт, что именно М. М. Сперанский, добиваясь соблюдения законности, «отдал под суд двух губернаторов и 48 чиновников, а более шестиста объявил ворами!» [1, 146]. Для XIX века такое событие и с социальной, и с юридической точки зрения было экстраординарным, а точнее говоря, выдающимся примером проявления справедливости и соблюдения правовой дисциплины.

Приведенные примеры красноречиво свидетельствуют о том, что эстетический потенциал юридических ценностей, актуализирующийся в культурном пространстве Иркутска XIX века, позволил обеспечить решение тех социальных задач, которые оказались недоступными для решения на предыдущих этапах, и, следовательно, способствовал развитию культурного пространства не только Иркутска, но и всей России.

Основу гуманистического мировоззрения составляет категория нравственных ценностей, обладающих мощным эстетическим потенциалом влияния на формирование сознания, стиля мышления и жизни всех членов общества как главных субъектов культурного потенциала. Однако само понятие нравственности является исключительно обширным, объединяющим все сферы внутреннего мира человека и все области его внешних социальных отношений.

Система нравственных ценностей складывается из тех реальностей и поступков, которые мы не просто оцениваем, но одобряем, т.е. оцениваем их как добрые, благие, хорошие и т.п. На наш взгляд, философ П. Куртц в работе «Запретный плод. Этика гуманизма» предлагает исчерпывающий перечень общих моральных норм. Среди них он называет честность, правдивость, обязательность, искренность, верность, преданность, надежность, благожелательность, доброжелательность, непричинение зла другим людям, непричинение ущерба частной или общественной собственности, согласие на сексуальные отношения, благодетельность, порядочность, благодарность, ответственность, справедливость, терпимость, сотрудничество [5, 47].

Нетрудно понять, что нравственность – это одна из основополагающих гуманистических ценностей не только личности, но и общества в целом. С одной стороны, нравственность является одним из критериев социальности личности, а с другой – одной из ключевых характеристик общества, его общественного уклада и общественной жизни.

Эстетический потенциал нравственности культурного пространства Иркутска XIX века объективировался в форме религиозной, расовой, этнической и национальной терпимости и стал

показателем зрелости существующих общественных отношений. Поэтому неслучайно Иркутск XIX века стал городом многонациональным и многоконфессиональным. Городское общество того времени сумело заложить основу для будущего толерантного сосуществования различных этнических групп в едином национальном культурном пространстве, которое и сейчас успешно функционирует и развивается.

Минует второе десятилетие XXI века. На наших глазах возникли и успешно функционируют многочисленные культурные центры, эстетическая деятельность которых создает эстетический потенциал нравственности, являющийся важной составной частью интегративного эстетического потенциала культурного пространства Иркутска. Материализуясь в социальной практике, эстетический потенциал нравственных ценностей одухотворяет и гуманизирует жизнь общества, привносит национально-маркированную самобытность в уклад городской общественной жизни.

Одной из знаковых ценностей для человеческой цивилизации является ценность познания. Удачной в этой связи представляется точка зрения В. А. Кувакина, который характеризует познание как «практически тотальный, всеохватывающий способ бытия человека» [5, 48].

Раз познание функционально связано с разумом, чувствами и инстинктами, то, следовательно, есть познание рациональное, чувственное, инстинктивное и интуитивное. По мнению В. А. Кувакина, познание выражается в формах логического мышления и чувственных данных, а также в форме ощущений, воображения, представления, созерцания, чувственной и интеллектуальной интуиции. Помимо этого, существует и другая категория познавательных ценностей. К ним относятся такие ценности, как истина, смысл, знание, открытие и изобретение, отражающие плодотворность и творческий характер самого процесса познания [5, 48].

Потенциал ценности познания культурного пространства Иркутска XIX века достаточно эффективно раскрывался через эстетическую деятельность многих ученых-исследователей (в том числе и ссыльных), которая была креативной по содержанию, форме и существу. Диапазон деятельности этих ученых был довольно широк: организация библиотек и научных музеев; открытие Восточно-Сибирского отдела Русского Императорского Географического общества; педагогическая деятельность в многочисленных учебных заведениях, в том числе и в Девичьем институте Восточной Сибири, где преподавали выпускники лучших учебных заведений России и европейских стран.

Прогностическая креативная направленность этой эстетической деятельности создала основу для зарождения и накопления эстетического потенциала научных ценностей культурного пространства Иркутска в форме новых идей, представлений и открытий. В Иркутске XIX века эстетический потенциал научных ценностей воплощался в социальной практике совместными усилиями многочисленных ученых и исследователей, в том числе и ученых, получивших образование в Иркутске. Это были топограф А. И. Лосев, монголист А. А. Бобровников, историки А. П. Щапов и И. В. Щеглов и др. [2, 169].

Категория эстетических ценностей, наряду с категориями других ценностей, является важнейшей в характеристике культурного пространства Иркутска XIX века. Как нам представляется, вообще все, что создается обществом благодаря его умственному и физическому труду, будь то образование, наука, искусство или городское самоуправление, социальные взаимоотношения, религиозные и экономические аспекты развития Иркутска, его городское обустройство и архитектура – исключительно все имеет свои эстетические ценностные характеристики. Да и сама деятельность человека практически во всех ее проявлениях, также как и поведение человека, для достижения практических целей руководствуется эстетическим целеполаганием. Что же касается эстетической деятельности, особенно творческой, то она тоже совершается по законам эстетического вкуса и в соответствии с эстетическими критериями выразительности и красоты. Так что совокупное множество эстетических норм, ценностей, идей и представлений присутствует в любом культурном пространстве.

Как можно видеть из приведенных выше высказываний, рассмотренные категории ценностей образуют единую ценностную систему, внутри которой все ценности находятся в разных формах связи, соотношений и взаимодействий. Разные категории ценностей выступают при этом

как частные случаи возникновения и накопления эстетического потенциала культурного пространства Иркутска XIX века. Совокупный эстетический потенциал, обусловленный этими ценностями, является неотъемлемой частью общего культурного потенциала, создающего эстетическое поле культуры и способствующего развитию и прогрессивному реформированию всего культурного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольдфарб, С. И. Иркутск, Иркутск... Рассказы из истории старого города / С. И. Гольдфарб. – Иркутск: Агентство «Комсомольская правда – Байкал», 2007. – 584 с.
2. Кудрявцев, Ф. А. Иркутск. Очерки по истории города / Ф. А. Кудрявцев, Е. П. Силин. – Иркутск: ОГИЗ Иркутске обл. изд-во, 1947. – 276 с.
3. Кургузов, В. Л. О понятии «культурное пространство» и проблеме самоидентификации его регионально-го образца / В. Л. Кургузов // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ, 14-15 мая 2002 г. – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2002. – 503 с.
4. Харкеевич, И. Ю. Музыкальная культура Иркутска Текст / И. Ю. Харкеевич. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. – 280 с.
5. Кувакин, В. А. Твой рай и ад: Человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.humanism.ru/tvoie-raie-i-ad/> (дата обращения: 20.06.2016).

Новиков Д. В.
D. V. Novikov

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

MODERN CHINA IN THE MIRROR OF THE RUSSIAN PUBLIC OPINION

Новиков Денис Викторович – кандидат политических наук, заведующий кафедрой «Философия и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: novikovdeniska@rambler.ru.

Mr. Denis V. Novikov – PhD in Political Science, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, st. Lenin, 27. E-mail: novikovdeniska@rambler.ru.

Аннотация. В статье анализируется отношение современного российского общества к Китайской Народной Республике. На материалах опросов общественного мнения 2014-2016 гг. автор приходит к выводу о доминирующем в российском общественном сознании представлении о Китайской Народной Республике как о дружественной стране.

Summary. The article analyzes the relationship of contemporary Russian society and the Chinese People's Republic. Based on polls 2014-2015 the author concludes that dominant in the Russian public consciousness is the image of the People's Republic of China as a friendly country.

Ключевые слова: Китай, Россия, общественное мнение, опрос общественного мнения, партнёрство.

Key words: China, Russia, public opinion, poll, partnership.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края. Договор № 93/20016 о предоставлении гранта на проведение научных исследований в области гуманитарных и общественных наук в 2016 г.

УДК 327:316.65

В настоящее время в связи со стремительным разворотом российской внешней политики в направлении конфронтации со странами западного мира особую актуальность приобретает восточный вектор, и в первую очередь взаимодействие с Китайской Народной Республикой.

Начиная с 2014 г. высшее российское политическое руководство декларирует необходимость ускоренного выстраивания партнёрских взаимоотношений с восточным соседом, пытаясь таким образом создать противовес «прохладной» политике с западными странами. А поскольку внешняя политика любого государства (и Россия здесь не является исключением) всегда пытается найти внутренние основания и опираться на поддержку широких групп гражданского общества, то особый исследовательский интерес представляет анализ соответствующего общественного мнения.

Целью настоящей статьи является изучение отношения российского общества к Китайской Народной Республике и, следовательно, ответ на вопрос о степени благоприятствования или неблагоприятствования данного мнения официальной политике российских властей по выстраиванию стратегического партнерства с восточным соседом.

В качестве источниковой базы нами были привлечены материалы опросов общественного мнения, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в 2014-2015 гг., а также материалы нашего собственного исследования, проведённого посредством анкетного опроса студентов ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» в сентябре 2016 г.

Так, по данным опроса, проводившегося ВЦИОМ в 2014 г. [1], большинство россиян рассматривают Китай в качестве дружественного государства и важного партнёра. Так, на вопрос: «Как Вам кажется, кем сегодня является Китай для России?» – 49 % респондентов отвечают: «Стратегический и экономический партнер», 36 % – «Дружественное государство и союзник», 8 % – «Экономический соперник, конкурент», 1 % – «Враждебное государство, противник».

Проявляют россияне оптимизм и по поводу перспектив сотрудничества с Китаем. Так, на вопрос: «Как Вы думаете, в XXI веке Китай будет другом или врагом России?» – 43 % опрошенных отвечают: «Союзником, дружественным государством», 36 % – «Близким партнером», 9 % – «Опасным соседом, соперником», и лишь 1 % – «Противником, врагом».

Оценивая взаимную выгоду от сотрудничества России и Китая, большинство опрошенных указывают на то, что её в равной степени получают оба государства (60 % опрошенных), 22 % опрошенных считают, что больше выгоды от сотрудничества получает Китай, 10 % считают, что больше выгоды получает Россия.

В связи с ухудшением отношений России со странами Запада большинство опрошенных россиян склонны считать, что Китай сможет либо полностью (24 %), либо частично (50 %) заменить Запад в качестве экономического партнера.

Сходные данные в отношении мнения россиян о Китае предоставляет и ФОМ. Так, по данным опроса, проведённого ФОМ 6 апреля 2014 г. [2], подавляющее большинство россиян рассматривают Китай в качестве дружественного государства. На вопрос: «Как Вы считаете, какие отношения складываются в настоящее время между Россией и Китаем: хорошие или плохие?» – 72 % респондентов отвечают: «Хорошие», и лишь 3 % отвечают: «Плохие».

В другом исследовании ФОМ, посвященном анализу представления россиян о дружественных и враждебных странах [3], Китай также большинством респондентов называется в качестве дружественной страны. Так, на вопрос: «С какими из стран, по Вашему мнению, у России сейчас наиболее близкие, дружественные отношения? Назовите не более пяти стран», – 56 % респондентов выбирают Китай. В свою очередь, в ответ на вопрос: «А с какими из стран у России сейчас наихудшие, недружественные отношения? Назовите не более пяти стран», – выбирает Китай лишь 1 % респондентов. При этом 49 % респондентов рассматривает сотрудничество с Китаем в качестве важнейшего ресурса для российской экономики.

На вопрос: «Как Вы считаете, почему Китай – самый нужный, самый ценный партнер для России?» – 12 % респондентов в качестве причины выделяют его (Китая) сильную, развивающуюся экономику, 8 % – большой товарооборот и тесные экономические связи, 4 % респондентов отмечают дружественность Китая.

Выводы исследований ВЦИОМ и ФОМ в целом подтверждаются результатами проведённого нами 19-23 сентября 2016 г. опроса студентов ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет». В данном исследовании в качестве респондентов принимали участие 56 студентов II – IV курсов, обучающихся на различных направлениях Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Методом исследования являлся анкетный опрос. Содержательная часть анкеты состояла из следующих трёх закрытых вопросов:

1. Как Вы считаете, в настоящее время кем является Китай для России?
2. В чём, на Ваш взгляд, заключается ценность как партнёра Китая для России?
3. Как Вам кажется, как будут развиваться отношения России и Китая в ближайшее время?

В ходе опроса были получены следующие ответы:

На первый вопрос: «Как Вы считаете, в настоящее время кем является Китай для России?» – 52 % опрошенных ответили: «Важным политическим и экономическим партнёром», 36 % опрошенных – «Политическим союзником», 10 % опрошенных – «Конкурентом», и 2 % опрошенных выбрали вариант «Затрудняюсь ответить».

На второй вопрос: «В чём, на Ваш взгляд, заключается ценность Китая как партнёра для России?» – 58 % опрошенных выбрали вариант: «В большом объёме товарооборота», 26 % опрошенных – «В наличии общей внешнеполитической позиции в отношении стран Запада», 12 % опрошенных – «В силе и мощи современного Китая», 4 % опрошенных – «Затрудняюсь ответить».

Наконец, на третий вопрос: «Как Вам кажется, как будут развиваться отношения России и Китая в ближайшее время?» – 92 % опрошенных выбрали вариант: «Сотрудничество между двумя государствами будет позитивно развиваться», – 4 % опрошенных – «Возникнут проблемы в развитии сотрудничества двух государств», 4 % опрошенных – «Затрудняюсь ответить».

Таким образом, подводя итог анализу результатов опросов общественного мнения, фиксирующих отношение современных россиян к Китаю, следует сделать ряд заключений:

1. Современные россияне позитивно относятся к Китаю, воспринимая его не в качестве конкурента и тем более врага (как страны Запада и, в первую очередь, США), а в качестве дружественного государства и важного политического и экономического партнера.

2. Ценность сотрудничества России с Китаем определяется россиянами силой и мощью китайской экономики, а также фактом её перманентного развития.

3. По мнению россиян, сотрудничество России с Китаем способно стать противовесом и альтернативой конфронтационным и стагнирующим отношениям со странами англо-саксонского мира.

4. С течением времени, считают россияне, российско-китайское сотрудничество станет ещё более тесным.

Подобный позитивный настрой россиян в отношении Китая, на наш взгляд, формирует благоприятную среду вокруг выбранного российским политическим руководством курса на выстраивание и углубление дружеских и партнёрских отношений с Китайской Народной Республикой в совершенно различных сферах и плоскостях. Данное обстоятельство носит позитивный характер, поскольку способствует ускорению сотрудничества с восточным соседом, что, в свою очередь, позволяет России обрести дополнительную внешнеполитическую и внешнеэкономическую устойчивость в условиях ухудшающихся отношений со странами западного мира.

Вместе в этом не следует, однако, забывать, что современный Китай, являясь суверенным государством, обладает собственными внешнеполитическими и внешнеэкономическими расчётами и амбициями. В связи с этим сотрудничество с ним должно опираться на строгий и трезвый учет российских национальных интересов и выбор последних в качестве безусловных приоритетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2708 от 06.11.2014 «Россия и Китай: от вражды и конкуренции к дружбе и сотрудничеству» / Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115042> (дата обращения: 17.10.2016).
2. Отношения между Россией и Китаем / Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/Mir/11460> (дата обращения: 17.10.2016).
3. Представления о дружеских и вражеских странах / Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/Mir/12600> (дата обращения: 17.10.2016).

Шаталова Н. И., Осипян И. Ю.
ТРУДОЛЮБИЕ КАК СТЕРЕОТИП ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ

Шаталова Н. И., Осипян И. Ю.
N. I. Shatalova, I. Yu. Osipyan

ТРУДОЛЮБИЕ КАК СТЕРЕОТИП ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ

INDUSTRIOUSNESS AS A STEREOTYPE OF EMOTIONAL AND AXIOLOGICAL ATTITUDE TO WORK

Шаталова Нина Ивановна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой управления персоналом и социологии Уральского государственного университета путей сообщения (Россия, Екатеринбург). E-mail: NShatalova@eka-net.ru.

Ms. Nina I. Shatalova – Doctor of Sociology, Professor, Head of Personnel Management and Sociology Department, Ural State Transport University (Russia, Yekaterinburg). E-mail: NShatalova@eka-net.ru.

Осипян Ирина Юрьевна – аспирант кафедры управления персоналом и социологии Уральского государственного университета путей сообщения (Россия, Екатеринбург). E-mail: IJOsipjan@usurt.ru.

Ms. Irina Yuryevna Osipyan – a postgraduate student, Personnel Management and Sociology Department Ural State Transport University (Russia, Yekaterinburg). E-mail: IJOsipjan@usurt.ru.

Аннотация. В статье делается попытка осмысления феномена трудолюбия. Дано определение трудолюбия как сложного понятия, отражающего глубокое личностное чувство по отношению к труду. Показано, что трудолюбие работника содержательно включает в себя не только морально-нравственные характеристики человека и смысложизненные ценности, но является фактором, определяющим перспективы социально-экономического развития. Кроме феномена «любовь» в основе трудолюбия заложены и такие морально-нравственные качества личности, как привычка, интерес и уважение к труду. Отсутствие любви к труду является стержнем всех социальных проблем личности и общества. Рассматривается принципиальное отличие трудолюбия от такого феномена, как трудоголизм.

Summary. The article is an attempt to understand the phenomenon of hard work. The definition of diligence as a complex concept, which reflects a deep personal feeling is on-wear to work. It is shown that meaningful employee diligence includes not only the moral characteristics of a person and the meaning of life value, but it is a factor determining the prospects for social and economic development. In addition to the phenomenon of "love", moral and ethical qualities of the person, as a habit, interest and respect for work make up the basis of hard work. The lack of love of work is at the core of all social problems of individuals and society. We consider the fundamental difference between the hard work and workaholism.

Ключевые слова: труд, любовь, интерес, уважение к труду, труд как ценность, нравственное содержание труда, трудолюбие, трудоголизм.

Kew words: work, love, interest, respect for work, work as a value, the moral content of the work, diligence and workaholism

УДК 364.322(075.8)

Трудовая деятельность может осуществляться либо по принуждению (административному, экономическому), либо по внутреннему убеждению, либо по тому и другому. Современные ученые в основном отмечают принудительный характер труда. Но в процессе эволюции труд существенно усложнился: человек стал выполнять все более разнообразные операции, применять все более сложные средства труда, ставить перед собой и достигать более высокие цели. Труд все более приобретает творческий характер, повышается мера ответственности за его результаты, что требует большей свободы действий и самостоятельности. Эти особенности труда в современном производстве требуют гуманистического подхода, усиления внимания к личности каждого человека. В этой ситуации необходимо изучение не только трудового потенциала работника, мотива-

ции его трудового поведения, но и моральных качеств, характеризующих субъективное расположение личности к труду: смысла трудовой активности, добросовестности, старания, усердия работника. Все это отражается на количестве и качестве общественно полезных результатов.

«В деятельности человека почти всегда присутствует некоторая определяющая черта, устойчивое ядро, вокруг которого концентрируются многочисленные частные проявления его поступков. Этой чертой с древнейших времен является трудолюбие» [8, 19]. Трудолюбие превращает труд из неприятной обязанности в «первую жизненную потребность» [6, 195]. Социально-экономическая значимость данного феномена для общества и личности требует внимания к сущности этого понятия.

Начнем с того, что феномен «трудолюбие» на русском языке обозначается сложным словом и включает два таких исключительно важных для человека и человечества понятия, как «труд» и «любовь».

Труд – фундаментальный вид жизнедеятельности человека, основа возникновения и развития личности и всего общества. Он формирует в человеке «устойчивое внутреннее своеобразие» [1, 82] и является сферой проявления не только сущностных сил, но и глубоких чувств человека. Труд, работа, приносящие человеку положительные эмоции, повышают его самооценку, способствуют росту способностей, заложенных природой. Труд становится «ареной развития и самореализации личности» [3, 15], «абсолютной самоцелью, призванием человека» [1, 82]. Способности человека проявляются, реализуются и развиваются в процессе разнообразной трудовой деятельности. В человеке есть «неизменный стержень, то есть те его черты, которые накладывают отпечаток на все его поведение» [5, 68]. Этот стержень формирует трудовая деятельность. Сегодня можно даже сказать, что труд продлевает жизнь: на основании многолетних наблюдений доказано: все долгожители трудятся до конца своих дней, ленивых среди них нет.

Второе понятие, которое описывает феномен трудолюбия, – «любовь». Любовью обычно называют глубоко личное эмоциональное чувство, во многом не предсказуемое, основанное на свободном волеизъявлении, которое отражает духовное восхождение личности, ее самоотдачу. Не случайно древние видели в любви космическую силу, подобную силе тяготения.

«В жизни есть великое счастье и великий труд – любовь», – писал В.А. Сухомлинский. Она представляет собой сложный мотивационный феномен, который насыщен духовностью и нравственностью. Любовь – сила, энергия, средство, способное мотивировать человека для эффективного выполнения своих обязанностей. Любовь чаще всего проявляется в форме оценочного отношения, избирательной активности и потому превращает труд в наиболее плодотворную сферу самореализации личности. Но если любовь между мужчиной и женщиной или любовь к родине опозитизированы всей мировой культурой, в ней человечество видит высокую космическую силу, то трудолюбию «повезло» гораздо меньше, хотя это чувство по продуктивности и значению в жизни людей не уступает любви двух половин человечества.

Есть все основания определить трудолюбие как своего рода глубокое личное чувство по отношению к труду. Оно включает в себя и жертвенность по отношению к работе, и самоотверженность, и волю к постоянству. Любовь к труду проявляется в состоянии эмоционального подъема, воодушевления, в результате которого человеку интересно то, чем он занимается, он успешно строит карьеру и показывает высокие профессиональные достижения. «В каждом человеке присутствует одна черта, поддерживающая его в продолжении всей жизни: это любовь к тому, над чем он потрудился, во что он вложил часть себя» [7, 132].

Любовь эмоционально наполняет труд и преобразует личность как носителя этого чувства, изменяет ее ценностные ориентации. Говоря о детском труде, В.А. Сухомлинский писал: «Трудолюбие – это прежде всего сфера эмоциональной жизни детей. Ребенок стремится работать тогда, когда труд дает ему радость. Чем глубже радость труда, тем больше дети дорожат собственной честью, тем нагляднее видят в деятельности самих себя – свои усилия, свое имя» [9, 208]. Все эти слова можно с полным правом отнести и к взрослым трудолюбивым людям. Сказанное не означает, что труд для кого-то превращается в развлечение. Он требует напряжения и упорства. В то же время радость труда не сравнима ни с какими другими радостями.

Радость немислима без чувства красоты. Труд сам по себе обладает эстетической ценностью, а не только утилитарно-полезным смыслом. Красота труда – это прежде всего то, что человек создает. Радость труда – это красота бытия, переживая которую человек обретает чувство собственного достоинства, гордость от осознания того, что трудности преодолены. Настоящее чувство радости доступно лишь тому, кто умеет напрягать силы, знает, что такое усталость. Трудолюбие приносит его обладателю поглощенность и наслаждение, сравниться по силе с которым может только плотское наслаждение (это известно каждому трудолюбивому человеку).

Результатом деятельности трудолюбивых людей являются наиболее важные трудовые достижения мира. Трудолюбие – основная энергия мира, так как оно берет на себя его известную дисгармонию с тем, чтобы привести все окружающее в состояние гармонии. Энергия трудолюбия позволяет превратить чужой внешний вещный мир в мир личностный, удобный и приспособленный.

Например, стоит заросшее травой поле. Оно производит унылое впечатление, как и некрасовская «несжатая полоса», хотя на нем растут прекрасные васильки и ромашки. Но приходит землепашец и устраивает так, что земля очищается от сорняков, засеивается зерном и дает урожай, который накормит тысячи людей. Городскому человеку, может быть, кажется, что труд крестьянина неприятен, грязен. Но, как говорит поговорка, «состав земли не знает грязи». Для землепашца это не грязь, а удобная или неудобная, плодородная или неплодородная, готовая или неготовая к вспашке или посеву земля.

Своя поэзия есть в каждом труде: бухгалтер наслаждается видом цифр, в которых, благодаря его работе, сосредоточена вся финансовая информация фирмы; продавец радуется удачно проданному товару, а уборщица с радостью смотрит на чистое помещение, которое она только что привела в порядок.

По нашему убеждению, трудолюбивому человеку труд, которым он занимается, обязательно приносит радость.

В основе трудолюбия лежит инстинкт активности человека. В детстве нет нетрудолюбивых: ребенок активен по своей природе. Само же трудолюбие обслуживает все человеческие потребности – от физиологических (потребности в пище, одежде и т.д.), экзистенциальных (потребность в стабильности, уверенности в завтрашнем дне и др.) до таких социальных, как потребность в привязанности и общении, в уважении и высокой оценке со стороны окружающих. «Человеческая гордость за свой труд – важнейший источник нравственной чистоты и благородства» [9, 207].

В основе трудолюбия заложены такие нравственные качества личности, как привычка, интерес и уважение к труду. Человек трудолюбивый ниоткуда не возьмется, если не воспитывать в нем привычку трудиться. Именно привычки являются формой поведения человека и накладывают на него определенный отпечаток. Человек еще в школе начинает впитывать в себя, что учеба – это труд, требующий волевых усилий, внимания, настойчивости и дисциплины. Привычка к труду заставляет человека до конца жизни держать себя в тонусе. Она позволяет ему переносить трудности, которые встречаются в жизни, делать работу, не считаясь с настроением и даже состоянием здоровья.

Важен интерес как целеустремленное отношение человека к своим обязанностям. В человеческой психике интерес проявляется как волевой импульс, направляющий его действия. Интерес к работе является одним из главных мотиваторов в выборе профессии, места работы. «Интерес – это механизм, способствующий становлению и развитию всех составных элементов трудолюбия – активности, добросовестности, исполнительности» [8, 16]. Интерес порождает цели и стремление к их достижению.

Если говорить о механизмах формирования трудолюбия, в первую очередь необходимо сказать о способностях. Человек любит ту работу, которая соответствует индивидуальным особенностям его личности. Способный человек более быстро и прочно овладевает необходимыми знаниями и умениями, так как имеет внутренние психические регуляторы, обеспечивающие воз-

возможность их приобретения. Он выполняет работу с большим удовольствием, чем тот, кто работает по принуждению или рассматривает работу только как источник средств к существованию или средство реализации карьерных устремлений.

На формирование трудолюбия оказывают влияние как среда, коллектив, так и сам процесс труда. Молодой человек, имеющий большие планы на организацию своей трудовой карьеры, попав в коллектив лодырей, очень быстро социализуется как не любящий работать, научится отлынивать от работы не хуже своих старших коллег. И наоборот, трудолюбивый коллектив, в который человек попадает в начале трудовой жизни, создаст правильные ролевые аналоги, которые в будущем станут прочной основой для удачной производственной жизни.

Трудолюбивый человек обычно бывает счастлив, ибо жизнь в избытке предоставляет предмет его увлечения – работу. Как писал Екклесиаст, «Труд глупого утомляет». Счастливое самощущение приносит также уважение окружающих, которые всегда испытывают потребность в трудолюбивых людях. Кроме того, трудолюбивый человек – самореализованный человек. Преодоление для него связано только с внешними сопротивляющимися объектами. Такие качества трудолюбивого человека, как прилежание и терпение, позволяют преодолевать самые сложные препятствия и решать трудные проблемы. Не случайно все люди, совершившие великие открытия или создавшие великие произведения, говорили, что на 90 % своим успехам они обязаны именно трудолюбию.

Но есть люди другой крайности, для которых работа заслоняет все жизненные интересы. Их обычно называют трудоголиками. Они большую часть времени проводят на рабочем месте, говорят, думают только о работе, не проявляя интерес к другим сферам жизни. Трудоголики иногда добиваются больших результатов и делают хорошую карьеру.

Трудолюбец, в отличие от трудоголика, не пренебрегает семьей, общением с друзьями. «Трудолюбивый – это самореализующийся человек, это в идеале привлекательная, цельная, просвещенная личность. Человек, работающий не ради одобрения, символов положения в обществе и наград, он стремится работать потому, что любит работу, потому что работа, развивает себя. Трудоголик же может деградировать как личность» [2, 103].

Материал, полученный нами, позволяет проиллюстрировать сказанное посредством цифр. Пожалуй, ничто так не различает людей в работе, как трудолюбие или его отсутствие. Зависимость творческой продуктивности от способности личности находить в трудовой деятельности важную сферу самореализации наглядно показана в табл. 1.

Таблица 1

Взаимосвязь трудолюбия личности и ее творческой продуктивности, %

Самооценки трудолюбия	Самооценки отношения к творческому труду					
	Имеют творческую работу	Желали бы иметь творческую работу	Скорее всего, не хотят творческой работы	Если бы и имели такую работу, то отказались от нее	Работа является сферой самореализации	Работа не является сферой самореализации
Трудолюбивые	41,1	10,8	21,5	1,9	56,8	26,2
Средне трудолюбивые	38,0	14,7	26,0	0,7	44,9	29,1
Нетрудолюбивые	12,5	-	87,5	-	37,5	25,0

Нет более неудачливого и несчастливого человека, чем ленивый. Нетрудолюбивые люди менее других имеют способность находить в трудовой деятельности радость творчества, способ самореализации. Кроме постоянного недовольства окружающих, которое преследует их всю жизнь, такому человеку приходится прилагать массу усилий, чтобы избавиться от работы. Это, естественно, сказывается и на результатах, отражением которых является благосостояние челове-

ка. В наше сложное переходное время 56,3 % опрошенных, считающих себя трудолюбивыми, указали, что экономический статус их семьи средний и выше. Причем 100% оценивших себя «не очень трудолюбивыми» определили экономическое положение своей семьи как «довольно бедное», или «очень бедное». В то же время более половины из них не считают, что необходимо проявлять какую-то активность для решения проблем адаптации к рыночным условиям (среди оценивших себя трудолюбивыми таких 14,9 %).

Пожалуй, можно уверенно сказать, что лень сродни «дурной энергии», которая, будучи абсолютно непродуктивной, постоянно держит человека в состоянии напряжения. Трудолюбие же придает труду особое восприятие как одной из главных жизненных ценностей. Давно доказано, что человек начинает опускаться, когда утрачивает способность работать. Единственное, что нужно сделать, чтобы человек стал деградировать, – не давать ему работать. Не случайно многие пожилые люди, выйдя на пенсию, очень часто начинают резко стареть. Юриспруденция признает, что одна из основных проблем преступника заключается в его неспособности или нежелании работать, и этот факт принимается во внимание при выявлении криминальных наклонностей людей. Наибольшую трудность в борьбе с подростковой преступностью в нашей стране создает когда-то казавшаяся гуманной система, запрещавшая детский труд. Принятая с самыми лучшими намерениями, думается, именно она непосредственно ответственна за подростковую преступность. Недоверие к труду подростка и в особенности запрет на самостоятельную жизнь и зарабатывание денег порождают у подростка чувство, что он лишний, что он уже проиграл, еще не начав свою игру. Чуть позже он избегает воинской обязанности, связанной с большим напряжением сил и умением налаживать отношения, а затем – боится начать собственную карьеру.

В своем большинстве дети хотят работать. Они ходят за матерью или отцом, пытаясь то подать инструменты, то подмести, то постирать свои вещи. Наиболее мудрые взрослые поддерживают это желание детей, проявляют достаточно терпения, позволяя детям помогать им в работе. Ребенок, которому это позволено, укрепляется в мысли, что его присутствие и помощь важны. В дальнейшем он безболезненно начнет собственную трудовую жизнь. Ребенок, которого насильно готовят к какой-то профессии, заставляют заниматься чем-то, не допуская к сотрудничеству, не давая возможности отвечать за свой труд, убежден, что никому не нужен. Позднее у него возникнут трудности в производственной и семейной жизни. После того, как он прожил в праздности и отрыве от семейных проблем все свое детство, на него вдруг взваливаются обязанности. Ему трудно привыкнуть к этому. Работу он воспринимает как нечто чуждое. Не являясь частью общества, подросток часто противостоит ему.

Наше исследование, на которое мы уже ссылались, показало, что сформированные в застойный период стереотипы отношения к труду в обществе достаточно живучи даже в рыночное время. Более трети опрошенных (31,8 %) на вопрос, должен ли, по их мнению, подросток подрабатывать, ответили, что подросток должен прежде всего учиться. Более того, подросток часто не включен и в семейные трудовые проблемы. Так, в 34 % семей, имеющих дачные участки, дети не помогают в их обработке; в 24 % семей дети не помогают даже в уборке квартиры.

Трудолюбие как поведенческий стереотип необходимо отличать от трудовой активности вследствие послушания, повиновения обстоятельствам, внешнему принуждению. В таком поведении видится доля трагизма: человек постоянно находится в состоянии напряжения, в конфликте между тем, что необходимо делать, и потребностью обрести состояние покоя. Обычно с помощью психологической рационализации осознание такого конфликта вытесняется, и конфликт остается в подсознании в форме сильного стресса, невротических симптомов. Здесь мы пришли к мысли о том, что трудолюбие – это еще и основа психического здоровья человека.

Таким образом, трудолюбие – это особое качество поведения личности, которое определяет социальную и функциональную приспособленность работника, обеспечивающую характер, способности и формы трудового поведения. От него во многом зависят мера напряженности самоотдачи личности и степень идентификации с конкретным трудовым процессом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избр. произведения / М. Вебер. – М., 1990.
2. Ильин Е. П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2011.
3. Каверин С. Б. Мотивация труда / С. Б. Каверин. – М.: Изд-во психологии РАН, 1998.
4. Консультирование в управлении человеческими ресурсами: учеб. пособие / под ред. д-ра социол. наук, проф. Шаталовой Н. И. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 210 с.
5. Кэтэлин З. Удовлетворенность трудом: Мнение социолога / З. Кэтэлин. – М., 1983.
6. Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23.
7. Матушкин С. Е. Компетентностные контексты трудолюбия / С. Е. Матушкин // Вестник ОГУ. – № 2 (163). – февраль. – 2014.
8. Матушкин С. Е. Факторы воспитания трудолюбия / С. Е. Матушкин, П. И. Чернецов. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987.
9. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – Киев: Радянська школа, 1972.
10. Шаталова Н. И. Чувство собственного достоинства и работа / Н. И. Шаталова // Человек и труд. – 2013. – № 10. – С. 67-71.

Юдина В. И.
V. I. Yudina

**МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР В КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ:
ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ**

**FOLK MUSIC IN CULTURE OF THE RUSSIAN PROVINCE: ISSUES OF CULTURAL
DIFFERENCES AND THEIR ATTRIBUTION**

Юдина Вера Ивановна – доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории музыки Орловского государственного института культуры (Россия, Орел). E-mail: udina@orel.ru.

Ms. Vera I. Yudina – Doctor in Cultural Studies, Professor, Department of Theory and History of Music, Oryol State Institute of Culture (Russia, Oryol). E-mail: udina@orel.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка провести культурологический анализ музыкального фольклора в культуре российской провинции. Делается вывод о том, что, будучи значимым фактором сохранения национальной культурной традиции, народная песня в многообразии ее жанровых и региональных вариантов является своеобразным «самоописанием» российской провинции, ее пространственных, ментальных свойств.

Summary. The article presents an attempt to carry out the cultural analysis of folk music in culture of the Russian province. The author made the conclusion that the folk song in variety of its genre and regional options as a significant factor of preservation of national cultural tradition is a peculiar way of the Russian province "self-description", its spatial and mental properties.

Ключевые слова: традиционная культура, провинция, музыкальный фольклор, субкультура, семантика фольклора, локально-региональная музыкальная традиция, ареальные исследования, провинциология.

Key words: traditional culture, province, folk music, subculture, semantics of folklore, local and regional musical tradition, areal researches, provinceology.

УДК 130.2+398

В ряду доминантных категорий, характеризующих своеобразие русской провинции, едва ли не первое место занимает традиционализм (традиционность) (см. прим. 1). Вместе с тем, вопрос о соотношении дефиниций «провинциальная культура» и «традиционная культура» требует прояснения. Эти понятия в современной культурологии разрабатываются весьма активно, однако обычно в «параллельных плоскостях». Иногда имеет место их уподобление. В.Ю. Афиани, например, дает аналоговый ряд «традиционной, патриархальной, крестьянской, провинциальной культуры» [1, 36], указывающий на их синонимичность.

Современная провинциология (И.Л. Беленький, Т.С. Злотникова, В.Н. Козляков, М.А. Орешина и др. – подробнее см. [15, 7-20]) явно тяготеет к определению традиционалистских основ своего предмета. Во многих современных исследованиях утверждается мысль о том, что провинция выступает хранительницей национальных основ, предстает «как мир культурной традиции и инерции, <...> как особый социокультурный феномен, хранитель консервативных ценностей, архаического сознания» [7, 48-50]. Например, В.В. Балахонский в качестве одной из основных функций провинциальной культуры выделяет функцию «носительницы народных традиций, благодаря которой от поколения к поколению передаются и воспроизводятся обычаи, предания, верования, обрядность, определенные жизненные установки, характерные для национальной культуры» [2, 231]. По мысли автора, именно это обуславливает преемственность и стабильность – базовые характеристики провинциальной культуры.

Значительная роль традиционализма сказывается в формировании особого типа провинциальной культуры с доминированием традиционных элементов, когда народное традиционное искусство определяет своеобразие культурной жизни региона (наряду с другими моделями, где в качестве доминант выступает усадебное «культурное гнездо» или провинциальный город – губернский или уездный). Сознательная установка на традицию декларируется через активное распространение народных художественных промыслов, разработку народной темы в творчестве выдающихся представителей региональной/мировой культуры. В музыке – это культивирование традиционных фольклорных форм, которые в условиях доминирования светского, профессионально-ориентированного искусства оказываются способны к воспроизводству в новом качественном состоянии. Показательна, например, история возникновения и развития баянной культуры в Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Опора провинции и провинциальной культуры на традицию особенно отчетливо предстает на фоне ее соотношения с характерной столице ориентацией на новацию. Провинция не только сохраняет традиции, но прежде всего их порождает и развивает. В частности, все формы традиционной русской музыкальной культуры своим происхождением обязаны провинции. Внедряемый европейский музыкальный опыт долгое время противостоял господствовавшему в русской глубинке традиционному музыкальному быту, который существовал в фольклорной и церковно-певческой форме. По сути, до советского периода (а точнее, до момента распространения СМИ) деревня в наибольшей степени находилась на «охранительных» позициях. В провинциальном городе и усадьбе традиционная музыка продолжала развиваться как особый субкультурный пласт параллельно остальным (светским, профессиональным или любительским формам – в городе) или в общем конгломерате музыкальных пластов (в условиях повседневного усадебного быта). В советский период возобладали иные способы бытования фольклора. Его традиционно-аутентичные формы имели очень ограниченное хождение: отдельные реликтовые элементы в деревнях и селах, сохраняемые преимущественно представителями старшего поколения, были частично воспроизведены на концертной сцене коллективами энтузиастов (яркий пример – ансамбль п/у Д. Покровского). Широкое распространение получил советский фольклор преимущественно профессионализированного характера (полупрофессиональная народная самодеятельность).

И сегодня народное творчество, фольклор остаются мощным средством «самоописания» провинциальной культуры, сохраняя связь с коренными принципами мировоззрения народа.

В современной науке преобладает универсальная трактовка фольклора, позволяющая включать сюда значительную часть современной народной культуры (С.Ю. Неклюдов, К.В. Чистов, А.В. Костина). Для исторического исследования музыкальной культуры русской провинции не потеряло свою значимость устоявшееся представление о фольклоре как о народной крестьянской культуре, связанной с ее архаическими пластами (В.Я. Пропп). В современных условиях доминирования нефольклорных форм традиционная культура и фольклор наиболее полно выявляет ценность национальной культуры, в том числе и в ее провинциальном аспекте, в особенности с семантической точки зрения. «В фольклорной форме интегрировалась, закреплялась и аккумулировалась традиционная информация, выработанная этносом или его локальной группой. Мы имеем в виду этническое самосознание, этнические установки, легенды о происхождении народа и его контактах с другими народами, историческую память, отливавшуюся в предания и легенды, передачу мифологической традиции и реализацию мифов и верований, осмысление обрядов и традиций материальной культуры, символизацию явлений материальной культуры, интеграцию стереотипов соционормативной культуры и т.д., и т.п. <...> Все это обусловило семантическую насыщенность фольклора, его роль интегратора, мощного системообразующего фактора традиционной культуры» [13, 8-9].

Семантика традиционного крестьянского фольклора определяется сознанием, духовным строем, всем комплексом ментальности человека, связанного с русской землей, создающего свой мир и свое бытие в согласии с нею и по ее законам. И традиционное искусство

здесь всегда выступало своеобразным посредником между человеком и его трудом, средством естественного взаимодействия с осваиваемым им пространством, областью эмоционально-образного отражения окружающего мира в совокупности заданных природой и принятых человеком ценностно-смысловых координат.

Пожалуй, музыкальный фольклор едва ли не самый актуальный и постоянный спутник сельчанина в его культуротворческом процессе. Хрестоматийное выражение Н.В. Гоголя как нельзя лучше демонстрирует эту взаимосвязь. «Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи, и как грибы вырастают города. По песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек...» [3, 309].

Сложение провинциального культурного ландшафта – длительный исторический процесс в системе национально-государственного устройства Руси – России, который имел свою художественную составляющую. Ее изначальный аудиально-звуковой компонент представляет народное песенное и инструментальное творчество русского этноса, развитие которого демонстрирует сохранность значительной части культурного наследия древнейших эпох (восточнославянской общности) до наших дней.

Доминантность провинциального фактора в развитии русского музыкального фольклора представляется очевидной. Фольклор своим происхождением обязан, прежде всего, русской деревне: это его «питательная среда» и «среда обитания». Земледельческая крестьянская община – основная сфера бытования народной музыкальной культуры. Музыка пронизывала все окружение крестьянина, сопровождала труд, праздник, участвовала во всех событиях личной и общественной жизни. В селе творчество рождалось естественно, органично, из самих условий жизни.

С этой средой теснейшим образом был связан среднерусский провинциальный город, большую часть своей дореволюционной истории (по крайней мере, до второй половины XIX в.). Именно в этих условиях шло сложение системы жанров музыкального фольклора.

История русского музыкального фольклора – это процесс формирования его жанрово-видового многообразия в контексте освоения новых территорий и сложения пространства русской провинции. Славянские племена (кривичи, вятичи, древляне, поляне, северяне и др.) постепенно осваивали новые земли, торгово-промысловым путем, православной миссионерской деятельностью, массовыми крестьянскими переселениями продвигаясь на север, восток, юг, на Волгу, на Урал и в Сибирь. Этот процесс, не прекращавшийся и в XX в., приводил к образованию локальных групп русского населения. Так, возникали региональные/локальные варианты русской традиционной культуры и музыкального фольклора, в частности. «Развитие народной культуры происходило в реальном времени и пространстве, а потому синхронный срез любой локальной традиции фиксирует момент пересечения временной, территориальной и этнокультурной динамики ее развития. <...> Фольклорная традиция в целом представляет собой непрерывный динамический процесс внутреннего структурно-стилевого развития и внешнего территориального развертывания» [9, 176].

Региональная/локальная музыкальная традиция, рассматриваемая и каждая в отдельности, и в общей системе хронологического и топологического развития фольклора, представляет собой базисно-автохтонный слой провинциальной музыкальной культуры.

На сегодняшний день проблема создания детализированной провинциальной картины русской музыки устной традиции остается актуальной, не смотря на широко развернувшиеся во второй половине XX в. ареальные исследования. «Можно сказать, что окончательное признание отсутствия единой системы русского фольклора – будь то жанровая система, ладовая, ритмическая, тембральная или фактурная, – только сейчас, да и то с боями, становится если не аксиомой, то, по крайней мере, самой фундаментальной рабочей гипотезой современного русского этномузыкознания. В этом русле находятся все последние достижения и буквально открытия отечественной науки, связанные с целенаправленным обследованием русских эт-

нических территорий и с первыми серьезными опытами картографирования добытых в поле и аналитически обработанных сведений.

Очевидно, что если современное русское этномузыказнание еще и не вполне научилось, но упорно учится переходить от романтического и, скажем, идейно-политического общерусского единства (критическим испытанием которого явился произошедший на наших глазах распад бывшей Российской империи) к реальному богатству конкретных локальных традиций ...» [6, 298-299].

В частности, утвердившееся в современном отечественном этномузыказнании понимание народного творчества не как единого целого, а как регионально/ локальной целокупности – системы (В.А. Лапин, В.М. Щуров), солидарное с другими отраслями фольклористики – лингвистикой, филологией, этнографией (В.М. Жирмунский, С.П. Праведников, Б.Н. Путилов, Н.И. Толстой, К.В. Чистов), позволяет осуществить провинциальную атрибуцию русской музыкальной традиции с точки зрения совокупности региональных, локальных, местных, диалектных особенностей. Не заостряя внимания на специфике взаимоотношения данных категорий (что было сделано нами ранее [16]), подчеркнем здесь особую значимость своеобразной провинциальной мифопоэтики русской музыкальной традиции.

Мифопоэтизация провинции определяется через наделение провинциального пространства смыслопорождающими свойствами, к числу которых относится и укорененность в природе, приближенность к истокам, устойчивость традиций, неизменчивость жизненного уклада, несуетность, размеренность и замедленность ритма жизни, проявляющиеся как в самом искусстве, прежде всего традиционном, так и в характере музыкальной практики (в «запаздывании» внедрения музыкальных новаций в музыкальный быт провинции и в специфике действия адаптационных механизмов).

Как результат переработки хронотопических свойств провинциального духовно-ментального пространства определяется мифопоэтическое значение таких категорий, как ширь, долготы, протяженность, неспешность, замедленность/медлительность. Музыкальными знаками провинции становятся музыкальные образы – символы, традиционно воспринимаемые в русском искусстве в контексте русского пространства как шири, дали, необъятности, глубины. Это образы дороги, реки, леса, степи и соответствующие им музыкально-психологические состояния, имеющие в музыке довольно длительную историю, которая своими корнями уходит в фольклорную традицию и развивается в творчестве корифеев отечественной музыки XX в. Г.В. Свиридова и В.А. Гаврилина.

«Природная основа и природная специфика культурного ландшафта Провинции ясно читается и, несомненно, переживается населением. Оно знает и ценит природные памятники своей территории наряду с культурными» [8]. Русская традиционная музыка выступает как яркий репрезентант природных начал русской традиционной культуры – в темах, образах, жанровом своеобразии. Именно природные особенности обусловили сложение жанровой системы фольклора: благоприятные для земледелия условия определили распространенность песен аграрного цикла на исконной территории расселения русских, ныне русско-белорусско-украинского пограничья. По сравнению с этим на русском Севере в основной массе распространение получили отдельные календарные жанры преимущественно зимнего периода (новогодние, рождественские колядки, именуемые здесь виноградьями) как отражение свойственных данному климатическому поясу ограниченных сельскохозяйственных возможностей [14, 14].

Природно-климатические факторы определяют характер бытования и исполнительскую манеру каждой региональной/местно-локальной традиции. Так, на Вологодчине использование музыкально-звуковых сигналов при разнообразных сельскохозяйственных работах учитывает особенности лесистой территории: рекомендуется прислониться к высокому, мощному дереву, чтобы голос поднимался по дереву и сверху разносился по всему лесу [10, 7]. В средней полосе, на юге преобладает пение на открытом воздухе – отсюда хождение названия «улишные», относимое и к трудовым (покосные, жатвенные исполнялись во время движения на полевые работы и с них), и к хороводным, плясовым, исполняемым во время

деревенских посиделок. На Севере чаще пели в избе, на посиделках, у поморов там же водили хороводы (П.Н. Рыбников). Этим, вероятно, объясняется различие условий исполнения: южные песни звучат резко, открыто, ориентируясь на широкое пространство, северные – более мягко, строго, в соответствии с пространственным ограничением.

О связи народных музыкантов, исполняющих, а по сути, создающих песню в «соавторстве» с природой, красноречиво свидетельствует традиция брянских календарных песен – гукальных (гуканок), в которых каждая строфа после хорового унисона прерывается сольным женским возгласом на высокой ноте «гу!» («у!»), словно бы обращенным к природным силам. «Гуканки поются обычно на улице, где-нибудь на краю деревни, и эхо, подхватив возглас «У!», раскатывает его по всей окрестности. Певцы прислушиваются некоторое время к эху, затем начинают следующую строфу» [11, 16].

Своеобразие русского музыкального фольклора – факт общепризнанный (как, впрочем, и любой другой национальной культуры), не опровергаемый устоявшейся научной методологией межкультурных контактов и взаимовлияний. Это своеобразие – следствие автохтонности традиционной народной песни, ее изначальной «спаянности» с землей в ее обобщенном, антропоморфном значении («мать – сыра земля» – вершина народной поэтики) и в каждом конкретном, «аборигенном», местном воплощении. При этом знаковый смысл обретают образы природы – лес, степь, река, горы – как носители комплекса народных представлений, верований. Не случайно в некоторых песнях, имеющих конкретные топонимические атрибуты, географический знак становится символическим: «Горы Воробьевские» – символ пустоты, запустения, окаменелости души, оставшейся после гибели родного человека; «Степь Моздокская» – символ душевного одиночества, ярко проступающего на фоне бескрайних российских просторов, всегдашней тяги к родному дому и близким людям. Недаром такие песни имеют и свои «региональные» опознавательные знаки; например, казаки – некрасовцы пели «Ой вы, горы мои, да все Майносские» [12], сохраняя память о временах обитания этой ветви потомков донских казаков на озере Майнос в Турции.

Русская народная песня, особенно в ее «вершинном варианте» – лирической протяжной песне, теснейшим образом «переплетает» два пространства: бескрайнюю российскую равнину, степь с лесами и перелесками, горами и хребтами – пространство русской провинции в ее гео-метафизическом смысле и пространство русской души, бездонное и безграничное. Отсюда народное определение «песня льется как река», а сами песни в разных местах называли «долгими», «проголосными», «тянучими». «Нельзя исключить вероятность того, что именно музыкальная культура русского народа (неотделимая от сферы языка) и является наиболее полным и правдивым слепком внутренней сущности народа, пластично выражая не поддающиеся вещественному опредмечиванию ментальные реальности и смыслы, давая возможность целостного постижения этнического Космо-Психо-Логоса в многообразии его одновременных проявлений и историческом становлении» [4, 103].

Все жанровое многообразие русского народно-песенного творчества в его становлении, исторической трансформации, регионально/локальном разнообразии является своеобразным «самоописанием» российской провинции – в ее пространственном (автохтонном, коренном), временном (историческом), ментальном (как хранителя традиционных ценностей) «измерении».

ЛИТЕРАТУРА

1. Афиани, В. Ю. Провинция. Пространство и культурное взаимодействие / В. Ю. Афиани // Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни: материалы III Всеросс. науч. конф. Кн. 1. – Пенза: Департамент культуры Пензенской области, 1996. – С. 25-38.
2. Балахонский, В.В. Провинциальная культура и объяснение событий российской истории / В. В. Балахонский // Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни: материалы III Всеросс. науч. конф. Кн. 1. – Пенза: Департамент культуры Пензенской области, 1996. – С. 225-233.
3. Гоголь, Н. В. Петербургские записки 1836 г. / Н. В. Гоголь // Н. В. Гоголь. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. – М.: Печатник, 1913. – 343 с.

4. Данченкова, Н. Ю. Победа над «пространств застывшей немостою» / Н. Ю. Данченкова // Цветы необычайные: народная художественная культура России рубежа веков. Культуроведческие перспективы. – М.: Прогресс, 2002. – 496 с.
5. Зайцева, Т. А. Проблема взаимодействия традиции и новации в контексте изучения многообразия культурного опыта (региональные и локальные измерения) / Т. А. Зайцева // Вестник Томского государственного университета: Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 1. – С. 11- 8.
6. Земцовский, И. Этномузыковедческие заметки об этнической традиции / И. Земцовский // Б. Н. Путилов. Фольклор и народная культура. In memogram. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – С. 293-313.
7. Злотникова, Т. С. Ярославль: жизнь людей, их тревоги и заботы / Т. С. Злотникова // Безопасность Евразии: Журнал личной, национальной и коллективной безопасности. – 2003. – № 3, июль-сентябрь. – С. 48-69.
8. Каганский, В. Л. Россия. Провинция. Ландшафт / В. Л. Каганский // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. – 2006. – № 5. URL: <http://strana-oz.ru/authors/?author=76>
9. Лапин, В. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды / В. Лапин. – М.: Моск. гос. фольклор. центр «Рус. песня», 1995. – 200 с.
10. Лобанов, М. А. Лесные кличи. Вокальные мелодии – сигналы на Северо-Западе России / М. А. Лобанов. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та., 1997. – 232 с.
11. Свитова, К. Г. Народные песни Брянской области / К. Г. Свитова. – М.: Музыка, 1966. – 242 с.
12. Тумилевич, Ф. В. Песни казаков-некрасовцев / Ф. В. Тумилевич. – Ростов/Д.: Ростиздат, 1947. – 55 с.
13. Чистов, К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории / К. В. Чистов. – Л.: Наука, 1986. – 304 с.
14. Щуров, В. М. Жанры русского музыкального фольклора: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 1: история, бытование, музыкально-поэтические особенности / В. М. Щуров. – М.: Музыка, 2007. – 400 с.
15. Юдина, В. И Музыкальная провинциология. Теория. История. Практика: моногр. / В. И. Юдина. – Орел: ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2011. – 242 с.
16. Юдина, В. И. Проблема локальности музыкального фольклора в культурологическом ракурсе / В. И. Юдина // Самарский научный вестник: Научный журнал. – 2014. – № 4(9). – С. 149-150.

ПРИМЕЧАНИЕ

1 Традиционализм и традиционность рассматриваются нами как синонимичные категории, фиксирующие устойчивое следование традиции. Заметим, что в научной литературе существуют различные основания дифференциации и/или конкретизации этих понятий. Например, традиционность рассматривается как осознание наличия и ценности традиции, а традиционализм – как абсолютная приверженность традициям, «невозможность их нарушения вообще или в конкретных сферах жизнедеятельности» [5, 17].

Туркулец С. Е., Кононец А. Н.
S. Ye. Turkulets, A. N. Kononets

МИГРАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЦАРСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ НАСЕЛЕНИЯ И ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

MIGRATION AS THE MAIN METHOD OF FORMING THE FAR EAST POPULATION AND LABOR RESOURCES BY THE TSARIST GOVERNMENT (XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURIES)

Туркулец Светлана Евгеньевна – доктор философских наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47), тел. 8(4212)40-74-78. E-mail: ugpd@rambler.ru.

Ms. Svetlana Ye. Turkulets – PhD in philosophy, Professor of the Department of Criminal Law, the Far Eastern State Transport University (Khabarovsk, Serysheva str. 47), ph. 8(4212)40-74-78. E-mail: ugpd@rambler.ru.

Кононец Анастасия Николаевна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47), тел. 8(4212)40-74-78. E-mail: ugpd@rambler.ru.

Ms. Anastasiya N. Konnets – Senior Lecturer, the Department of Criminal Law, the Far Eastern State Transport University (Khabarovsk, Serysheva str. 47), ph. 8(4212)40-74-78. E-mail: ugpd@rambler.ru.

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке. Особое место в заселении дальневосточных земель всегда имела миграция. В разные годы царское Правительство использовало принудительное и «вольное» переселение для освоения и закрепления восточных земель под своей юрисдикцией.

Summary. The article analyzes the process of formation of the population and labor force in the Far East. Migration has always been important in colonization of the Far Eastern lands. Over the years, the tsarist government used forced and «voluntary» relocation for the development and consolidation of the eastern lands under their jurisdiction.

Ключевые слова: миграция, переселение, колонизация, население, трудовые ресурсы, геополитика, Сибирь, Дальний Восток, факторы, воздействие.

Key words: migration, displacement, colonization, population, labor resources, geopolitics, Siberia, the Far East, the factors, influence.

УДК 325.1+331.55(091)(571.62)

Важную роль в формировании населения определенной территории, рынка труда и трудовых ресурсов играют миграционные процессы. Миграция населения – это сложный по природе, формам проявления и последствиям процесс. Отметим, что от интенсивности миграционных процессов зависят значимость изменений, происходящих в различных срезах социальной структуры населения, и изменение в территориальном размещении. Миграция способствует обмену трудовыми навыками и производственным опытом, содействует развитию личности, влияет на семейный состав и половозрастную структуру, непосредственно связана с социальной, отраслевой и профессиональной мобильностью населения [8, 345].

Важно понимать, что в разные исторические периоды государство стремилось увеличить численность населения в слабообжитых регионах страны посредством переселения. Это было характерным для России процессом. В разные исторические периоды на миграционные движения оказывали влияние разные причины (факторы), которые мы рассмотрим более подробно на при-

мере Дальнего Востока. К рассмотрению выберем XIX – начало XX вв. как период начала активного освоения дальневосточного региона.

Вступая в XX в., Россия из аграрной страны становилась индустриальной, росли города. Огромный размах получил процесс дальнейшего заселения и хозяйственного освоения страны.

Особое место в повышении роли индустриального развития как важнейшего фактора, формирующего население и рынок труда в царское время, стала отмена крепостного права Александром II, что послужило стимулом для развития производительных сил. Поэтому одной из характерных черт данной эпохи был рост городского населения.

Отметим, что после отмены крепостного права преобладающей массой в иммигрантской волне на сибирские земли стали безземельные крестьяне, искавшие лучшей доли на свободных землях. Однако Сибирь отнюдь не стала для них той землей свободы и изобилия, достичь которой они стремились, уходя от крепостнического режима в Европейской России.

Следующим важнейшим фактором, влияющим на формирование населения и рынка труда, явилось государственное переселение, тесно связанное с геополитическими интересами освоения восточной территории царской России.

Централизация государственной системы Российской Империи была нацелена на создание единой военной мощи. Причинами этого стало, в первую очередь, уязвимое геополитическое положение – на обширной равнине при почти полном отсутствии естественных преград (горные хребты или морские побережья) провоцировало постоянные попытки захвата и грабежа русских земель со всех сторон, исключая северную.

Процесс интенсивного освоения новых земель за Уральским хребтом и, вследствие этого, включения в народнохозяйственный оборот больших объемов природных ресурсов способствовал массовой миграции в эти районы.

После строительства Транссибирской железной дороги в начале XX в., важно отметить, происходит наибольший приток мигрантов, формирующих население и рынок труда царской России. Если землепроходцы XVII – XVIII вв. следовали за пушниной на север Сибири, то в XIX – XX вв. произошло сельскохозяйственное заселение наиболее плодородных южных районов, степных и лесостепных.

Процесс формирования населения в Сибири и на Дальнем Востоке невозможно рассматривать отдельно, т.к. только освоив Сибирь и разлив там экономическую базу, можно было решать вопросы закрепления Дальнего Востока за Российской державой.

Как отмечает И. С. Метелев, власти неоднократно пытались принудить крестьян и ремесленников из Европейской части России посредством административных мер к переселению на Дальний Восток. Объяснить повышенное внимание правительства именно к этим категориям населения можно следующим обстоятельством: требовалось спешно организовать обеспечение первых колонистов всем необходимым, особенно продовольствием. До середины XIX в. Сибирь колонизовалась преимущественно подневольным (принудительным) способом, т.к. способ «вольной» колонизации был для царского правительства неприемлемым. Речь идет, в первую очередь, о высоких затратах, а во вторую – о несвободном в то время положении крестьян [2].

Сельскохозяйственное освоение Сибири начинается в широких масштабах с XIX в. Так, несколько изменилась ситуация с принятием в 1822 г. первого Указа, который позволял переселяться в Сибирь крестьянам всех губерний [7]. Исследователи отмечают, что первое в истории России крупное переселение крестьян – до 400 тыс. человек – было организовано в 1837 – 1859 гг. в Тобольскую, Томскую и Енисейскую губернии.

Следующим важнейшим государственным фактором воздействия на формирование населения и управление трудовыми ресурсами стала политика ссылки неугодных в Сибирь и на Дальний Восток. Осваивая Сибирь, царское Правительство старалось решить еще одну задачу: удалить из центра страны беспокойных и ненадежных в политическом смысле людей. Появилась практика ссылать в сибирские города уголовных преступников (часто вместо смертной казни), участников различных восстаний, происходивших часто по всей России в XVII в., военнопленных. Таким образом, большую часть переселенцев, оказавшихся за Уралом, составили ссыльнокаторжные, со-

средоточившись в наименее заселенных и благоприятных для жизни районах. В XVIII в. в Якутию ссылали старообрядцев и опальных сановников.

Следующим фактором, формирующим население и рынок труда в Сибири и на Дальнем Востоке, можно считать «вольное» переселение. Именно оно стало наиболее массовым способом формирования рынка труда в данных регионах. Хотя трактовка «вольности» достаточна условна, т.к. такое переселение осуществлялось под определенным государственным воздействием и регулированием [3].

Во внутренней политике царского правительства России важно отметить «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли» 1881 г. В период 1889 – 1891 гг. разрешение на переселение получили 9,6 тыс. семей, а переселилось в Сибирь свыше 36 тыс. семей [5].

В 1889 г. появился Закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», в котором говорилось о льготах и помощи переселенцам, и выполнялся который чисто формально [6].

В 1896 г. начался самый грандиозный миграционный проект дореволюционной России по заселению Сибири. Было создано миграционное Переселенческое управление для оказания содействия заселению и освоению Сибири – казна взяла на себя большую часть расходов по переезду и обустройству. (1885 – 1896 гг. – 165 тыс. переселенцев, 1896 – 1900 гг. – 900 тыс., 1906 – 1914 гг. – 4 млн).

С принятием в 1904 г. нового Закона о переселении под названием «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев» были определены две категории переселенцев, имеющие право на льготы: занимающиеся хлебопашеством и желающие идти в районы, заселение которых выгодно правительству; крестьяне из малоземельных губерний.

В период крестьянского движения 1905 – 1906 гг. состоялся первый съезд уполномоченных дворянских обществ двадцати девяти губерний, составивший «Основные положения по аграрному вопросу», впоследствии ставшие основой новой переселенческой политики царского правительства. Указ от 9 ноября 1906 г. вместе с ликвидацией общинного землевладения поощрял переселение малоземельных и безземельных крестьян в Сибирь. В этом же году началась активная пропаганда переселения путем распространения среди крестьян более 6,5 млн брошюр и листовок, 130 тыс. справочных книжек и 400 тыс. разъяснений, касающихся порядка переселений и устройства на государственных землях азиатской части России.

Уже за 10 месяцев 1906 г. за Урал переехало около 113 тыс. переселенцев и 52 тыс. ходоков из Европейской России.

Приведем цифры, отражающие результаты проведения переселенческой политики царского правительства. Всего за период с 1885 по 1915 г., по различным оценкам, переселилось около 5 млн человек зажиточных и др. [5].

Обращаясь к анализу заселения и формирования трудовых ресурсов на Дальнем Востоке, следует отметить, что активное освоение Дальнего Востока из центральных и сибирских регионов началось русскими после быстрого ослабления могущества империи Цин, которая в 1840 г. оказалась втянута в первую опиумную войну. Россия, как и другие государства, приняла активное участие в разделе территорий Цинской империи.

Отметим, что в начале XIX в. ещё не проводились значимые исследования Дальнего Востока. По верхнему течению реки Амур отсутствовало постоянное население (хотя ограничиваться районом Амура на этой территории, конечно, нельзя).

В миграционном движении на Дальний Восток во второй половине XIX – начале XX вв. можно выделить три этапа (см. рис. 1).

В 1860 г. после подписания Пекинского договора Уссурийский край вошел в состав Российской империи (1860 г.). С этого момента началось его активное освоение. Л. Л. Рыбаковский выделяет военную, казачью, промышленную и крестьянскую формы колонизации, используемые в царской России.

Военная колонизация является первоначальной формой заселения Дальнего Востока [4]. Первыми поселенцами на Дальнем Востоке были военнослужащие, которые появились на Амуре и

Сахалине перед заключением Айгунского договора и сравнительно небольшой численностью несли воинскую службу на постах и в гарнизонах. Власти пытались при помощи льгот, которые предусматривал закон 1893 г., удержать демобилизованных в крае, предполагая, что в случае военных действий эти силы будут нужны. К сожалению, данный способ заселения себя не оправдал. В 1906 г. здесь осталось всего 300 демобилизованных.

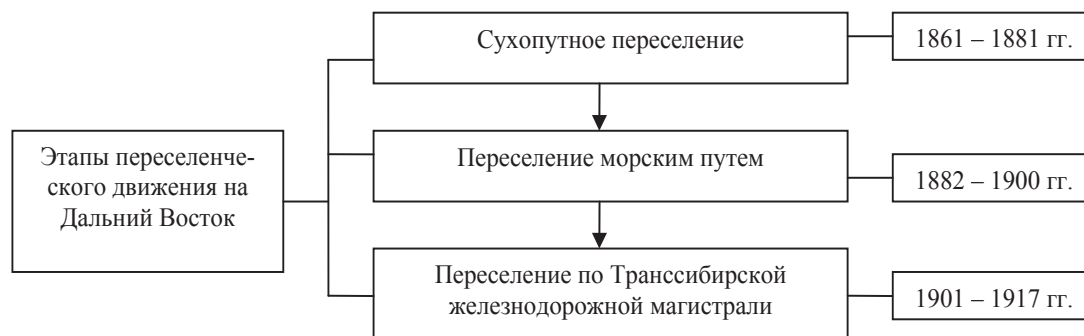

Рис. 1. Этапы переселения на Дальний Восток

В литературе часто встречается мнение о большом вкладе казаков в освоении и заселении дальневосточных территорий. Но освоение казаками не имело большого успеха, т.к. обходилось казне значительно дороже, чем заселение крестьянами. Однако необходимо помнить, что кроме хозяйственного освоения земель, на казаков возлагалась еще одна миссия – их защиты.

Одновременно с этим в Приморье осуществлялось переселение крестьянства и казачества. В частности, колонизация Приморья осуществлялась за счёт переселенцев из европейской части России и Черниговской, Полтавской губерний Украины. Основная заслуга в заселении и освоении южной части края принадлежит украинцам. Они и основали первые населенные пункты: Черниговка, Полтавка, Астраханка и т.д.

Анализ литературы показывает, что промышленная колонизация не являлась основным способом в экономическом освоении Дальнего Востока.

Переселение крестьянства и казачества имело первостепенное значение в миграционном движении на Дальний Восток.

В пореформенный период на Дальний Восток прибыло более 116 тыс. человек, из которых крестьян было 95 тыс. (81,8 %), а казаков – до 10 тыс. (9 %). Обрато вернулись не больше 2 % переселенцев.

В 1897 г. на Дальнем Востоке проживало всего 367 тыс. человек. Отметим, что это территория наиболее позднего хозяйственного освоения и заселения. Во второй половине XIX в. население Дальнего Востока возросло на 68 % и составило к 1897 г. в Забайкалье – 1071,6 тыс. человек, в Приамурье – 326 тыс. человек, в Приморье, на Камчатке и Сахалине – 540 тыс. человек. То есть за период первоначального капиталистического развития (1861 – 1917 гг.) в Приморье и Приамурье было переселено только крестьян 400 тыс. человек. Хозяйственное освоение Дальнего Востока в условиях его малой заселенности, требовало привлечения сюда рабочей силы из других районов страны [1, 38-40].

На начальном этапе колонизация дальневосточного региона имела ряд отличий, которые влияли на формирование дальневосточного социума, на специфику возникновения и развития общественных процессов и явлений внутри него. К отличительным чертам освоения восточных территорий можно отнести следующие:

- необжитость заселяемой земли. Коренные дальневосточные народы были немногочисленными и занимались, главным образом, рыбной ловлей и охотой. Сельскохозяйственной колонизации они не противились;

- заселение края началось в середине XIX в. и по времени было наиболее поздним среди других проводимых Россией колонизаций. Накопленный опыт давал представление о целях и задачах государства в политике колонизации, а также о формах и методах их достижения;

- самое большое значение в царской политике на Дальнем Востоке играл внешнеполитический фактор. Процесс русского заселения восточной территории находился под постоянной угрозой его опережения другими государствами, поэтому царское Правительство России в качестве своей стратегической цели преследовало скорейшее заселение пустующих земель;

- переселенческий процесс приходилось осуществлять на неподготовленные территории в связи с необходимыми ускоренными темпами заселения. Возникающие проблемы решались уже на месте;

- колонизация в аграрной России в большей степени являлась крестьянской, но в ней принимали участие и другие социальные группы: казаки, военнослужащие и ссыльные. Переселенцы, привлекаемые в дальневосточный регион перемещались одним из двух способов: добровольно либо принудительно. Это зависело от тех задач, которые хотела решить власть. По этим причинам отличались и основания перемещения. В дальневосточный регион были допущены и представители сопредельных азиатских стран.

Таким образом, переселенческая политика царского правительства продемонстрировала богатый арсенал примененных средств – от законодательно-нормативных и экономических мер до информационно-пропагандистских мер. Результаты оказались, в целом, положительные: осуществление этой политики дало толчок развитию сельскохозяйственного производства в колонизируемых районах и существенно разгрузило перенаселенные аграрные районы России.

Основной задачей царского Правительства России было освоение и закрепление территории России. В целом перед революцией на практике были опробованы такие методы, как поэтапные переселения (постепенные переселения из одних близ расположенных местностей в другие), выбор предпочтительных районов выхода мигрантов (сходство местностей по природно-географическим и хозяйственным условиям), подбор состава переселенцев (семейных, зажиточных и т.д.).

При этом основная миссия царской России на Дальнем Востоке состояла в решении геополитических задач, стремлении к заселению и хозяйственному освоению новой территории. Очевидным является то факт, что после начала индустриализации на Дальнем Востоке проблемы его слабой заселенности определили и проблемы дефицита трудовых ресурсов. Решить эти проблемы можно было путем привлечения населения. Миграционные потоки, ориентированные на Восток, принесли результаты. Политика государства позволила, таким образом, увеличить население Дальнего Востока во второй половине XIX в. почти на 70 %.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дальний Восток России: экономическое обозрение / под ред. д.э.н., проф. П. А. Минакира. – 2-е изд., перераб. и доп. – Хабаровск: «РИОТИП», 1995. – 477 с.
2. Метелев, И. С. Формы и методы формирования трудовых ресурсов Сибири и Дальнего Востока: исторический опыт и современность / И. С. Метелев // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 4. – С. 276-280.
3. Никитин, Н. И. Освоение Сибири в XVII веке / Н. И. Никитин. – М.: Просвещение, 1990. – 144 с.
4. Рыбаковский, Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет / Л. Л. Рыбаковский. – М.: Наука, 1990. – 168 с.
5. Хорева, О. Б. Миграционная политика в России: основные этапы, направления, механизмы формирования / О. Б. Хорева // Социальная политика и социальное партнерство. – 2011. – № 9. – С. 54-63.
6. Хорева, О. Б. Управление миграционными процессами в России: история и современность // О. Б. Хорева // Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: проблемы и перспективы реализации: материалы науч.-практ. конф., Москва, 20 октября 2009 г. – М.: Проспект, 2010. – С. 183-190.
7. Чиркин, Г. Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX в. и начала XX века [Текст] / Г. Ф. Чиркин // Очерки по колонизации Севера и Сибири. – Пг.: Гос. изд., 1922. – 450 с.
8. Юдина, Т. Н. Миграция: словарь основных терминов: учеб. пособие / Т. Н. Юдина. – М.: Изд-во РГСУ, 2007. – 472 с.

Кизиль Е. В., Чичирко Я. О.
Ye. V. Kizil', Ya. O. Chichirko

**ФОРМИРОВАНИЕ И АНАЛИЗ ФИНАНСОВО-НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

FORMATION AND ANALYSIS OF MUNICIPALITY FISCAL POTENTIAL

Кизиль Елена Витальевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учет» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); ул. Ленина, 27; 89141794220. E-mail: kizil_ev@mail.ru.

Ms. Yelena V. Kizil' – PhD in economic Sciences, associate Professor, Economics, Finance and accounting Department, Komsomolsk-on-Amur state technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); Lenin str., 27, 89141794220. E-mail: kizil_ev@mail.ru.

Чичирко Яна Олеговна – магистрант 2-го курса по направлению «Экономика» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); ул. Ленина, 27. E-mail: yana.chichirko@mail.ru.

Ms. Yana O. Chichirko – master's degree student major in Economic Sciences, Komsomolsk-on-Amur state technical University, Komsomolsk-on-Amur, Lenin str., 27 (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: yana.chichirko@mail.ru.

Аннотация. В работе рассмотрены вопросы формирования аддитивной модели финансово-налогового потенциала муниципального образования. Представлена двухуровневая функциональная модель формирования финансово-налогового потенциала муниципального образования. Дается понятие финансово-налогового уровня самодостаточности муниципальной территории (ФНУСМТ). Проблемы устойчивого развития муниципальной территории рассматриваются в аспекте наращивания ФНУСМТ посредством реализации статической и динамической моделей поведения локальной социально-экономической системы. Разработана математическая модель системы, соответствующей заданным критериям устойчивого развития муниципальной территории. Расчет влияния факторов на результативность исследуемого показателя проведен способом долевого участия.

Summary. The paper discusses the formation of an additive model of municipality financial and tax capacity. The two-level functional model of financial and tax capacity of the municipal territory is represented. The concept of fiscal self-sufficiency of the municipality is given (FSSM). Problems of sustainable development of the municipal territory are considered in terms of financial and tax increase of FSSM through the implementation of the static and dynamic behaviour model of the local social and economic system. A mathematical model of the system according to criteria of sustainable development of the municipal territory is invented. Estimation of the influence factors on the effectiveness of the test indicator is held by the equity method.

Ключевые слова: финансово-налоговый уровень самодостаточности муниципальной территории, аддитивная модель формирования финансово-налогового потенциала; динамическая модель поведения локальной социально-экономической системы.

Key words: financial and tax real rate of self-sufficiency of the municipal territory, additive model of creating financial and taxing potential, dynamic model of local social and economic system.

УДК 336.14

Функционирование местных сообществ определяется совокупностью финансово-экономических процессов, способствующих формированию финансово-налогового потенциала (ФНП) муниципальной территории и направленных на удовлетворение потребностей населения. В этой связи проблема устойчивого поступательного развития местных сообществ, на наш взгляд, может быть рассмотрена в контексте наращивания совокупных финансово-экономических потоков

муниципальной территории. На рис. 1 приведена схема формирования ФНП муниципального образования, которая позволит перейти к его количественной оценке. Физические и юридические лица (I уровень формирования ФНП) определяют налогооблагаемую базу, пополняя бюджеты всех уровней бюджетной системы и внебюджетные фонды (централизованные финансовые ресурсы). Как источники децентрализованных финансовых средств, финансовые ресурсы населения и хозяйствующих субъектов участвуют в формировании финансово-налогового потенциала опосредованно через программы софинансирования жизнеобеспечения граждан наряду с местными органами власти, занимаясь реинвестициями в целях расширенного воспроизводства, участвуя в экономических процессах территории денежными доходами (население) и доходами от предпринимательской деятельности (хозяйствующие субъекты). Непосредственно владеть органы МСУ могут только налоговыми и неналоговыми доходами собственных бюджетов (II уровень формирования ФНП). Финансовые ресурсы, собранные на муниципальной территории и зачисленные во внебюджетные фонды, а также средства, поступающие в вышестоящие бюджеты (федеральный, субъектов РФ), входят в финансово-налоговый потенциал муниципального уровня управления, но фактически не принадлежат ему.

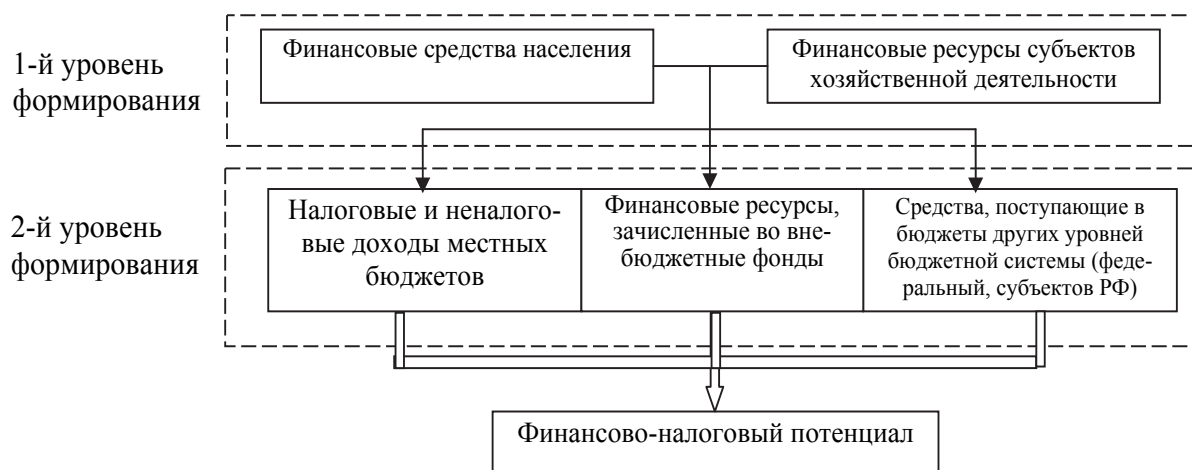

Рис. 1. Схема формирования финансово-налогового потенциала муниципального публичного уровня управления

Исходя из задач устойчивого развития муниципальных образований, функциональная модель наращивания финансово-налогового потенциала, как необходимого условия экономического роста, может быть представлена на рис. 2. Только поступательные изменения, вбирающие в себя положительные моменты предыдущих периодов развития, будут способствовать эволюции и требуемой связности циклов развития муниципального образования [1]. Если наблюдается устойчивый экономический рост локальной социально-экономической системы (СЭС), под которой в данном случае мы понимаем муниципальное образование, то каждый вновь полученный $ФНП_{i+1}$ будет больше предыдущего $ФНП_i$. Таким образом, совокупность потоков, лежащих в основе финансово-экономических процессов муниципального образования, можно рассматривать как систему исходных данных в модели устойчивого развития муниципальных образований. Следовательно, интегральный эффект влияния финансовых потоков проявляется в результативности функционирования муниципального бюджета, характеризующегося, в свою очередь, переизбытком или недостатком средств (профицит или дефицит бюджета). Функциональная модель наращивания ФНП муниципальной территории является основой формирования практической модели местного бюджета на базе интегрального эффекта финансовых потоков местного публичного уровня управления.

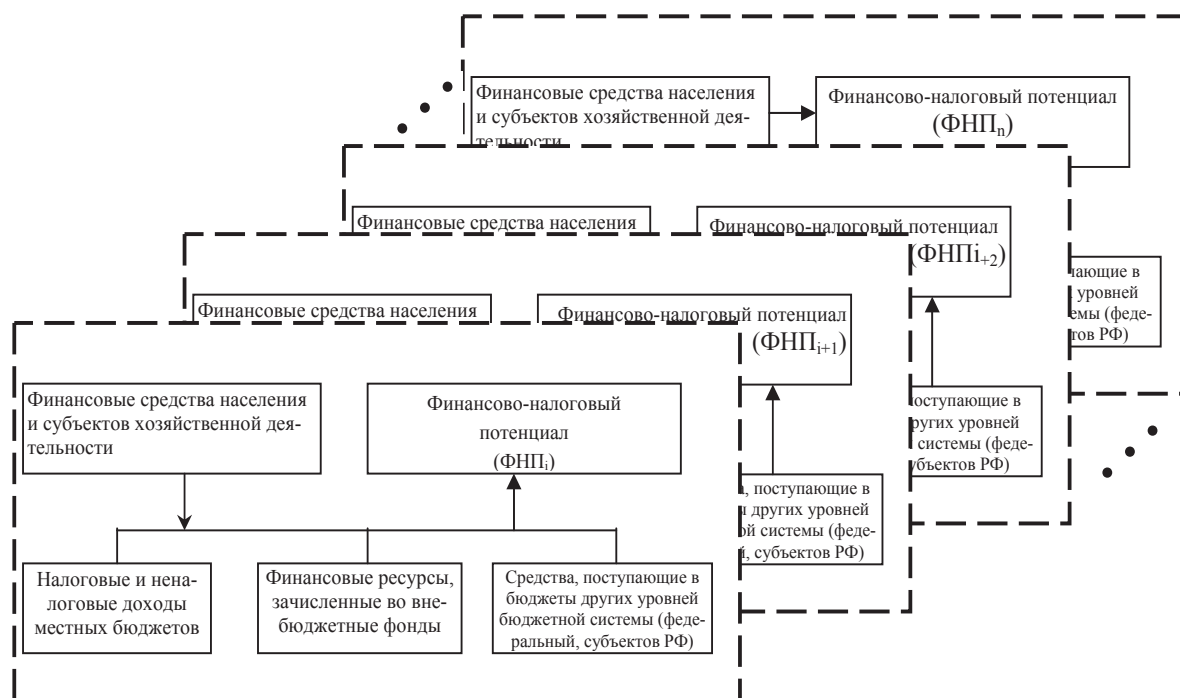

Рис. 2. Функциональная модель наращивания финансово-налогового потенциала муниципальной территории

Финансовые потоки, формирующие не только местный бюджет, но и бюджеты других уровней бюджетной системы, являются производной величиной совокупного влияния финансово-экономических ресурсов местного сообщества, которые определяются инвестиционно-предпринимательской активностью муниципальной территории. Таким образом, наполняемость бюджета местных органов власти определяется качеством управления муниципальным имуществом и собираемостью налогов и сборов в местный бюджет, которая, в свою очередь, определяется уровнем развития муниципального сектора экономики, малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании, инвестиционной активностью субъектов хозяйственной деятельности.

С другой стороны, рассматриваемую совокупность финансовых потоков можно рассматривать и как ограничительные факторы в модели развития муниципального публичного уровня управления. Для финансовых потоков характерны наличие источников поступления и их достаточность для удовлетворения потребностей местного сообщества. Как правило, местные бюджеты не сбалансированы, причем приоритетность выполнения социальных обязательств перед жителями муниципального образования может приводить к планированию бюджета с дефицитом, то есть в условиях ограниченности ресурсов необходимость наиболее полного удовлетворения потребностей местного сообщества приводит к дисбалансу финансовых потоков. В силу открытости локальной СЭС (муниципальной территории) возмущение, под которым мы понимаем в данном случае растущую несбалансированность бюджета, может привести к росту колеблемости системы и переходу к неустойчивому состоянию [2; 4]. Тем больше эта опасность, чем ниже уровень, занимаемый системой из имеющихся (федеральный, региональный, местный) в иерархии управления СЭС. Это объясняется уменьшением возможности маневрировать ресурсной обеспеченностью. Поэтому мы предлагаем модель поведения социально-экономической системы, позволяющей применить критерий эффективности, базирующийся на использовании зависимости между исходным состоянием финансово-налогового потенциала муниципальной территории ($\Phi Н П_0$), одноименным потенциалом, соответствующим текущему состоянию ($\Phi Н П_T$), и его целевым значением ($\Phi Н П_n$). Таким образом, необходимо рассмотреть финансово-налоговый потенциал в динамике. В качестве критерия эффективности поведения локальной социально-экономической системы в этом

случае можно считать расстояние между текущим значением ФНП и его целевым значением, устанавливаемым на основе факторов экономического роста [3]. С другой стороны, свидетельством поступательного развития системы можно считать положительное значение разности $\text{ФНП}_T - \text{ФНП}_0$ с учетом наложения ограничений на рост потенциала из-за нехватки ресурсов.

Таким образом, для реализации заданного критерия эффективности должна выполняться следующая система уравнений:

$$\begin{cases} \text{ФНП}_T (\text{ФНП}_{i+1}) - \text{ФНП}_ц = 0, \\ \text{ФНП}_{i+1} - \text{ФНП}_i > 0, \end{cases} \quad (1)$$

где ФНП_i – значение ФНП на начало года; ФНП_{i+1} – значение ФНП на конец года (текущее значение ФНП); $\text{ФНП}_ц$ – целевое значение ФНП.

Налоговый потенциал муниципального образования представляется нам в виде

$$\text{НПМ} = \text{МТ} + \text{НФБ} + \text{НРБ} + \text{СВФ} + \text{НПМ}^1,$$

где МТ – межбюджетные трансферты; НФБ – налоги, собранные на территории муниципального образования и поступающие в федеральный бюджет; НРБ – налоги, собранные на территории муниципального образования и поступающие в региональный бюджет; СВФ – средства, перечисляемые во внебюджетные фонды; НПМ^1 – налоговый потенциал муниципальной территории, очищенный от суммы перечислений в вышестоящие бюджеты (бюджетобразующий потенциал местного бюджета).

Тогда финансово-налоговый потенциал муниципального образования можно представить следующей моделью

$$\text{ФНП} = \text{МТ} + \text{НФБ} + \text{НРБ} + \text{СВФ} + \text{ФНУРСМТ},$$

где ФНУРСМТ – финансово-налоговый уровень самодостаточности муниципальной территории, определяемый местной доходной базой (собственный бюджетобразующий потенциал местного бюджета), прибылью и амортизационными отчислениями муниципальных предприятий, поступлений от налоговых и неналоговых доходов в рамках перераспределительных отношений между вышестоящими и нижестоящими уровнями бюджетной системы, бюджетными и внебюджетными инвестициями.

Таким образом, введенное нами понятие «финансово-налоговый уровень самодостаточности муниципальной территории» математически представляется в виде

$$\text{ФНУСМТ} = \text{НПМ}^1 + \text{НД} + \text{П} + \text{А} + \text{И},$$

где А – амортизационные отчисления муниципальных предприятий; П – прибыль муниципальных предприятий, остающаяся в их распоряжении; И – инвестиции, привлекаемые местными органами власти на цели развития; НД – неналоговые доходы местного бюджета.

Получили аддитивную модель финансово-налогового потенциала муниципальной территории в статике (см. рис. 3). Ее построение реализует первое условие в системе уравнений (1). Нормативная модель местного бюджета представляется нам имеющей социально-экономические показатели, рекомендуемые в работе О. И. Тишутинной [5]. Таким образом, величина ФНУСМТ, как составляющая ФНП муниципальной территории, должна удовлетворять как минимум условиям бездефицитности местного бюджета.

Для определения условий устойчивого развития муниципального образования воспользуемся методикой измерения влияния факторов на составляющие ФНП. При этом изменение (прирост) ФНП может быть представлено следующим выражением:

$$\Delta \text{ФНП} = \text{ФНП}_{i+1} - \text{ФНП}_i = \Delta \text{МТ} + \Delta \text{НФБ} + \Delta \text{НРБ} + \Delta \text{СВФ} + \Delta \text{ФНУСМТ}.$$

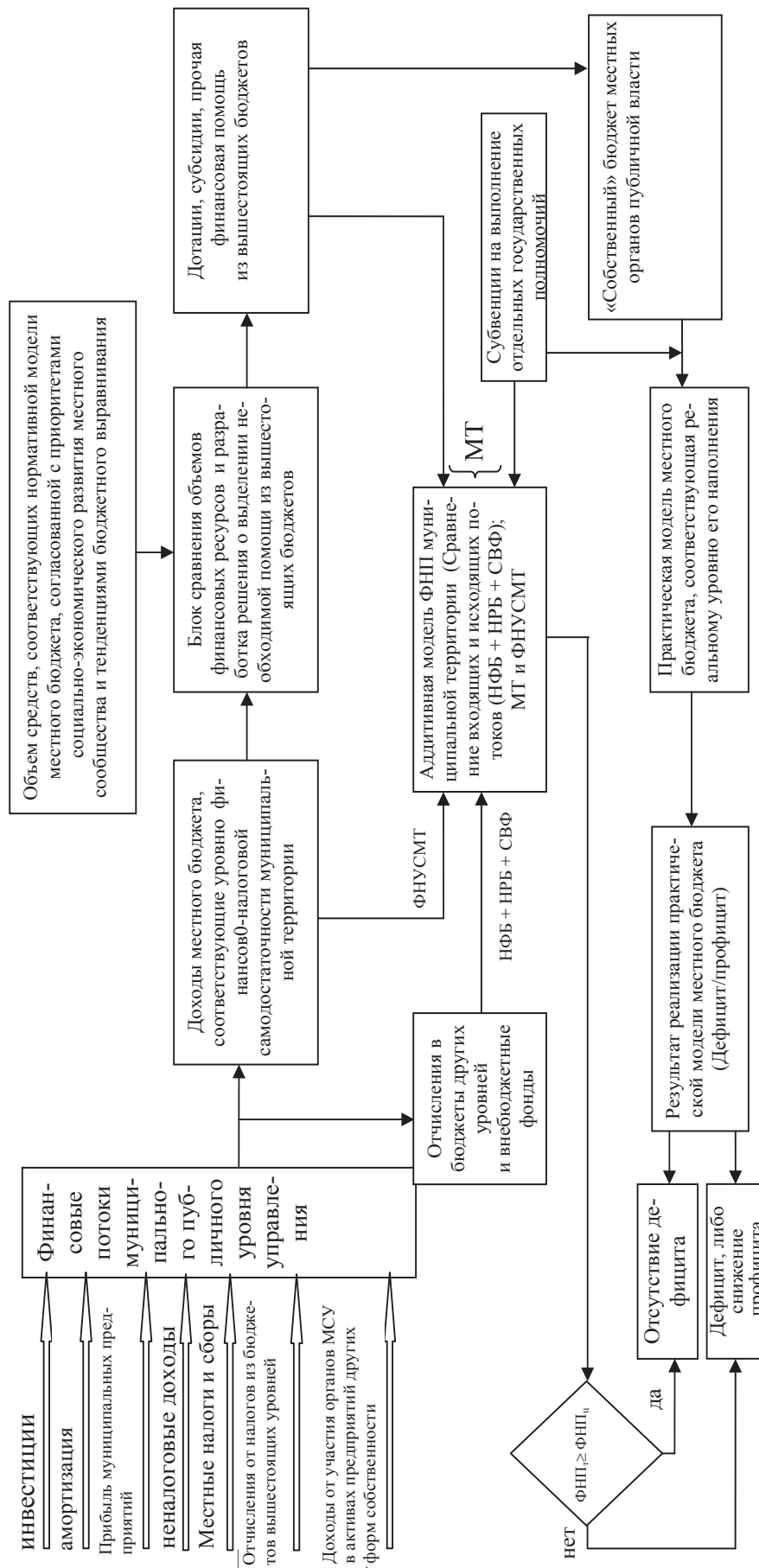

Рис. 3. Схема формирования аддитивной модели ФНП муниципальной территории (статическая модель)

Проведем вертикальный и горизонтальный анализ структуры ФНП и выделим те его составляющие, которые в наибольшей степени повлияли на нее (см. табл. 1). Расчет влияния факторов на результативность показателя способом долевого участия представлен в табл. 2.

Таблица 1

Динамика горизонтального и вертикального анализа структуры ФНП муниципальной территории

Показатель	2006 г., млн р.	2007 г., млн р.	2008 г., млн р.	2009 г., млн р.	Структура ФНП 2006 г., %	Структура ФНП в 2007 г., %	Структура ФНП 2008 г., %	Структура ФНП 2009 г., %	Прирост 2007/2006, %	Прирост 2008/2007, %	Прирост 2009/2008, %	Отклонение 2007/2006	Отклонение 2008/2007	Отклонение 2009/2008
ФНП муниципальной территории	12801,42	19251,9	20498,34	19350,84	100	100	100	100	50,39	6,47	-5,60	6450,48	1246,45	-1147,5
МТ	1426,92	1647,72	2619,76	3007,1	11	8,6	12,8	15,5	15,47	58,99	14,79	220,8	972,04	387,34
Финансовые потоки в бюджеты других уровней и внебюджетные фонды, в том числе	8810	12504	12451	12326	68,8	65	60,7	63,4	41,95	-0,42	-1,01	3695	-53	-126
- НФБ	1408	3329	1667	2282	11,0	17,3	8,1	11,8	136,43	-49,92	36,89	1267	1176	-642
- НРБ	5432	6699	7875	7233	42,4	34,8	38,4	37,4	23,32	17,55	-8,15	507	433	-99
- СВФ	1969	2476	2909	2810	15,4	12,9	14,2	14,5	25,75	17,49	-3,40	675,3	840,96	-265,44
Доходы бюджета всего	3243,9	4140	5953	6074,9	25,3	21,5	29,0	31,4	27,62	43,79	2,05	896,1	1813	121,9
Доходы бюджета (без МТ)	1816,98	2492,28	3333,24	3067,8	14,2	12,9	16,3	15,9	37,17	33,74	-7,96	675,3	840,96	-265,44
Прибыль предприятий	743,7	2602,9	2089,2	945,7	5,8	13,5	10,2	4,9	249,99	-19,74	-54,73	1859,2	-513,7	-1143,5
Амортизация	4,821	4,997	5,143	5,237	0,04	0,03	0,03	0,03	3,65	2,92	1,83	0,176	0,146	0,094
ФНУСМТ	2565,501	5100,177	5427,583	4018,737	20	26,5	26,5	20,8	98,80	6,42	-25,96	2534,68	327,406	-1408,85

Рассчитано авторами

Таблица 2

Расчет влияния факторов на результативность показателя способом долевого участия

Фактор	Изменение ФНП, млн р.	Доля фактора в изменении ФНП	Прирост ФНП и его составляющих, %
2007/2006 гг.			
ФНУСМТ	+2534,68	0,39	+19,8
МТ	+220,8	0,03	+1,72
Финансовые потоки в бюджеты других уровней и внебюджетные фонды	+3695	0,57	+28,86
ИТОГО (ФНП муниципальной территории)	+6450,48	1	+50,39
2008/2007 гг.			
ФНУСМТ	+327,406	0,26	+1,7
МТ	+972,04	0,78	+5,05
Финансовые потоки в бюджеты других уровней и внебюджетные фонды	-53	-0,04	-0,28
ИТОГО (ФНП муниципальной территории)	+1246,45	1	+6,47
2009/2008 гг.			
ФНУСМТ	-1408,85	-1,22	-6,87
МТ	387,34	+0,34	+1,89
Финансовые потоки в бюджеты других уровней и внебюджетные фонды	-126	-0,11	-0,61
ИТОГО (ФНП муниципальной территории)	-1147,5	1	-5,60

Рассчитано авторами

Решающими факторами, в наибольшей степени влияющими на величину ФНП в 2007 г., стали финансовые потоки в бюджеты других уровней и внебюджетные фонды, которые способствовали росту ФНП, но на наполняемость местного бюджета и его социально-экономические показатели влияния не оказали. При этом более чем на 6 % увеличилась доля ФНУСМТ. В 2008 г. рост ФНП (+6,47, что значительно ниже предыдущего периода), в основном, обеспечили межбюджетные трансферты. В 2009 г. произошло снижение уровня ФНП на 5,6 %, основную роль в этом сыграло снижение финансово-налогового уровня самодостаточности муниципальной территории (ФНУСМТ), которое было настолько существенным, что положительное изменение уровня МТ (+1,89) незначительно повлияло на ФНП муниципальной территории. Рассмотрим результаты реализации практической модели местного бюджета в 2006-2009 гг. (см. табл. 3). В 2006 г. наблюдался дефицит бюджета, его величина составляла 301 млн р. В 2007 г. имел место профицит в размере 233,72 млн р., в 2008 г. размер профицита несколько уменьшился до 152,4 млн р. В 2009 г. наблюдался дефицит в размере 292,5 млн р. Таким образом, прослеживается тенденция в изменениях структуры ФНП муниципального публичного уровня управления и объемов дефицита (профицита) местного бюджета.

Таблица 3

Связь динамики структуры ФНП муниципальной территории
и результата реализации практической модели местного бюджета

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Дефицит, млн р.	301	-	-	292,5
Профицит, млн р.	-	233,7	152,4	-
Доля межбюджетных трансфертов в ФНП, %	11	8,6	12,8	15,5
Доля местных финансовых потоков в бюджеты других уровней и внебюджетные фонды в ФНП, %	68,8	65	60,7	63,4
Доля ФНУСМТ в ФНП, %	20	26,5	26,5	20,8
Прирост ФНП, млн р.	-	50,39	6,47	-5,60
<i>Рассчитано авторами</i>				

Сравнение результата реализации практической модели местного бюджета с условием устойчивого развития муниципальной территории показывает, что положительный прирост ФНП (+50,39 млн р. в 2007 г.) соответствует наличию профицита бюджета (233,7 млн р.). В 2008 г. продолжается положительный прирост ФНП, хоть и в меньшей степени. Профицит бюджета при этом снижается до 152,4 млн р. В 2009 г. наблюдается отрицательный прирост ФНП (-5,6 млн р. за счет снижения финансово-налогового уровня самодостаточности муниципальной территории), что соответствует возникновению дефицита бюджета. Снижение ФНП произошло преимущественно за счет снижения доли ФНУСМТ в структуре ФНП. На рис. 4 представлена блок-схема модели устойчивого развития муниципальной территории, основанная на наращивании ее ФНП в соответствии с системой (1).

Каждый последующий уровень ФНП является величиной, большей предыдущего значения. Если это не так, необходимы мониторинг социально-экономической ситуации, выявление причин снижения потенциала и учет этих факторов в финансово-экономическом планировании территориального развития. При выполнении этого условия идет сравнение с некоторым целевым значением ФНП_ц, достигнуть которого пытается система. Достижение этого значения соответствует устойчивому росту системы в динамике. Целевое значение финансово-налогового потенциала должно соответствовать определенному значению ФНУСМТ, который, на наш взгляд, должен составлять не менее 25 % в структуре ФНП. Исходя из динамики объемов финансовых потоков, собираемых на территории в бюджеты других уровней бюджетной системы и, очевидно, соответствующих налоговым обязательствам муниципальной территории, а также практики собираемости налогов, их уровень составляет 60-65 %. На долю межбюджетных трансфертов приходится 10-15 %

от общей величины ФНП. Следует отметить, что динамика структуры ФНУСМТ требует более тщательного рассмотрения (см. табл. 4).

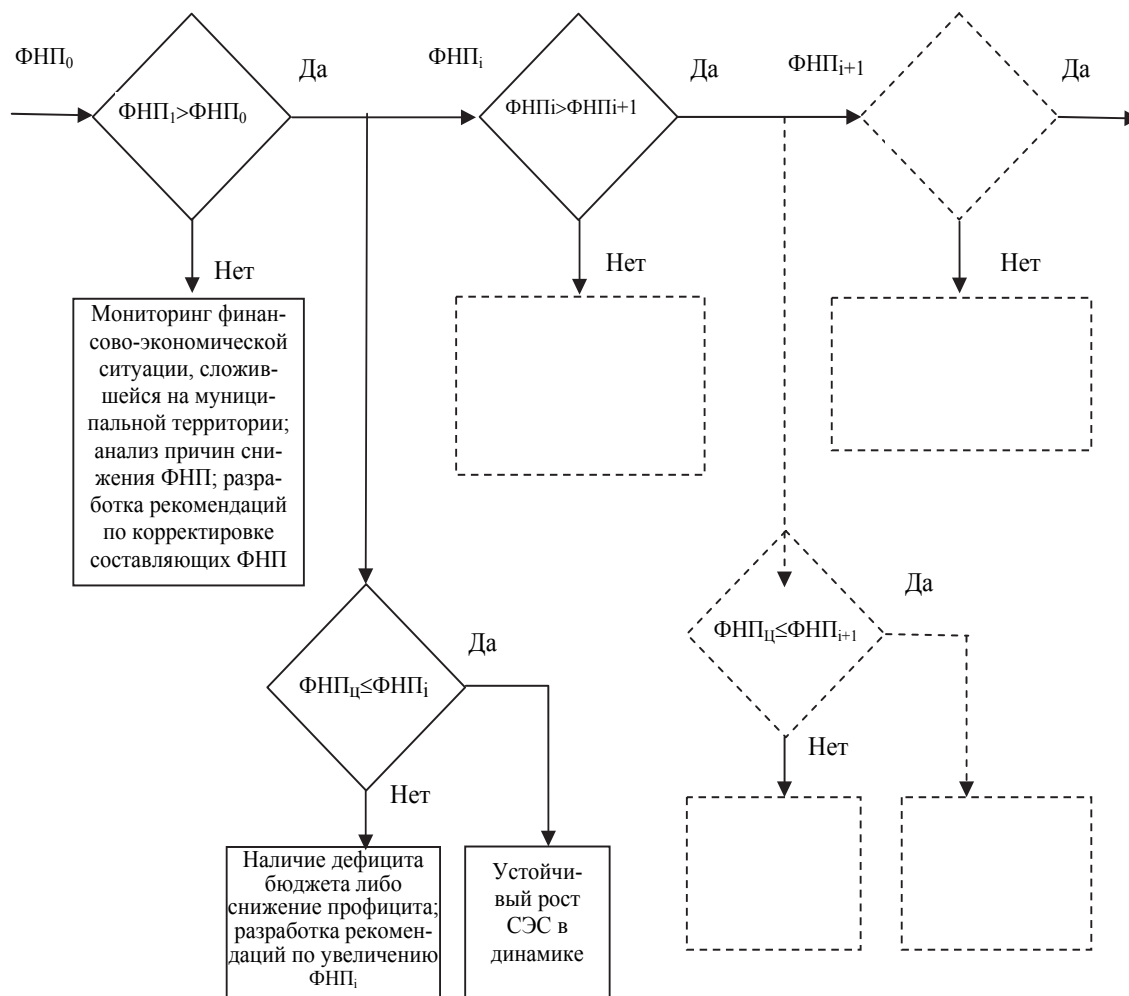

Рис. 4. Условия устойчивого развития муниципальной территории (динамическая модель наращивания ФНП муниципальной территории)

Данные табл. 4 показывают, что в 2007 и 2008 гг. существенна доля прибыли муниципальных предприятий в структуре ФНУСМТ (51 и 38,5 % соответственно). Именно для этих периодов характерен профицит бюджета. Снижение доли прибыли в структуре финансово-налогового уровня самодостаточности муниципальной территории сопровождается появлением дефицита бюджета как в 2006 г., так и в 2009 г.

Таблица 4

Структура финансово-налогового уровня самодостаточности муниципальной территории, %

Составляющие ФНУСМТ	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Доходы бюджета (без МТ)	70,8	48,9	61,4	76,3
Прибыль предприятий	29	51	38,5	23,5
Амортизация	0,2	0,1	0,1	0,2
ФНУСМТ	100	100	100	100

Рассчитано авторами

Таким образом, анализ аддитивной модели формирования ФНП, исходя из условий устойчивого развития, позволяет сделать следующие выводы:

1) Наибольший удельный вес в структуре ФНП имеют финансовые потоки в бюджеты других уровней и внебюджетные фонды (более 60 %). Тенденция к их снижению положительно сказывается на результативности исполнения местного бюджета (см. табл. 1). Мы предлагаем обособить этот финансовый поток, так как он, по существу, не влияет на финансово-налоговый уровень самодостаточности муниципальной территории, хотя и является показателем ее финансово-налоговой емкости.

2) Взаимосвязь финансово-налогового уровня самодостаточности муниципальной территории с результативностью местного бюджета также очевидна. С ростом ФНУСМТ сбалансированность местного бюджета принимает положительный характер (2007-2008 гг.). Снижение ФНУСМТ соответствует возникновению бюджетного дефицита (2009 г.).

3) Межбюджетные трансферты (входящие потоки) в 2006 году составляли 16 % от средств, передаваемых в бюджеты других уровней и внебюджетные фонды (исходящие потоки); в 2007 г. – 13,2 %, в 2008 году – 21 %, в 2009 г. – 24,4 %. Рост их доли не способствует повышению ФНУСМТ и положительной сбалансированности бюджета.

4) Степень влияния оттока ресурсов в вышестоящие бюджеты и внебюджетные фонды на уменьшение ФНП муниципальной территории ниже, чем степень снижения доли ФНУСМТ в структуре ФНП. Именно изменение последнего показателя оказало существенное негативное воздействие на уровень ФНП муниципальной территории в 2009 г., что привело к возникновению дефицита бюджета.

5) Уровень ФНУСМТ в структуре ФНП по нашим наблюдениям должен составлять не менее 25 %. Это значение соответствует бездефицитному местному бюджету (удовлетворение текущих потребностей муниципальной территории). Доля оттока финансовых ресурсов при этом может сохраняться на уровне 60 %, что соответствует выполнению «обязательств» территории перед регионом и федерацией в целом. Финансовая помощь в объеме 15 % от уровня ФНП муниципальной территории должна использоваться на цели развития.

6) Поскольку величина ФНУСМТ, как показали исследования, существенно зависит от доли прибыли предприятий в структуре финансово-налогового уровня самодостаточности муниципальной территории (ее снижение приводит к возникновению дефицита бюджета), стимулирование развития муниципального сектора экономики должно быть в приоритете у местных органов власти. Удельный вес прибыли муниципальных предприятий в структуре ФНУСМТ должен составлять не менее 40 %.

7) Согласно динамической модели ФНП муниципальной территории условием ее поступательного развития должен стать рост ФНП муниципального образования в каждом следующем периоде. Для этого рекомендуется проводить перманентный мониторинг социально-экономической ситуации с целью выявления причин снижения ФНП.

Очевидно, что дальнейшие исследования следует вести в направлении разработки конкретных мероприятий по укреплению и наращиванию ФНП муниципальной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия муниципального развития: методологические основы и технология разработки: на примере г. Жигулевска и Нефтегорского района Самарской области / Т. В. Бочкарева, С. Е. Самарцев, Г. Р. Хасаев [и др.]. – М.: Наука, 2005. – 288 с.
2. Князева Е. Н. Синергетика как мировидение: диалог с И. Пригожим / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3-20.
3. Сценарный анализ динамики поведения социально-экономических систем / В. В. Кульба, Д. А. Кононов, С. С. Ковалевский, С. А. Косяченко [и др.]. – М.: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2002. – 120 с.
4. Родионов В. Г. Прогнозирование динамики социально-экономического развития социально-экономических систем / В. Г. Родионов // Вестник С-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. – 2007. – № 2. – С. 49-57.
5. Тишутина О. И. Методология анализа бюджета приграничного региона (на примере субъектов РФ Дальневосточного федерального округа) / О. И. Тишутина // Аудит и финансовый анализ. – 2008. – № 2. – С. 462-470.

Яковлева Т. А., Чупров Р. Н.
T. A. Yakovleva, R. N. Chuprov

РИСКИ В ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УПРАВЛЕНИЕ ИМИ

RISKS IN INVESTMENT AND MANAGEMENT

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, профессор кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учет» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Tatiana A. Yakovleva – PhD in Economics, Professor, Head of the Economics, Finance and accounting Department, Komsomolsk-on-Amur state technical university (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kaf_et@knastu.ru.

Чупров Роман Николаевич – магистрант кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учет» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: Romancho_Chuprov@mail.ru.

Mr. Roman N. Chuprov – master's degree student, the Economics, Finance and accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: Romancho_Chuprov@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности инвестиционных рисков и причины их возникновения, а также приводится подробная классификация инвестиционных рисков. Далее авторы раскрывают сущность и содержание процесса управления инвестиционными рисками, представив материал для наглядности в виде схемы. В заключение статьи обосновывается использование системы специализированных институтов как способом исключения базового, или первичного инвестиционного риска.

Summary. The article discusses the features of investment risks and their causes, as well as provides a detailed classification of investment risks. The authors reveal the essence and content of the investment process, risk management, providing material for presentation in the form of a diagram. In conclusion, the article explains the use of the system of specialized institutions as a way to exclude the basic, or primary investment risk.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, экономическая неопределенность, риск, управление инвестиционными рисками, базовый риск.

Key words: investment, economic uncertainty, risk, management of investment risk, basic risk.

УДК 330.131.7:336.714

В широком смысле под инвестиционной деятельностью понимают комплекс действий, связанных с вложением и возвращением с прибылью финансовых ресурсов. Куплю-продажу долгосрочных активов и других объектов инвестирования, которые не являются денежным эквивалентом, принято считать инвестиционной деятельностью в узком смысле.

Можно выделить три основные цели инвестирования со стороны любого хозяйствующего субъекта, будь это физическое лицо, частная корпорация или государственная структура:

- 1) обеспечение прибыли от инвестиций;
- 2) преобразование финансовых сбережений в ценные бумаги;
- 3) установление контроля над деятельностью объекта инвестирования.

Приоритет одной из названных целей предопределяет выбор инвестиций определенного вида, большое количество разновидностей которых присутствует в современной рыночной экономике. Так, по объектам вложений различают прямые и портфельные инвестиции, по периоду инвестирования – краткосрочные и долгосрочные инвестиции, по форме собственности ресурсов инвестирования – государственные, частные, иностранные и совместные, по степени риска – рискованные и безрисковые.

При этом любая инвестиционная деятельность связана с высоким уровнем неопределенности и риска, абсолютно безрисковых инвестиций не существует, даже если их возврат гарантируется государством.

Под неопределенностью понимается состояние неоднозначности развития определенных событий в будущем, незнание и невозможность точного предсказания основных величин и показателей развития объекта инвестирования, неполнота или неточность информации об условиях реализации инвестиционной деятельности, в том числе связанных с ними затратах и результатах. Неопределенность предполагает наличие нестабильности, при которой результаты действий не обусловлены, а степень возможного влияния этих факторов на результаты неизвестна.

Условия нестабильности являются дестабилизирующими по отношению к инвестиционной деятельности. Негативные проявления нестабильности заключаются в следующем:

- потеря устойчивости объекта инвестиционной деятельности, соответственно ухудшение количественных значений показателей, его характеризующих;
- изменение структуры и качественного состава объекта инвестиционной деятельности;
- ухудшение степени управляемости объектом инвестиционной деятельности.

Однако нужно отметить, что нестабильность для субъекта инвестиционной деятельности, помимо негативных тенденций и рисков ситуаций создает возможности для новых уникальных событий, которые, в свою очередь, могут расширить спектр возможных инвестиционных решений. Признание нестабильности, как не парадоксально на первый взгляд, может помочь снизить инвестиционные риски.

Риском инвестиционной деятельности принято считать потенциальную, численно измеримую возможность неблагоприятных ситуаций и связанных с ними последствий в виде потерь, ущерба, убытков по сравнению с вариантом, который рассчитан при оптимальном использовании инвестиционных ресурсов, или появления дополнительных расходов в процессе инвестирования.

Инвестиционные риски возникают в связи с возможным несоответствием условий, которые учитываются при обосновании инвестиционного проекта, и фактическими условиями его реализации. Причины, по которым возникают отклонения, могут носить объективный или субъективный характер. К первой группе относятся поведение конкурентов, колебания конъюнктуры рынка, изменение хозяйственного законодательства, некомпетентные действия государственных органов власти и управления и т.п. Кроме того, точность расчетов при разработке проектов зависит от полноты информации по прогнозированию ситуации на длительный срок. Все эти проблемы связаны с существованием экономической неопределенности, уровень которой повышается в кризисные периоды.

Инвестиционные риски могут возникнуть также вследствие некомпетентности участников инвестиционной деятельности, в том числе самих инвесторов.

Разнообразие инвестиционных рисков и желание осознанного воздействия на них вызвали необходимость классификации инвестиционных рисков. С одной стороны, классификация последних строится на тех же принципах, что и для любых рисков. С другой стороны, особенности инвестиционной деятельности приводят к специфической классификации инвестиционных рисков.

Среди рисков, связанных с инвестиционной деятельностью, можно назвать следующие их разновидности:

- риски государственного регулирования: риски, связанные с изменением условий финансово-хозяйственной деятельности, изменением законодательства и риски национализации;
- политические риски: риски изменения социально-экономической стратегии развития, риски международных событий;
- социальные риски: риски качества рабочей силы, риски забастовок;
- природные и экологические риски: риски природных и техногенных катастроф, геологические риски;
- отраслевые риски: риски развития отрасли, риски конкурентоспособности производимой в отрасли продукции;

- финансовые риски: риски покупательной способности денег (риски инфляции, валютные риски, риски обесценения ценных бумаг, банковские риски) и риски платежеспособности (риски ликвидности, кредитные, процентные риски, риски неплатежей);
- противоправные риски: риски террористических актов, риски внесудебного решения хозяйственных споров, мошенничества, имущественные риски;
- управленческие риски: риски проектирования, селективные, квалификационные риски;
- маркетинговые риски: риски недостаточного изучения сегмента рынка, риски неправильного выбора направлений сбыта;
- конкурентные риски: риски неконкурентоспособности продукции, товаров или услуг;
- производственные риски: риски нарушения условий поставок, невыполнения работ, строительно-монтажные, транспортные риски, риски ответственности, риски нанесения ущерба жизни и здоровью, имущественные риски;
- правовые или юридические риски: риски неправильного оформления документации, патентные, лицензионные риски, риски судебных споров.

Как было сказано выше, подробная классификация инвестиционных рисков призвана способствовать повышению эффективности управления ими с целью обеспечения успешной инвестиционной деятельности в условиях неопределенности.

Управление инвестиционными рисками можно представить как поэтапный процесс, целью которого является возмещение ущерба для субъекта хозяйствования, обеспечение устойчивой способности его препятствовать неблагоприятным ситуациям.

В процессе управления инвестиционными рисками обычно выделяют несколько последовательных действий или этапов (см. рис. 1):

1) Анализ риска – начальный этап, цель которого получение необходимой информации о структуре, свойствах объекта и существующих рисках, а также выполнение качественного анализа рисков. Собранной информации должно хватить для принятия адекватные решения на последующих этапах.

2) Этап количественного подхода, который опирается на информацию, полученную в ходе качественного анализа, и предполагает численное определение инвестиционного риска и рисков в целом. На данном этапе формируются значения вероятности наступления рисков событий и их последствий, производится количественная оценка степени (уровня) риска, определяется допустимый в данной конкретной обстановке уровень риска.

Оценивая риск, который инвестор в состоянии принять, нужно исходить из специфики и важности инвестиционного проекта, из наличия необходимых ресурсов для его реализации и возможностей финансирования вероятных последствий риска. Степень допустимого риска определяется с учетом таких параметров, как размер и надежность инвестиций, запланированного уровня их рентабельности и других показателей, важных для инвестора.

3) Этап выбора методов снижения рисков. Данный этап предназначен для формирования политики направленной на борьбу с риском и неопределенностью.

Сегодня наиболее часто используемыми являются следующие методы снижения инвестиционных рисков:

- предотвращение риска;
- нормирование риска;
- распределение риска между участниками проекта;
- снижение степени риска;
- страхование риска.

4) Этап использования выбранного метода управления.

5) Этап отслеживания результатов и совершенствование системы управления риском. На данном этапе происходит обновление и пополнение информации о рисках, т.к. появившиеся новые данные позволяют принимать адекватные и своевременные решения. На этой основе осуществляется оценка эффективности проведенных мероприятий.

Если всех принятых мер недостаточно, то, возможно, следует отказаться от инвестирования, чтобы избежать риска.

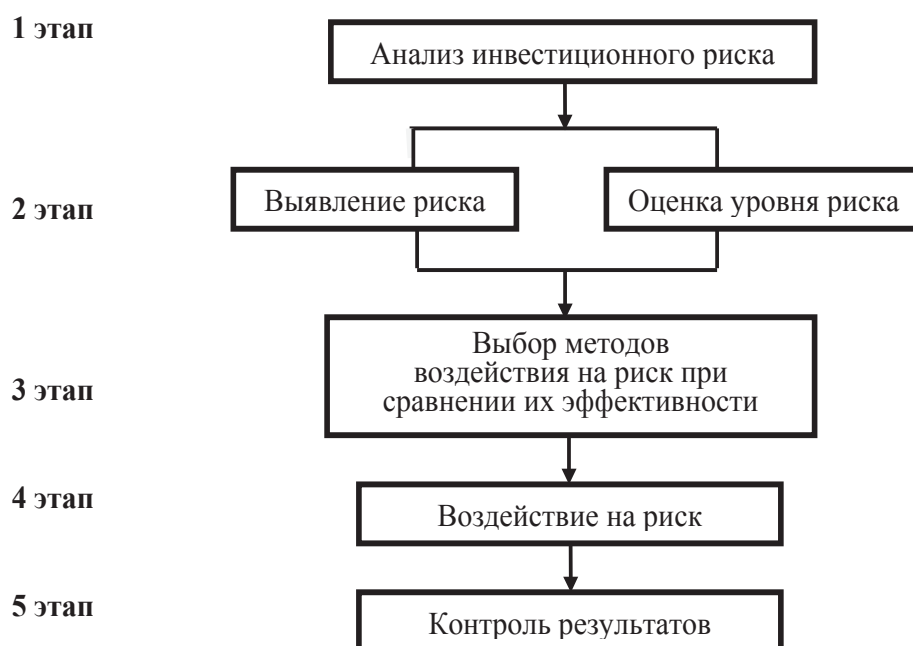

Рис. 1. Этапы управления инвестиционным риском

Рассмотренные этапы необязательно внедрять последовательно. Соответствующие мероприятия могут осуществляться параллельно, возможен возврат к предыдущим этапам и т.д.

Для инвестора работа по управлению рисками никогда не заканчивается, т.к. в ходе инвестиционной деятельности появляются новые риски. Задача инвестора состоит в выявлении этих рисков и определения подверженности потерям от риска.

В заключение следует отметить, что эффективность внедрения всех процедур управления рисками в 10 – 20 раз превышает и оправдывает затраты на разработку и реализацию всех мероприятий политики управления инвестиционными рисками. Разработка и внедрение элементов и процедур системы управления инвестиционными рисками позволяет исключить несвоевременное реагирование на рискованные ситуации на этапах планирования и реализации проекта, добиться уменьшения отклонений фактических показателей эффективности от запланированных при проектировании параметров, уменьшить уровень неопределенности в ходе реализации проекта, и, как следствие, дать гарантии выполнения поставленных целей инвестиционной деятельности путем уменьшения уровня риска минимум на 50 % [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Москвин, В. А. Управление рисками при реализации инвестиционных проектов / В. А. Москвин. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 352 с.
2. Ример, М. И. Экономическая оценка инвестиций / М. И. Ример, А. Д. Касатов, Н. Н. Матиенко; под общ. ред. М. И. Римера. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
3. Шамин, Д. В. Управление рисками инвестиционного проекта «Деловой мир», 23 августа 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://delovoymir.biz/2011/08/23/upravlenie-riskami-investicionnogo-proekta.html>.
4. Инвестиции – хорошо или плохо? Общая информация об инвестициях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://business.rin.ru/cgi-bin/search.pl?action=view&num=342490&razdel=0&w=0>.

Баженова В. В., Шайхутдинова О. Р.
V. V. Bazhenova, O. R. Shaikhutdinova

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БУХГАЛТЕРСКИХ БАЛАНСОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ ПЕРСПЕКТИВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

THE USE OF FINANCIAL STATEMENTS TO ASSESS THE PERSPECTIVES OF ENTREPRENEURSHIP

Баженова Виктория Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учета Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-962-296-83-02. E-mail: vitasyavitasya@yandex.ru.

Ms. Victoria V. Bazhenova – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics, Finance and Accounting, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin str., 27; 8-962-296-83-02. E-mail: vitasyavitasya@yandex.ru.

Шайхутдинова Ольга Раисовна – магистр Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: barbie6629@mail.ru.

Ms. Olga R. Shaikhutdinova – master's degree student major in Economic Sciences, Komsomolsk-on-Amur state technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin str., 27. E-mail: barbie6629@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению эффективности движения капитала в производственной системе на основе бухгалтерского баланса.

Summary. The article is devoted to studying the efficiency of capital flow in the production system on the basis of the balance sheet.

Ключевые слова: капитал предприятия, повышение производительной силы труда, балансоведение, бухгалтерский баланс, потенциал бизнеса.

Key words: enterprise capital, increasing productive forces of labor, the balance science, the balance sheet, the potential of the business.

УДК 330

Структурно капитал предприятия подразделяется на основной и оборотный. Финансовые потоки, составляя наиболее ликвидную часть оборотного капитала и выполняя жизнеобеспечивающую функцию, разветвляются в сторону выполнения внутренних и внешних обязательств предприятия. В финансовых потоках отражается интенсивность движения оборотного капитала, которая генерируется повышением производительной силы труда. При ускорении оборачиваемости, при каждом дополнительном кругообороте оборотных средств за счет повышения производительной силы предприятие получает дополнительный доход в виде прибыли с начислением амортизации основных средств. При этом экономическая суть амортизационных отчислений сводится не столько к возмещению износа, сколько к возврату капитальных вложений от эксплуатации основных фондов предприятия.

Эффективность движения капитала в производственной системе исследуется фундаментально разработанными методами финансового анализа. Структурные характеристики капитала в бухгалтерском балансе дают представление о результативности повышения производительной силы труда за данный период, где прибыль и заемный капитал выступают как главные факторы структурных изменений. Исследование динамики использования капитала решает многочисленные задачи, в том числе связанные с выяснением условий равновесного имущественного состоя-

ния предприятия, условий его финансовой устойчивости. Основная информация для исследований принимается из стандартного бухгалтерского баланса с использованием инструментария балансоведения и составлением как первичных, так и вторичных бухгалтерских балансов. Первые – статистические балансовые отчеты – составляются в соответствии с действующим законодательством и разработанными на этой основе стандартами и инструктивно-методическими указаниями. Вторые – производные балансы с определенным целевым назначением – составляются с некоторыми видоизменениями, упрощениями и допущениями путем трансформации первичных статистических балансовых отчетов. Такого рода балансы в финансовом анализе могут применяться для оценки экономического потенциала предприятия, для выяснения адаптивных качеств бизнеса при использовании производительной силы труда персонала. Структура капитала в этих балансах характеризует как рыночные, так и производственные возможности предпринимательства – деловой потенциал.

В дополнение к экономической диагностике как распознаванию жизнеспособности предприятия с позиций повышения производительной силы труда можно отнести самостоятельную область знаний:

- изучающую природу капитала предприятия;
- исследующую капитал при взаимоотношениях предпринимателя как с рынком, так и с трудовым коллективом, включая как благоприятные, так и неблагоприятные моменты, с которыми предприниматель входит непосредственно в контакт;
- распознающую роль и преимущества капитала данного предприятия в сложных конкурентных взаимоотношениях, определяющих условия борьбы за выживание.

При этом некоторые методы балансоведения мы рассматриваем как один из инструментариев экономической диагностики.

Не акцентируя внимание на данной области знаний, авторы курса «балансоведение» и другие исследователи капитала, подчеркивая значимость учета потенциальных возможностей предпринимательской деятельности, принимают их в основу при выяснении сущности потенциала предприятия. Но, формируя методологию оценки потенциала предприятия, следует отметить, что в бухгалтерском балансе отражается отчетная информация, которая не раскрывает реально существующих скрытых потенциальных возможностей предпринимательской деятельности. Так, «скромные возможности» бухгалтерского баланса в отражении динамических явлений экономики, принимаемых для финансового анализа, отмечают многие исследователи, в том числе и профессор А. П. Латкин: «Подобный подход, по нашему мнению, представляется несколько упрощенным, а данные, полученные на его основе, не вполне корректными, поскольку информация бухгалтерского баланса дает весьма приблизительную характеристику финансового состояния предприятия. Это связано с тем, что бухгалтерская отчетность, в том числе баланс, составляется с определенной периодичностью и является «фотографией» состояния на определенную дату. Следовательно, рассчитанные на его основе показатели также приблизительно характеризуют финансовое состояние предприятия» [1, 76].

Недостаток данных в бухгалтерском балансе для выяснения потенциала предприятия подтверждает и приводимая авторами балансоведения цитата профессора Питера Друкера *«потенциал бизнеса всегда выше реализованной действительности»*, которая свидетельствует о фиксации уже случившихся структурных изменениях капитала и оставшихся непознанными скрытых от учета потенциальных возможностях предпринимателя. Дело в том, что динамика финансовых процессов и факторы, способствующие процветанию бизнеса, в отчетной информации конкретно не раскрываются [2, 258]. В нашем представлении непредсказуемость бизнеса заключается в том, что при любом росте объемов работ, их рентабельности можно дополнительно выявить непредвиденные возможности повышения эффективности использования ресурсов предприятия. Отсюда и реализованная действительность, представляя только часть использованных производственных возможностей, не может на 100 % раскрыть производственный потенциал предприятия. Это как раз и подтверждает профессор П. Друкер в приведенной выше цитате. Развитие предприятия можно связать с постоянно определяемой вероятностной оценкой его производственных возможностей и их интенсивным использованием.

Основываясь на приведенных высказываниях в составе основополагающих принципов диагностического подхода к распознаванию потенциала бизнеса на организационно-прикладном уровне, можно представить принцип превышения потенциальных возможностей (потенциала) над реальной действительностью (достигнутым объемом производства).

Отсюда можно сделать вывод, к которому приходят многие исследователи, что потенциал любого предприятия равен сумме достигнутого объема продукции (работ, услуг) плюс неиспользованные возможности роста объемов производства.

Капитал в бухгалтерском балансе можно рассматривать как количественную характеристику ресурса, потенциально используемого для производственных целей. Ресурсная характеристика капитала присутствует при трактовке активов бухгалтерского баланса во многих зарубежных странах (США, Франции, Голландии и др.).

Ресурсное представление капитала непосредственно связано с характеристикой имущественного положения предприятия. Так, В. В. Ковалев финансовую оценку имущественного (в нашем понимании – ресурсного) потенциала предприятия представляет активом баланса предприятия, а также данными в приложениях к основной отчетности. В курсе балансоведения стоимость предприятия обосновывается определением его «общего потенциала». При этом потенциал организации представляет ее реальную или вероятную способность выполнить целенаправленную работу [3].

Авторский коллектив во главе с доктором экономических наук, профессором Н. А. Бреславцевой, а также авторы других изданий наделяют капитал таким, в какой-то степени органическим свойством, как способность [3]. Но следует отметить, что данное качество, на наш взгляд, может применяться для характеристики трудового коллектива, в использовании которого находится производственный капитал, который и характеризует производительную силу труда. Все структурные изменения производственного капитала в результате его движения в основном зависят от усилий трудового коллектива, от его способности интенсивно использовать потенциал производственной деятельности. Можно согласиться с тем, что активы и источники образования активов характеризуют, в частности в балансоведении, ресурсный потенциал. Но производственные возможности его использования целиком зависят от активности трудового коллектива, от эффективности использования ресурсов во времени. Только такая способность труда может принести в бизнесе доход при осуществлении производственно-финансовой деятельности. В балансоведении, игнорируя эту активность персонала, представляют данную категорию «действующим потенциалом». Определенные финансовые результаты при этом принимаются во внимание для оценки «общего потенциала предприятия», представляющего его стоимость. Потенциал с позиций его энергетической сущности, т.е. запасенной потенциальной энергии, можно рассматривать, с одной стороны, как ресурс, а с другой, принимая во внимание активность использования этого ресурса – как потенциальную силу воздействия этого ресурса в производстве продукции.

Принимая во внимание математическую модель производительной силы капитала $F = m \times a$, ее ресурсная составляющая может быть представлена как m – масса капитала, а воздействие или активность ресурса – это a – ускорение наращивания капитала. Ресурсный потенциал как m – масса капитала с позиций его использования в бухгалтерском балансе представляется активами. Активы, находящиеся в собственности предприятия (включая имущественные права), можно назвать ядром такого ресурсного потенциала. Собственные активы, характеризуя финансовую обеспеченность кредита, обуславливают возможности, связанные с источниками образования других активов, за счет которых можно увеличить капитал предприятия. В основном такие перспективные устремления связываются с наращиванием объема производства, реинвестированием прибыли и другими источниками наращивания капитала. В данной интерпретации потенциал, как и структура капитала, характеризуется в статике. Для стоимостной характеристики ресурсного потенциала используются «Стандарты оценки, обязательные к применению субъектами оценочной деятельности» (утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 июля 2001 г. № 519). Для выявления его возможной активности анализируется и изучается будущее изменение структуры капитала, обусловленное потенциалом деловой активности персонала. При этом количественная оценка активности производится на базе статических бухгалтерских балансов.

С позиций инвестиционного анализа активность использования капитала определяется внутренней нормой доходности и определением чистого дисконтированного дохода. Так, при возникновении предприятия в основе формирования его собственного капитала лежит уставный капитал (УК). Его величина, как правило, обосновывается инвестиционным проектом с возникающими денежными потоками от использования производственного капитала. Согласно действующим методическим разработкам по оценке эффективности инвестиционных проектов, принимается во внимание система показателей, характеризующих движение капитала. При выявлении «общего потенциала предприятия» следовало бы также учитывать эти показатели, в том числе временную стоимость денежного потока с дисконтированием будущих доходов и в сопоставлении с используемыми разновременными капитальными вложениями. В этом случае УК может приниматься за отправную базу отсчета прироста ресурсной части потенциала предприятия.

Ссылаясь на разработки В. В. Ковалева и других экономистов, можно считать, что важнейшим показателем, характеризующим ресурсный потенциал предприятия, является показатель чистых активов или показатель собственного капитала (СЧА – стоимость имущества и имущественные права). Этот показатель учитывает прирост собственности в стоимостном выражении, когда стоимость чистых пассивов превышает УК ($СЧП > УК$), либо величину потерь собственников в результате неэффективного использования собственности ($СЧП < УК$). Показатель чистых активов, учитывая наращение капитала, служит одним из основных показателей благополучия предприятия. Для коммерческих организаций размер чистых активов свидетельствует об их экономическом состоянии. Как известно, в соответствии с действующим в России законодательством величина чистых активов подсчитывается вычитанием из общей суммы активов суммы ее обязательств, принимаемых к расчету.

Используемое в экономическом анализе понятие «имущественного потенциала» предприятия численно определяется чистыми активами, которые характеризуют его имущественное положение – реальное богатство. При таком подходе учитывается и то, что какая-то часть имущества предприятия может быть отдана под залог. Прирост «имущественного потенциала» при стоимостной оценке имущества предприятия обуславливается приращением капитала за счет реинвестирования прибыли, а также дополнительными вкладами собственников фирмы, привлечением новых собственников, временным привлечением средств, безвозмездными поступлениями, целевыми поступлениями, переоценкой основных фондов.

При диагностике (распознавании) изменений структуры капитала по данным баланса, как и в экономическом анализе, необходимо соблюдать сопоставимость сравниваемых величин во времени. Сопоставимость обеспечивается переоценкой основных фондов по их восстановительной стоимости. При переоценке исторические цены «сглаживаются» и более объективно отражают количественную величину внеоборотных активов в их вещественном виде.

Проблеме определения собственности как финансового ресурса производственной деятельности посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных ученых. Как правило, в основу оценки и анализа собственности, а также процессов, связанных с управлением ею на действующем предприятии, принимается концепция создания (сохранения) стоимости (ценности) предприятия. Профессор Роберт Холт (Вирджинский Университет – США) отмечает два основополагающих принципа этой концепции: «повышение ценности фирмы» и «важность комплексного анализа при принятии финансовых решений» [3, 299]. Поскольку собственность может быть количественно оценена и представлена с помощью стоимостных показателей, то используют три основных концептуальных подхода к оценке стоимости предприятия: имущественный или затратный, рыночный или сравнительный и доходный.

Считается, что оценка стоимости предприятия по балансовой структуре капитала – это первый обобщающий уровень стоимостной оценки его ресурсного потенциала. Чистая балансовая стоимость (ЧБС) предприятия характеризуется так же, как «чистая стоимость имущества», «собственный капитал», «стоимость чистых активов», «стоимость чистых пассивов». Для характеристики экономического потенциала предприятия некоторые авторы выделяют также показатель «действительной стоимости», под которым понимают только стоимость имущественного комплекса, генерирующего результаты хозяйственной деятельности.

Профессор А. П. Латкин, проведя анализ значительного количества опубликованных методик анализа имущества предприятия и выделив в их среде методику А. Д. Шеремета, Р. С. Сейфулина и Е. В. Негашева, пишет: «Однако, несмотря на ряд преимуществ, она также не учитывает всех особенностей экономического анализа в условиях развития рыночных отношений в нашей стране». Наиболее приемлемой профессор А. П. Латкин считает методику анализа финансового состояния О. В. Ефимовой, которая значительно расширяет рамки информационной базы, что, на его взгляд, «позволяет углубить и качественно улучшить сам финансовый анализ. Согласно этой методике, включающей в себя пять этапов, анализ баланса и рассчитанных на его основе коэффициентов, следует рассматривать в качестве предварительного этапа ознакомления с финансовым положением предприятия. В дальнейшем при анализе должны широко привлекаться данные аналитического и внутрипроизводственного учета» [1, 76-784].

При рыночном и доходном методе оценки предприятия используют стоимость чистых пассивов предприятия, т.е. величину активов, остающуюся в распоряжении предприятия после вычета всех обязательств. Используя рыночный подход к характеристике производственного потенциала предприятия, можно обратиться к уже имеющимся разработкам и положениям теории балансоведения. Так, профессор, доктор экономических наук И. Н. Богатая, формирующая положения эволюционно-адаптивного учета, считает, что при оценке потенциала предприятия следует рассматривать перспективы его развития на основе данных стратегического учета. Эволюционно-адаптивный учет предполагает составление производных балансовых отчетов для целей принятия управленческих решений, направленных на развитие предприятия. В качестве инструментария для оценки возможностей развития предприятия предлагается использовать метод стратегических балансов. При этом, исходя из влияния внешних и внутренних факторов, составляют внешние и внутренние балансы. Цель внешних – выявление и измерение шансов и рисков предприятия на рынке (во внешней среде). Цель внутренних – выявление узких мест на предприятии путем определения сильных и слабых сторон направлений его деятельности. Данный подход можно рассматривать, на наш взгляд, как одно из направлений диагностики равновесного состояния предприятия. Однако баланс дает представление лишь о структурной характеристике капитала на определенный момент времени, не раскрывая потенциальных возможностей персонала предприятия. В какой-то степени характеристики активности персонала и потенциальные возможности капитала предприятия можно представить при составлении стратегических балансов. Для их составления, как утверждает И. Н. Богатая, чаще всего используются методики, основанные на балльной или процентной оценке сопоставления сфер деятельности предприятия. При этом устанавливаются различные внутренние нормативы или ограничения, определяющие момент наступления критического значения узкого места. Балансы могут строиться как в форме классической схемы баланса, так и в виде диаграммы в полярных координатах. При анализе балансов может производиться сопоставление стратегических балансов собственного предприятия и конкурентов.

Представляется важным выяснить, в какой степени методика построения балансов, используемая при финансовых прогнозах, способствует выяснению действительной величины потенциала предприятия. Дело в том, что в условиях рыночной экономики система балансовых отчетов считается основой финансового прогноза, анализа и управления. Но при этом особое значение приобретают производные балансы, которые считают неотъемлемой частью стратегического учета собственности.

Не подлежит сомнению, что бухгалтерская информация является важнейшим и основным источником для составления производных балансов и формирования модели оценки стоимости предприятия, а отсюда и его ресурсного потенциала. Но качество этой информации, используемой для этих целей, подлежит тщательной проверке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев, В. В. Межотраслевая экономика / В. В. Леонтьев; пер. с англ.; предисл. и науч. ред. А. Г. Гранберг. – М.: Экономика, 1997. – 479 с.
2. Белолипецкий, В. Г. Финансы фирмы: курс лекций / В. Г. Белолипецкий; под ред. И. П. Мерзлякова. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 298 с.
3. Балансоведение. Серия «Высшее образование». – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 480 с.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

АВДЕЕНКО И. А. ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ: МОНОГРАФИЯ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ИЗД-ВО АМГПУ, 2016. – 144 С.

AVDEYENKO I. A. TEMPORAL SYMBOLS OF RUSSIAN ROCK-POETRY. MONOGRAPH. – KOMSOMOLSK-ON-AMUR: AMGPGU PUBLISHING, 2016. – 144 P.

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr. of Philology, Professor, the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St.; +7(4217)529818. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Работа является второй из во многом интересного и новаторского цикла монографий И. А. Авдеенко, раскрывающих природу символики русской рок-поэзии. О первой книге смотри [1]. Этот цикл обещает стать фундаментальным описанием символики, представленной в конкретной разновидности текстов, объединенных множеством семантических, тематических и композиционных особенностей и в то же время существенно различных в плане проявления индивидуальных стилей, манер повествования и творческого потенциала авторов. Само привлечение такого разнообразного материала даёт надежду на адекватность отражения общих констант, выявление доминант целого.

В данном издании проанализированы темпоральные символы русской рок-поэзии: время, год, день, ночь, утро, сегодня, завтра, зима, весна. Описанию символов предпосланы общие достаточно интересные рассуждения автора о координации в содержательном плане между символами, метафорами, метонимиями и художественными образами. Не лишённые обоснованной полемической остроты эти рассуждения представляют именно символ как категорию, верифицируемую и обладающую должным уровнем аналитического потенциала, способную служить наиболее надёжным инструментом при реальном анализе художественного текста.

В методологическом отношении книга продолжает предыдущую монографию – в обоих выдержаны единые принципы анализа, что позволяет воспринимать символическое поле на надёжной общей базе как продукты единой череды обоснованных операций, среди которых важное место занимает анализ контекстуально обусловленных словоупотреблений и статистические подсчеты на базе объёмных корпусов текстов.

Хотя с некоторыми выводами автора можно было бы поспорить, но чётко прописанная методологическая база уведёт этот спор от непосредственного предмета описания, который, безусловно, интересен сам по себе, в сторону исключительно теоретических вопросов о природе и границах символа. В монографии создаётся последовательная картина составляющих рок-поэзию базовых понятий определенной тематической группы и описывается, чем они отличаются от общезыковых словоупотреблений. Это наиболее интересный результат представляемого труда.

Анализ ассоциативных связей показал, что взаимодействие темпоральных символов представляет четыре оппозиции: время – год, зима – весна, сегодня – завтра, ночь – день (утро). Работа содержит интересные статистические показатели, связанные с характером реализации этих оппозиций доминирующими при их репрезентации семантическими комплексами. Эталон созидания связан с продолжительными единицами времени.

Автор создаёт систему темпоральных символов, используя для её конструирования и репрезентации разнообразные содержательно опознаваемые и формально выявляемые критерии. Например, сегодня и завтра образуют оппозицию по таким параметрам: 1. Сегодня символизирует

Шунейко А. А.

АВДЕЕНКО И. А. ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ: МОНОГРАФИЯ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ИЗД-ВО АМГПУ, 2016. – 144 С.

множество границ со скудным пространством между ними, а завтра – определенные и единственные границы с областями освоения внутри них. 2. Сегодня предполагает активность человека, а завтра – содержательно-пассивное освоение. 3. Сегодня связано с перспективностью и неизменностью, а завтра – с надеждой на положительный результат социального плана. 4. Сегодня символизирует женское, а завтра – мужское начало.

Аналогично описаны иные оппозиции. В принципе, в данном случае мы сталкиваемся хотя и не с абсолютно новым способом лексикографического толкования, но с описанием, обладающим существенными признаками новизны. Автор не использует произвольных критериев, он сначала вычленяет их из совокупности словоупотреблений, а уже затем проверяет на всём корпусе материала, насколько релевантно они отображают общую картину.

В результате картина получается очень убедительной и интересной не только в собственно лингвистическом плане. Она помогает читателю понимать, что он слышит, настраивает его слух на верное восприятие, показывает, что поверхностно простое описание может включать в себя интересные отсылки к общему фону.

Наблюдения и выводы автора позволяют с уверенностью говорить, что русская рок-поэзия – текст единый не только с исторической, ритмико-мелодической, идеологической и иных точек зрения. Это еще и единый языковой текст. Увидеть это сквозь разнообразие исполнительских манер и исторических эпох – задача сложная. И. А. Авдеенко решил её великолепно, что гарантирует книге множество заинтересованных читателей.

В последнее время есть много желающих отправиться в путешествие по миру русской рок-поэзии. Книги И. А. Авдеенко позволяют избежать им легкого скольжения по поверхности: дадут возможность спускаться в самые мрачные ущелья и впадины и подниматься на горные вершины, где ослепительная белизна света манит к свободе и говорит о том, что она есть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Авдеенко И. А. Пространственные символы русской рок-поэзии: моногр. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АМГПУ, 2014. – 144 с. / А. А. Шунейко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2014. – Т. 2. № 3(19). – С. 112-113.

Шунейко А. А.

A. A. Shuneyko

コトワザトセイクガカタルロシアブンカ ことわざと成句が語るロシア文化
リュドミーラ・クラピーヴニク/水上則子 著定価 1,944円 (本体1,800円) 品切れ

**КРАПИВНИК Л. Ф., МИДЗУКАМИ Н. РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА. – ТОКИО, 2016.**

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, просп. Ленина, 27; тел.: 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr. of Philology, Professor, the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St.; +7 4217 529818. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Не многим отечественным учёным удаётся публиковать свои книги за границей. И уж вовсе единицами являются те, чьи труды печатают в странах, где говорят на языках иных типов. Среди этих единиц оказалась Л. Ф. Крапивник, которая вместе со своим японским соавтором Н. Мидзуками выпустила в Токио учебное пособие, посвященное отражению в пословицах и поговорках русского языка русской языковой картины мира. Казалось бы, сложно было ожидать от теоретика – специалиста по символике методической работы для обучения языку. Но этому есть своё объяснение.

Труд оказался результатом многолетней деятельности Л. Ф. Крапивник по обучению японских студентов различных уровней и специальностей русскому языку в Японии и в России. Надо ли говорить о том, что выросшая из недр методической работы книжка как нельзя лучше отвечает своему предназначению: показать японцам особенности русской культуры через устойчивые выражения, частотно представленные в речи; научить их говорить по-русски. Этим предназначением обусловлено содержание пособия. Оно состоит из двух разделов: теоретического и практического.

Первый раздел включает пятнадцать лекций по различным актуальным вопросам характеристик языковых единиц и их взаимодействия с культурой. Раздел I. Особенности русских пословиц и поговорок. Лекция 1. Русские пословицы. Лекция 2. Особенности понимания и перевода русских пословиц. Лекция 3. Поговорки русского народа. Лекция 4. Собираение и сохранение русских пословиц и поговорок. Лекция 5. Эмоциональная окрашенность русских пословиц и поговорок. Лекция 6. Национальное своеобразие русских пословиц и поговорок. Лекция 7. Исторический характер русских пословиц и поговорок. Лекция 8. Культурная ценность русских пословиц и поговорок. Лекция 9. Традиции и обычаи русского народа в пословицах и поговорках. Лекция 10. Приметы и суеверия в русских пословицах и поговорках. Лекция 11. Русские зоопословицы. Лекция 12. Русские поговорки-сравнения. Лекция 13. Происхождение русских пословиц и поговорок. Лекция 14. Функции русских пословиц и поговорок и их ситуативно-тематическое разнообразие. Лекция 15. Концепты русской культуры в пословицах и поговорках.

Этот материал создаёт надежную теоретическую базу и ориентирует читателя на многостороннюю важность предмета, показывает его укорененность в культуре, раскрывает диахронию и структурные особенности единиц, устанавливает функции, характер использования и связь со смежными явлениями, доказывает, что без этой информации культуры и языка не понять.

Раздел второй озаглавлен «О чем рассказывают русские пословицы и поговорки». Он состоит из семи самостоятельных, но внутренне единых текстов. Текст 1. Что говорит русский народ о пословицах и поговорках. Текст 2. Отношение к языку и слову в русской культуре. Текст 3. Правила речевого этикета в русских пословицах и поговорках. Текст 4. Родина и Россия в русских пословицах и поговорках. Текст 5. Русский характер и жизненные принципы русского человека в по-

Шунейко А. А.

КРАПИВНИК Л. Ф., МИДЗУКАМИ Н. РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА. – ТОКИО, 2016.

словицах и поговорках. Текст 6. Нравственные нормы и ценности русского человека в пословицах и поговорках. Текст 7. Отношение к труду и учебе в русских пословицах и поговорках. Заключение.

По сути эти описания – частичные воспроизведения бытующих в русской культуре амбивалентных по своей природе коммуникативных стереотипов. О последних см. [1]. Размеры пособия не позволяют собрать их все, а направленность пособия не позволяет отдельно толковать это сложное понятие. Но оно полноправно представлено в книге.

Несложно заметить, что подбор текстов и единиц антропоориентирован. Здесь представлены два различно сходных полюса: человек в пословицах и пословицы в человеке. Оба они сходятся в точке созидательного начала языка, которое, в силу этого, становится доступнее для учащегося, обретает живую плоть речевых форм и частично лишается теоретической абстрактности.

Теоретическая и практическая информация за счет множества содержательно мотивированных параллелей заставляют воспринимать текст как целое, обладающее доступностью, легкостью и большой познавательной силой, умело облечённой в доступные объяснения и уместные примеры.

Наведением мостов между народами занято большое количество международных и государственных организаций. Конечно, результативность этой книжки не сравнить с итогами их огромной деятельности. Но есть уверенность, что и она является одной из прочных несущих конструкций, обеспечивающих единство и понимание между разными группами людей. Именно им, в первую очередь, она и адресована. Хотя может быть интересна и для носителей русского языка, и как образец составления методического пособия на сходную или аналогичную тему, и как факт народной дипломатии.

Думается, что увеличение количества подобных изданий позволит сократить напряжение между странами за счёт утверждения того, что при всей своей разности люди очень похожи в главном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Стереотипы речевого поведения / А. А. Шунейк, И. А. Авдеенко // Русская речь. – 2001. – № 2. – С. 58-59.

Матюшко А. В.
A. V. Matyushko

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ПОНЯТИЯ ЭНТРОПИИ В ГУМАНИТАРИСТИКЕ

AMBIVALENCE OF THE ENTROPY CONCEPT IN THE HUMANITIES

Матюшко Андрей Владимирович – старший преподаватель кафедры «Иностранные языки» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: matyushko79@mail.ru.

Mr. Andrei V. Matyushko – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin str., 27. E-mail: matyushko79@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются разнообразные трактовки понятия «энтропия». Приводятся примеры актуализации энтропии из различных сфер бытия. Делается вывод о неоднозначности трактовки данного термина в гуманитаристике.

Summary. The paper deals with various views on the concept of entropy. The author gives examples of entropy actualization from different spheres of existence and comes to conclusion about the ambiguity of the treatment of this term in the Humanities.

Ключевые слова: энтропия, амбивалентность, гуманитаристика, текст, знак.

Key words: entropy, ambivalence, the Humanities, text, symbol.

УДК 001

Понятие «энтропия» очень широко распространено в научном дискурсе и используется в самых разных дисциплинах: точных, естественных, гуманитарных. Его применяют и во вселенских масштабах в космологии и применительно к минимальным нередуцируемым единицам данных (битам) в теории информации, в поле общественных отношений в социальных науках и при анализе единичных произведений человеческого творчества (например авторский текст в наиболее широкой трактовке данной дефиниции). Однако столь обширное и мультидисциплинарное бытование данного термина, на наш взгляд, имеет следствием определенные семантические дистинкции и даже, возможно, парадоксы.

Первоначально значение энтропии было лишено смысловых коллизий и имело однозначную трактовку. У Клаузиуса, энтропия – это функция состояния термодинамической системы, численно равная отношению изменения теплоты к температуре [2, 127]. В трактовке Ландау и Лившица «Энтропия есть величина, характеризующая средние свойства тела за некоторый отличный от нуля промежуток времени» [1, 42]. Имманентным инвариантом в данных физических определениях является эксплицитное наличие категории времени, что отличает их от некоторых экспликаций, например, лингвистического толка.

В дальнейшем понятие энтропии стало использоваться за пределами первоначального термодинамического значения. Данный пример характерен для многих, подтвердивших свою доказательную силу и эвристический потенциал понятий и методов, и иллюстрирует экспансиональный характер продуктивных эпистемологических процедур [подробнее см. 2, 3, 4].

Классический пример понижения энтропии или даже «энтропийной плотины» – это жизнь вообще или живое тело в частности. На каждой темпоральной точке оно (тело) тождественно самому себе по различным показателям, таким как: температура, водно-солевой состав и пр. Естественно, бывают отклонения, но они фиксируют проблемную ситуацию (например болезнь), а не типичную ситуацию. Таким образом, сохранение постоянства при перманентной работе (работа понимается в физическом смысле), метафорически «стойкость под гнетом» – это уменьшение энтропии.

Теперь рассмотрим то же живое тело в другой плоскости. Предположим, что это человек, генерирующий информацию. Если он будет продуцировать знак (например ЭЭЭ... или ААА...) или символ (например булевскую истину, то есть, предположим, будет утвердительно отвечать на любой запрос), то мы можем констатировать постоянство. Действительно, символ или знак один и тот же, но энтропия в данном случае повышается. Энтропия как мера неопределенности фиксирует в этом примере отсутствие приращения информации. Для уменьшения энтропии необходимо, чтобы каждый следующий символ в последовательности знаков был случайным и наиболее удален от естественной языковой частотности. При переходе к более крупным единицам измерения информации наблюдается принципиально другая картина. Чтобы пояснить эту мысль, представим два крупных и при этом семантически осмысленных и значимых текста, например словарь Даля и пьесу Чехова. В первом случае, очевидно, слова будут упорядочены по алфавиту, а во втором нет, но будут состоять из тех же самых единиц (слов). По Шеннону [4, 261] словарь будет обладать существенно более высокой энтропией. Пьеса же Чехова – это пример ее уменьшения, так как за относительно короткий промежуток времени она демонстрирует разнообразие проявлений черт характеров, чувств, эмоций, идей и переживаний, которые маловероятно встретить в реальной жизни за тот же временной промежуток [подробнее см. 1].

Необходимо отметить следующий парадокс, который можно проиллюстрировать проведя аналогию с математикой. Если существуют два алгебраических выражения с равными правыми частями (то есть с теми, которые стоят после знака равенства), то необходимо должны быть равны и их левые части и их можно совместить, приравнять. Данная процедура является одной из основополагающих как в математике, так и во всех областях знания, использующих метод функционального абстрагирования (физика, химия и пр.) Специфику перехода в сферу культурной, текстуальной информации можно прояснить с помощью мысленного эксперимента. В правой части уравнения у нас, предположим, понижение энтропии. В левой же может быть шумоподобный набор случайных символов (то есть следующий символ последовательности недетерминирован и соответственно непредсказуем на основе предыдущей выборки) или текст трагедии Шекспира. В обоих случаях энтропия уменьшается, но ни о каком равенстве или хотя бы соотносительности гениального текста и стохастического набора знаков, по нашему мнению, говорить не имеет смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов, А. Вид с высоты / А. Азимов; пер. с англ. Д. Жукова – М.: Мир, 1965. – 234 с.
2. Ландау, Л. Д. Статистическая физика. Ч. 1 / Л. Д. Ландау, Е. М. Лифшиц. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 1976. – 584 с.
3. Сивухин, Д. В. Общий курс физики: В 5 т. Термодинамика и молекулярная физика / Д. В. Сивухин. – М.: Наука, 1990. – 591 с.
4. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон; пер. с англ.; предисл. А. Н. Колмогорова; под ред. Р. Л. Добрушина и О. Б. Лупанова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 829 с.
5. Шунейко, А. А. Характеристика научного знания: часть I – отправные точки / А. А. Шунейко, А. В. Матюшко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2015. – № I-2(21). – С. 121-123.
6. Шунейко, А. А. Характеристика научного знания: часть II – уровни проверки на истинность / А. А. Шунейко, А. В. Матюшко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2015. – № II-2(22). – С. 125-128.
7. Шунейко, А. А. Характеристика научного знания: часть III – особенности процедур проверки на истинность / А. А. Шунейко, А. В. Матюшко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2015. – № III-2(23). – С. 125-131.